

Научный журнал

Основан в марте 2006 г.

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

г. Калуга

Содержание номеров журнала реферируется ВИНТИ

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (<http://elibrary.ru/>)

Подписной индекс 42937 в объединенном каталоге «Пресса России»

Научные статьи и доклады

- **социальные и гуманитарные науки**
- **естественные и технические науки**
- **психолого-педагогические науки**

Университетские новости

Из истории университета

Юбилей

Научная хроника

Рецензии

Редакционная коллегия

Королев В.Б., первый проректор КГУ им. К.Э. Циолковского, канд. ист. наук
(главный редактор)

Горбачева Е.И., доктор психол. наук, профессор (заместитель главного редактора)

Воронин И.В., начальник управления науки и международной деятельности
(ответственный секретарь)

Васильев Л.Г., доктор филол. наук, профессор

Ерёмин А.Н., доктор филол. наук, профессор

Краснощеченко И.П., доктор психол. наук, профессор

Лыков И.Н., доктор биол. наук, канд. мед. наук, профессор

Маслов С.И., доктор пед. наук, профессор

Мильтман О.О., доктор техн. наук, профессор

Никифоров К.Г., доктор физ.-мат. наук, профессор

Степович М.А., доктор физ.-мат. наук, доцент

Филимонов В.Я., доктор ист. наук, профессор

Чернова Г.В., доктор биол. наук, профессор

Штрекер Н.Ю., доктор пед. наук, профессор

Редактор И.В. Воронин

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26, комн. 222.

Тел.: (484 2) 57 40 81, 56 58 92

Факс: (484 2) 56 58 92

E-mail: VoroninIV@tksu.ru

Учредитель:

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гладышев Ю.А., Калманович В.В., Степович М.А.

Приложение методов аппарата Берса к задачам процессов переноса в многослойной среде..... 5

Магомедов Р.А.

Особенности пункционной траектории в зависимости от топографии очаговых образований печени..... 11

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Арпентьева М.Р.

Социальная работа: кадровая и социальная революции в мегаполисах России..... 16

Артамонов М.А.

Философско-антропологические идеалы В.С. Соловьева..... 27

Белова Е.В., Васильев Л.Г.

Бытовой конфликт с точки зрения лингвистики..... 39

Золотарева Т.Ф.

Социальная помощь семьям больных алкоголизмом и наркоманиями..... 44

Косушкин В.Г., Королёв В.Б., Кривов С.И.

Стратегическое планирование как средство повышения эффективности регионального ВУЗа 57

Лыткин В.В.

Проблема SETI и «Космическая антропология» К.Э. Циолковского..... 65

Решетникова А.И.

Криминологическая характеристика осужденных, больных туберкулезом, содержащихся в лечебных исправительных учреждениях..... 74

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ахмерова И.Ю., Тулбаева Н.Р., Прокопьева А.М.

Современные подходы к оказанию комплексной помощи детям с расстройствами аутистического спектра..... 76

Бакурова О.Н.

Чувствительность к проблеме: психологические подходы к определению и изучению..... 82

Гинсар Э.П., Кирдяшкин С.А., Котов А.А., Цуканов Е.А.

Анализ комплексного научного подхода к исследованию эффективности учебного процесса со студентами военных кафедр гражданских вузов..... 91

Казанжи М.И.

Психологический портрет будущего педагога-фасилитатора..... 94

Кирюхина Н.В.

О некоторых приемах формирования физических понятий у студентов ВУЗа..... 98

Козлова Е.В.

Приобщение детей к традициям русской народной песни..... 102

Мачехина Е.А.

Моральная компетентность подростка: опыт разработки исследовательской процедуры..... 106

Молоткова С.В.

Опыт изучения созависимых родственников в семье с химическим аддиктом..... 114

ОБ АВТОРАХ..... 119

SUMMARY..... 125

CONTENTS

SCIENTIFIC ARTICLES AND REPORTS

NATURAL AND ENGINEERING SCIENCES

Gladyshev Y.A., Kalmanovich V.V., Stepovich M.A.

The application of Bers' theory methods to solution of the problem of transport processes in a multi-layer medium 5

Magomedov R.A.

Peculiarities of puncture track depending on topography of liver focus formations 11

SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES

Arpentieva M.R.

Social work: human and social revolution in megalopolises of Russia 16

Artamonov M.A.

Philosophical-anthropological ideals of V.S. Solovyov 27

Belova E.V., Vasiliev L.G.

Everyday conflict from the linguistic point of view 39

Zolotareva T.F.

Social assistance to families of alcoholics and drug addicts 44

Kosushkin V.G., Korolyov V.B., Krivov S.I.

Strategic planning as effectiveness heightening means of a regional higher educational establishment... 57

Lytkin V.V.

The SETI Problem and "Space Anthropology" of Konstantin E. Tsiolkovsky 65

Reshetnikova A.I.

Criminological description of prisoners with tuberculosis, staying at medical penitentiaries 74

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES

Ahmerova I.U., Tulbaeva N.R., Prokopieva A.M.

Modern approaches to comprehensive care for children with autistic spectrum disorders 76

Bakurova O.N.

Sensitivity to the issue: psychological approaches to the definition and study 82

Ginsar E.P., Kirdyashkin S.A., Kotov A.A., Tsukanov E.A.

Analysis of comprehensive scientific approach to the study of educational process efficiency with students of civil university military departments 91

Kazanzhy M.I.

A psychological portrait of the future teacher-facilitator 94

Kiryukhina N.V.

Some methods of physics concepts formation among university students 98

Kozlova E.V.

Attaching of children to traditions of the Russian folk song 102

Machekhina E.A.

Moral competence of teenager: experience of research procedures development 106

Molotkova S.V.

The experience of studying codependent relatives in the family with chemical addiction 114

ABOUT AUTHORS 119**SUMMARY** 125

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 517.958

Ю.А. Гладышев, В.В. Калманович, М.А. Степович
ПРИЛОЖЕНИЕ МЕТОДОВ АППАРАТА БЕРСА К ЗАДАЧАМ ПРОЦЕССОВ
ПЕРЕНОСА В МНОГОСЛОЙНОЙ СРЕДЕ

Рассмотрена нестационарная задача теплопроводности в многослойной среде. Приведено матричное решение задачи Коши, на котором основано решение задачи Штурма-Лиувилля. Особенностью работы является использование аппарата Берса, что дает возможность рассмотреть единым образом задачи с осевой и центральной симметрией.

Ключевые слова: многослойная среда, перенос, задача Коши, обобщенные степени.

К вопросу об описании нестационарных процессов переноса в многослойной среде обращались многие авторы [1] и ему посвящено большое число работ. Ниже предполагается показать возможность приложения обобщенных методов теории функций комплексного переменного, а именно методов Л. Берса [2], к этой проблеме. В результате дана общая и достаточно простая формула, описывающая большое число различных частных случаев. Тем самым показана эффективность и общность метода, а также его хорошие вычислительные возможности.

Основной задачей решаемой в работе является проблема Штурма-Лиувилля, которая открывает возможность решения задачи с заданными начальными условиями. Матричное решение задачи Коши, приведенное в сообщении, носит вспомогательный характер, хотя представляет интерес само по себе.

Предполагается ограничить задачу на данном этапе изучением только одномерных нестационарных потоков, направленных нормально к поверхностям слоёв среды (рис. 1).

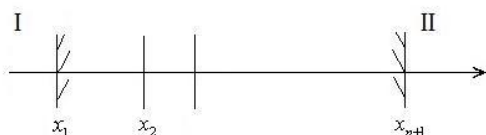

Рис. 1. Слоистая среда. Число слоёв n .
 Нумерация идет по левой координате.
 I и II – внешняя среда.

Предполагаем, что параметры слоя зависят внутри слоя от координаты x , то есть от физических и геометрических условий. Индекс сверху указывает номер слоёв, которые занумерованы по левой координате. При переходе от слоя к слою параметры резко изменяются. Предполагается, что слои могут быть не толь-

ко плоскими, но быть и криволинейными, разделёнными цилиндрическими или сферическими поверхностями с общим центром (рис. 2, 3).

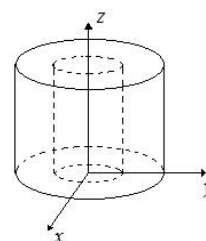

Рис. 2

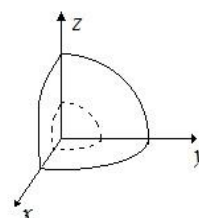

Рис. 3

Принимаем, что процесс переноса с плотностью потока I задан как градиент потенциала $\Phi^{(i)}$ в i -м слое

$$I^{(i)} = -a_1^{(i)}(x) \frac{\partial \Phi^{(i)}}{\partial x} \quad (1)$$

Для потенциала согласно закону сохранения переносимой величины придём к уравнению

$$a_2^{(i)} \frac{\partial}{\partial x} \left(a_1^{(i)} \frac{\partial \Phi^{(i)}}{\partial x} \right) = \frac{\partial \Phi^{(i)}}{\partial t}, \quad (2)$$

где коэффициенты $a_1^{(i)}(x)$, $a_2^{(i)}(x)$ определены физическими и геометрическими параметрами слоя. Верхний индекс всюду указывает номер слоя.

Учёт геометрии слоистой среды осуществляется соответствующим выбором функций

$a_1(x)$, $a_2(x)$. Например, для задачи с осевой симметрией

$$a_1 = k_1(x)x, \quad a_2 = \frac{k_2(x)}{x}, \quad (3)$$

где x – это координата в цилиндрической системе (рис. 2), а $k_1(x)$, $k_2(x)$ зависят от физических параметров. Слои разделены соосными цилиндрическими поверхностями. В случае центральной симметрии слои разделены сферическими поверхностями с единым центром

$$a_1 = k_1(x)x^2, \quad a_2 = \frac{k_2(x)}{x^2}. \quad (4)$$

Здесь x – радиальная координата r в сферической системе координат (рис. 3), а $k_1(x)$, $k_2(x)$, как и ранее, определены через физические параметры теплоёмкость $C(x)$, плотности материала слоя $\rho(x)$ и его коэффициента теплопроводности $\lambda_c(x)$.

$$k_1(x) = \lambda_c(x), \quad k_2(x) = (C(x)\rho(x))^{-1}. \quad (5)$$

Возьмём функции $a_1(x)$, $a_2(x)$ в виде

$a_1 = k_1(x)x^s$, $a_2 = \frac{k_2(x)}{x^s}$, где $k_1(x)$, $k_2(x)$ – функции, зависящие только от физических параметров. Случай $s = 0$ даёт систему, составленную из плоских слоёв. При $s = 1$ приходим к системе, обладающей осевой симметрией. Это цилиндр, составленный из слоёв. Наконец, при $s = 2$ имеем многослойную среду со сферической симметрией.

Для определённости будем говорить о процессе переноса энергии теплопроводности. В этом случае потенциал Φ есть температура среды, а I – плотность потока тепла, а $k_1(x)$, $k_2(x)$ выражены через коэффициенты теплопроводности и теплоемкости.

Если среда слоя однородна, то введём коэффициент температуропроводности α^2 обычным [1] образом

$$\alpha^2 = \frac{\lambda_c}{c\rho} \quad (6)$$

свой для каждого слоя $\alpha^{(i)}$, где индекс сверху – номер слоя. Далее для всех этих случаев наличия сдвиговой, осевой или центральной симметрии решение дано в общем виде. Уравнение (2) запишем как систему двух уравнений первого порядка:

$$\begin{cases} a_2(x) \frac{\partial}{\partial x} I + \frac{\partial \Phi}{\partial t} = 0, \\ a_1(x) \frac{\partial}{\partial x} \Phi + I = 0. \end{cases} \quad (7)$$

Введём вектор V и матричные операторы D_x , D_t как

$$V = \begin{pmatrix} \Phi \\ I \end{pmatrix}, \quad D_x = \begin{pmatrix} 0 & D_2 \\ D_1 & 0 \end{pmatrix}, \quad D_t = \begin{pmatrix} \frac{\partial}{\partial t} & 0 \\ 0 & 1 \end{pmatrix}, \quad (8)$$

где

$$D_1 = a_1 \frac{\partial}{\partial x}, \quad D_2 = a_2 \frac{\partial}{\partial x}. \quad (9)$$

Тогда запишем систему (7) в матричной форме

$$D_x V + D_t V = 0, \quad (10)$$

или в покомпонентной форме, используя операторы D_1 , D_2

$$\begin{cases} D_2 I + \frac{\partial \Phi}{\partial t} = 0, \\ D_1 \Phi + I = 0. \end{cases} \quad (11)$$

На известную аналогию свойств решений системы (11) параболического типа со свойствами аналитических функций, определённых как решения системы Коши-Римана, указывалось ранее [3].

Кроме общности аналитических методов эта аналогия подтверждается использованием матричного аппарата как аналога комплексным числам, то есть известной близостью алгебраических методов. В настоящем сообщении это показано на решении конкретной задачи.

Для уравнения (2), определяющего потенциал процесса, в матричной форме имеем

$$D_x^2 V - D_t V = 0. \quad (12)$$

С общей математической точки зрения можно считать, что рассматривается одно уравнение для Φ , причём его коэффициенты кусочно-непрерывные функции с конечным числом точек разрыва первого рода.

Предварительно приведём решения для одного слоя, ограниченного координатами x_1 , x_2 , предполагая его неоднородным, но функции a_1 , a_2 непрерывными в пределах слоя. Используем как обычно решение методом Фурье и ищем частное решение (11) в виде

$$\Phi = \Phi_0 e^{-\lambda^2 t}, \quad I = I_0 e^{-\lambda^2 t}. \quad (14)$$

Здесь функции Φ_0 , I_0 зависят только от x . Они играют роль амплитуд процесса переноса.

Систему (11) перепишем в виде

$$\begin{cases} -\frac{a_2(x)}{\lambda^2} \frac{dI_0}{dx} + \Phi_0 = 0, \\ a_1(x) \frac{d\Phi_0}{dx} + I_0 = 0. \end{cases} \quad (15)$$

В дальнейшем индекс 0, указывающий амплитудные значения потенциала и потока опускаем.

Введём матричный дифференциальный оператор D_m и вектор-столбец V

$$D_m = \begin{pmatrix} 0 & D_{2m} \\ D_1 & 0 \end{pmatrix}, \quad V = \begin{pmatrix} \Phi_0 \\ I_0 \end{pmatrix}, \quad (16)$$

где

$$D_1 = a_1(x) \frac{d}{dx}, \quad D_{2m} = -\frac{a_2}{\lambda^2} \frac{d}{dx}. \quad (17)$$

Нижний индекс m означает, что операторы D_1 , D_2 изменены согласно (15). Система (15) может быть в этом случае записана как

$$D_m^2 V + V = 0. \quad (18)$$

Далее будем использовать аппарат формальных степеней, данный Берсом [2] в форме, предложенной в работе [4]. Поэтому операторы D_1 , D_2 (порождающая пара) выбираем, как дано в (17), то есть в модифицированной форме.

Если I – оператор, обратный D справа

$$DI = 1, \quad I = \begin{pmatrix} 0 & I_1 \\ I_{2m} & 0 \end{pmatrix}, \quad D_1 I_1 = D_{2m} I_{2m} = 1. \quad (19)$$

Выбираем оператор I простейшим образом

$$I_1 = \int_{x_1}^x \frac{d\xi}{a_1(\xi)} \dots, \quad I_{2m} = -\lambda^2 \int_{x_1}^x \frac{d\xi}{a_2(\xi)} \dots \quad (20)$$

Если C – постоянный вектор, взятый из ядра оператора D

$$DC = 0, \quad C = \begin{pmatrix} C_1 \\ C_2 \end{pmatrix}, \quad (21)$$

то формальные степени (далее ФС) $Z^{(n)}(x, x_1)$ определены как

$$Z^{(n)}(x, x_1)C = n! \begin{cases} \begin{pmatrix} (I_1 I_{2m})^p & C_1 \\ (I_{2m} I_1)^p & C_2 \end{pmatrix}, & n = 2p, \\ \begin{pmatrix} I_1 (I_{2m} I_1)^p & C_2 \\ I_{2m} (I_1 I_{2m})^p & C_1 \end{pmatrix}, & n = 2p + 1. \end{cases} \quad (2)$$

Если ввести обобщённые степени Берса с помощью соотношений

$$\begin{aligned} X^{(2p)}(x, x_1) &= (2p)!(I_1 I_2)^p, \\ X^{(2p+1)}(x, x_1) &= (2p+1)! I_1 (I_2 I_1)^p, \end{aligned} \quad (23)$$

$$\begin{aligned} \tilde{X}^{(2p)}(x, x_1) &= (2p)!(I_2 I_1)^p, \\ \tilde{X}^{(2p+1)}(x, x_1) &= (2p+1)! I_{2m} (I_1 I_2)^p, \end{aligned}$$

то можно (22) записать

$$Z^{(n)}(x, x_1)C = \begin{cases} \begin{pmatrix} (-1)^p \lambda^{2p} X^{(2p)}(x, x_1) & C_1 \\ (-1)^p \lambda^{2p} \tilde{X}^{(2p)}(x, x_1) & C_2 \end{pmatrix}, & n = 2p, \\ \begin{pmatrix} (-1)^p \lambda^{2p} X^{(2p+1)}(x, x_1) & C_2 \\ (-1)^{p+1} \lambda^{2p+1} \tilde{X}^{(2p+1)}(x, x_1) & C_1 \end{pmatrix}, & n = 2p + 1. \end{cases} \quad (24)$$

Обобщённые степени (и сам термин) были введены Л. Берсом [2] при обобщении системы Коши-Римана.

Определим функции $\cos \lambda X(x, x_1)$, $\sin \lambda X(x, x_1)$, $\sin \lambda \tilde{X}(x, x_1)$, $\cos \lambda \tilde{X}(x, x_1)$ с помощью рядов по обобщённым степеням

$$\begin{aligned} \cos \lambda X(x, x_1) &= \sum_{i=0}^{\infty} \frac{(-1)^i \lambda^{2i}}{(2i)!} X^{(2i)}(x, x_1), \\ \sin \lambda X(x, x_1) &= \sum_{i=0}^{\infty} \frac{(-1)^i \lambda^{2i+1}}{(2i+1)!} X^{(2i+1)}(x, x_1), \\ \cos \lambda \tilde{X}(x, x_1) &= \sum_{i=0}^{\infty} \frac{(-1)^i \lambda^{2i}}{(2i)!} \tilde{X}^{(2i)}(x, x_1), \\ \sin \lambda \tilde{X}(x, x_1) &= \sum_{i=0}^{\infty} \frac{(-1)^i \lambda^{2i+1}}{(2i+1)!} \tilde{X}^{(2i+1)}(x, x_1). \end{aligned} \quad (25)$$

Явные выражения для этих функций для случая (3), (4) можно найти в [5].

Если функции a_1 , a_2 постоянные, то для функций $\cos \lambda X$, $\sin \lambda X$, $\cos \lambda \tilde{X}$, $\sin \lambda \tilde{X}$ имеем

$$\begin{aligned} \cos \lambda X(x, x_1) &= \cos \frac{\lambda}{\sqrt{a_1 a_2}}(x - x_1), \\ \sin \lambda X(x, x_1) &= \sqrt{\frac{a_2}{a_1}} \sin \frac{\lambda}{\sqrt{a_1 a_2}}(x - x_1), \\ \cos \lambda \tilde{X}(x, x_1) &= \cos \frac{\lambda}{\sqrt{a_1 a_2}}(x - x_1), \\ \sin \lambda \tilde{X}(x, x_1) &= \sqrt{\frac{a_1}{a_2}} \sin \frac{\lambda}{\sqrt{a_1 a_2}}(x - x_1). \end{aligned} \quad (26)$$

Если плоский слой однородный, то для процессов теплопроводности необходимо выбрать

$$a_1 = \lambda_c, \quad a_2 = (\rho c)^{-1}, \quad (27)$$

где λ_c – коэффициент теплопроводности, как это было отмечено ранее, c – теплоёмкость, ρ – плотность.

Легко установить, что через параметры λ_c и α постоянные a_1 , a_2 выражены как

$$\sqrt{a_1 a_2} = \alpha, \quad \sqrt{\frac{a_2}{a_1}} = \frac{\alpha}{\lambda_c}, \quad \sqrt{\frac{a_1}{a_2}} = \frac{\lambda_c}{\alpha}$$

где α^2 коэффициент температуропроводности. Обычно α^2 обозначают a . Формулы (26) поэтому запишем

$$\begin{aligned} \cos \lambda X(x, x_1) &= \cos \frac{\lambda}{\alpha} (x - x_1), \\ \sin \lambda X(x, x_1) &= \frac{\alpha}{\lambda_c} \sin \frac{\lambda}{\alpha} (x - x_1), \\ \cos \lambda \tilde{X}(x, x_1) &= \cos \frac{\lambda}{\alpha} (x - x_1), \\ \sin \lambda \tilde{X}(x, x_1) &= \frac{\lambda_c}{\alpha} \sin \frac{\lambda}{\alpha} (x - x_1). \end{aligned} \quad (28)$$

Введём вектор-функцию вида

$$e^{-Z(x, x_1)} C = \sum_{n=0}^{\infty} \frac{(-1)^n}{n!} Z^n(x, x_1) C. \quad (29)$$

Очевидно, она удовлетворяет уравнению типа (18), ибо

$$DZ^{(n)}(x, x_1)C = nZ^{(n-1)}(x, x_1)C, \quad Z^{(n)}C = C. \quad (30)$$

В схеме Берса [3], используя (17), (25), можно показать, что имеют место выражения

$$e^{-Z(x, x_1)} C = \begin{pmatrix} \cos \lambda X(x, x_1) C_1 - \frac{1}{\lambda} \sin \lambda X(x, x_1) C_2 \\ \lambda \sin \lambda \tilde{X}(x, x_1) C_1 + \cos \lambda \tilde{X}(x, x_1) C_2 \end{pmatrix} \quad (31)$$

Здесь функции $\cos \lambda X(x, x_1)$, $\sin \lambda X(x, x_1)$, $\sin \lambda \tilde{X}(x, x_1)$, $\cos \lambda \tilde{X}(x, x_1)$ даны в представлении Берса (25) при выборе операторов D_1 , D_2 по (19).

Условия задачи Коши означают, что задано значение V при $x = x_1$

$$V|_{x_1} = V(x_1) = V(1) \quad (32)$$

Согласно (8) и (1) задано значение потенциала Φ и его D_1 -производной.

Будем часто опускать символ x , оставляя вместо него только индекс. Решение задачи Коши запишем согласно (25), (29).

$$V(x) = e^{-Z(x, x_1)} V(1) \quad (33)$$

Действительно, по построению

$$e^{-Z(x_1, x_1)} = 1, \quad (34)$$

а правила дифференцирования (30) указывают на то, что (33) удовлетворяет системе (15). Таким образом, в рассмотрение введена функциональная матрица

$$K(x, x_1) = \begin{pmatrix} \cos \lambda X(x, x_1) & -\frac{1}{\lambda} \sin \lambda X(x, x_1) \\ \lambda \sin \lambda \tilde{X}(x, x_1) & \cos \lambda \tilde{X}(x, x_1) \end{pmatrix}, \quad (35)$$

которую далее будем называть матрицей Коши. Элементы этой матрицы зависят от переменного x . Если переменная фиксирована, например, взята в точке $x = x_2$ (конечной), то компоненты матрицы постоянны и определены физическими и геометрическими параметрами слоя.

$$K(x_2, x_1) = \begin{pmatrix} \cos \lambda X(x_2, x_1) & -\frac{1}{\lambda} \sin \lambda X(x_2, x_1) \\ \lambda \sin \lambda \tilde{X}(x_2, x_1) & \cos \lambda \tilde{X}(x_2, x_1) \end{pmatrix}. \quad (36)$$

Поэтому решение задачи Коши (32), используя матрицу K , запишем

$$V(x) = K(x, 1)V(1). \quad (37)$$

Отметим, что определитель матрицы K равен, согласно [4], единице.

$$\begin{aligned} \det K &= \cos \lambda X(x, x_1) \cos \lambda \tilde{X}(x, x_1) + \\ &+ \sin \lambda X(x, x_1) \sin \lambda \tilde{X}(x, x_1) = 1 \end{aligned} \quad (38)$$

Матрица K имеет интересную структуру, которая станет явной, если записать её как

$$\begin{aligned} K(x, x_1) &= \begin{pmatrix} \cos \lambda X(x, x_1) & 0 \\ 0 & \cos \lambda \tilde{X}(x, x_1) \end{pmatrix} + \\ &+ \begin{pmatrix} 0 & -\frac{1}{\lambda} \\ \lambda & 0 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \sin \lambda \tilde{X}(x, x_1) & 0 \\ 0 & \sin \lambda X(x, x_1) \end{pmatrix}. \end{aligned} \quad (39)$$

Здесь

$$\begin{pmatrix} 0 & -\frac{1}{\lambda} \\ \lambda & 0 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 0 & -\frac{1}{\lambda} \\ \lambda & 0 \end{pmatrix} = -E, \quad (40)$$

и, следовательно, напоминает свойства комплексной единицы.

Вернёмся к задаче Коши в случае многослойной среды. Привлекательной чертой метода K -матрицы является возможность его повторного применения. Значение $V(2)$ можно рассматривать как начальное для следующего слоя с координатами x_2 , x_3 (рис. 1). Тогда имеем

$$V^{(2)}(x) = K^{(2)}(x, x_2) K(x_2, x_1) V(1), \quad x_2 < x < x_3 \quad (41)$$

или в формализме ФС

$$V^{(2)}(x, x_1) = e^{-Z(x, x_2)} e^{-Z(x_2, x_1)} V(1) \quad (42)$$

В этом случае выражение экспоненциально-го типа

$$e^{-Z(x_2, x_1)} V(1) \quad (43)$$

следует рассматривать как новую формальную константу по отношению к первой.

Процесс можно продолжить, рассматривая $V^{(2)}(3)$ как начальное для третьего слоя. Запишем

$$V^{(3)}(x) = K^{(3)}(x, x_3) K^{(2)}(x_3, x_2) K^{(1)}(x_2, x_1) V(1), \quad x_3 < x < x_4 \quad (44)$$

или в конечной точке x_4 третьего слоя

$$V^{(3)}(x_4) = K^{(3)}(x_4, x_3) K^{(2)}(x_3, x_2) K^{(1)}(x_2, x_1) V(1). \quad (45)$$

В общем случае i слоёв результат можно записать

$$V^{(i)}(x) = K^{(i)}(x, x_i) K^{(i-1)}(x_i, x_{i-1}) \dots K^{(1)}(x_2, x_1) V(1), \quad x_i < x < x_{i+1}. \quad (46)$$

Обозначим

$$K^{(u)}(x, x_i) = K^{(i)}(x, x_i) K^{(i-1)}(x_i, x_{i-1}) \dots K^{(1)}(x_2, x_1), \quad (47)$$

поэтому (46) запишем

$$V^{(i)}(x) = K^{(u)}(x, x_i) V(1), \quad i = 2, \dots, n, \quad (48)$$

или в конечной точке

$$V^{(n)}(x_{n+1}) = K^{(u)}(x_{n+1}, x_1) V(1). \quad (49)$$

В обозначениях ФС имеем

$$V^{(i)}(x) = e^{-Z(x, x_i)} \cdot e^{-Z(x_i, x_{i-1})} \cdot \dots \cdot e^{-Z(x_2, x_1)} V(1). \quad (50)$$

Изучим, как при матричном методе учесть наличие неидеального контакта. Пусть x_i некоторая точка определяющая границу между двумя слоями. Тогда слева имеем векторный потенциал – поток $V^{(i-1)}(i)$, а справа $V^{(i)}(i)$ (рис. 4).

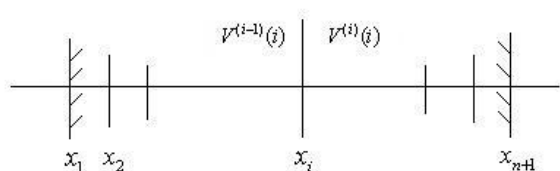

Рис. 4

Как и ранее допускаем наличие линейной связи между $V^{(i-1)}(i)$ и $V^{(i)}(i)$, которая осуществляется с помощью матрицы $M(i)$

$$V^{(i)}(i) = M(i) V^{(i-1)}(i). \quad (51)$$

Назовём её контактной матрицей. Её элементы обозначим как m_{ij} . При подстановке

значения $V^{(i-1)}(i)$ в формуле (44) следует использовать условие (48). Учёт краевых условий третьего типа производится, методом указанным в [5], путем умножения на матрицы L и R . При учете контактных матриц и граничных матриц L и R для j -ого участка выражение (46) примет вид

$$V^{(j)}(x) = RK^{(j)}(x, x_j) M(j) K^{(j-1)}(x_j, x_{j-1}) M(j-1) \times \dots \times M(2) K^{(1)}(x_2, x_1) LV_0(1). \quad (52)$$

Наиболее употребляемым в практике является наличие контактного сопротивления $\mu(i)$.

Поэтому матрица M примет вид

$$M(i) = \begin{pmatrix} 1 & -\mu(i) \\ 0 & 1 \end{pmatrix}. \quad (53)$$

Перейдём к основной задаче, а именно задаче Штурма-Лиувилля для многослойной среды. Необходимо потребовать, чтобы при $x = x_1$, $x = x_{n+1}$ потенциал процесса исчезал

$$\Phi|_{x=x_1} = \Phi|_{x=x_{n+1}} = 0. \quad (54)$$

Первоначально изучим случай идеального контакта слоёв и граничных условий первого типа. После того, как найдена общая матрица $K^{(u)}$ для системы слоёв в точке x_{n+1} имеем соотношения

$$\begin{aligned} \Phi(n+1) &= k_{11}^{(u)} \Phi(1) + k_{12}^{(u)} I(1), \\ I(n+1) &= k_{21}^{(u)} \Phi(1) + k_{22}^{(u)} I(1). \end{aligned} \quad (55)$$

Если выполнены условия (54), то имеем

$$k_{12}^{(u)} I(1) = 0. \quad (56)$$

Считая, что $I(1)$ отличен от нуля, имеем условия для определения собственного значения. Прежде всего для одного слоя из (35) получим условие

$$\sin \lambda X(x_2, x_1) = 0, \quad (57)$$

так как $\lambda \neq 0$.

В случае однородного слоя согласно (28) вернёмся общеизвестному результату

$$\sin \frac{\lambda}{2} (x_2 - x_1) = 0. \quad (58)$$

Умножая матрицы $K^{(1)}(x_2, x_1)$ и $K^{(2)}(x_3, x_2)$, приведём k_{12} в развёрнутом виде для системы двух слоёв

$$k_{12}^{(2)} = -\frac{1}{\lambda} (\cos \lambda X_2(x, x_2) \sin \lambda X_1(x_2, x_1) + \sin \lambda X_2(x, x_2) \cos \lambda \tilde{X}_1(x_2, x_1)) \quad (59)$$

Число слагаемых в выражении для k_{12} растёт как 2^{N-1} , где N – общее число слоёв.

Остановимся на более простом случае, когда слои однородны. Согласно (59) и (28), условия для собственных значений

$$\frac{\lambda_c^{(1)}}{\alpha_1} \cos \frac{\lambda l_2}{\alpha_2} \sin \frac{\lambda l_1}{\alpha_1} + \frac{\lambda_c^{(2)}}{\alpha_2} \sin \frac{\lambda l_2}{\alpha_2} \cos \frac{\lambda l_1}{\alpha_1} = 0, \quad (61)$$

где введены толщины слоёв $l_1 = x_2 - x_1$,

$$l_2 = x_3 - x_2.$$

Хорошей стороной предложенного метода, показывающей его общность, является тот

факт, что одновременно имеем условия для второй краевой задачи

$$I(1) = I(n+1) = 0. \quad (62)$$

Рассуждения, аналогичные предыдущим, дают условие

$$k_{21} = 0. \quad (63)$$

Например, для однородного слоя имеем

$$\cos \lambda \tilde{X} = 0. \quad (64)$$

Список литературы

1. Кудинов В.А., Карташов Э.М. Аналитические решения задач тепломассопереноса термоупругости для многослойных конструкций. М., «Высшая школа», 2005.
2. Bers L., Gelbart A. On a class of function defined by partial differential equations. Trans. Amer. Math. Soc. 56, N1 (1944), 67-93.
3. Widder D.V. Some analogies from classical analysis in the theory of heat conduction. Arch. Rat. Mech. and Anal. V21, N2, 108-113.
4. Гладышев Ю.А. Формализм Бельтрами-Берса и его приложения в математической физике. Калуга, 1997.
5. Калманович В.В. Решение основных задач теплопроводности для слоя матричным методом. Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Серия: Естественные науки. 2015. – Калуга: Издательство КГУ имени К.Э. Циолковского, 2015. (в печати).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 616.34-007.272.-07-08

Р.А. Магомедов
ОСОБЕННОСТИ ПУНКЦИОННОЙ ТРАЕКТОРИИ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ТОПОГРАФИИ ОЧАГОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПЕЧЕНИ

Проблема выбора тонкоигольного доступа к очаговым образованиям печени, расположенным в устье печеночных вен заключается в том, что при доступе по самому короткому расстоянию при продольном сканировании печени траектория пункционной иглы оказывается расположенной под небольшим острым углом, к самим печеночным венам и перпендикулярной к поперечному сечению нижней полой вены, при котором возникает опасность совпадения траектории пункционной иглы с продольной осью одной из печеночных вен.

Ключевые слова: прецизионные пункционные исследования, пункционная траектория, топография очаговых образований печени, образования печени.

Трудности пункционного доступа к очаговым образованиям печени, расположенным в непосредственной близости от долевых и сегментарных ветвей воротной вены, стволов печеночных вен, а также в таких труднодоступных местах, какими являются, например, некоторые зоны I сегмента, заставляют во многих случаях отказываться от выполнения пункционной биопсии этих образований. В результате, т.н. «динамического» наблюдения за состоянием очагового образования печени упускается драгоценное для больного время, а выбор радикальных или паллиативных лечебных мероприятий в значительной степени затрудняется.

Основная проблема выбора тонкоигольного доступа к очаговым образованиям печени, расположенным в устье печеночных вен заключается в том, что при доступе по самому короткому расстоянию при продольном сканировании печени через передний край IV сегмента траектория пункционной иглы оказывается расположенной под небольшим, острым углом к самим печеночным венам и перпендикулярной к поперечному сечению нижней полой вены (Рис. 1).

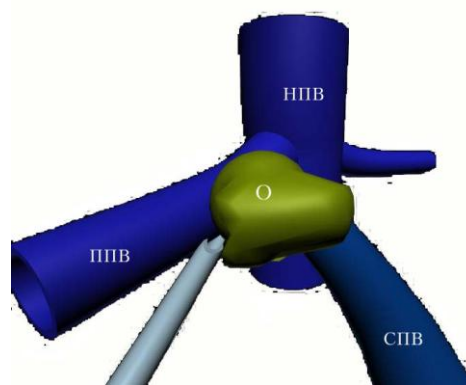

Рис. 1. Схема пункционного доступа «по ближайшему расстоянию» к опухолевидным образованиям в устье печеночных вен (НПВ – нижняя полая вена, ППВ, СПВ, ЛПВ – правая, средняя, левая печеночная вены, соответственно)

Учитывая, что печеночные вены по направлению к их устью совершают характерные и плавные изгибы, расположение которых чрезвычайно вариабельно, возникает опасность совпадения траектории пункционной иглы с продольной осью одной из печеночных вен (Рис. 2).

Рис. 2. Анатомические варианты взаиморасположения печеночной вены и ее ветвей, неблагоприятные для «глубокого» пункционного доступа

Значительных сложностей не возникает в нечастом анатомическом варианте расположения печеночных вен, при котором ствол правой печеночной вены практически до самого устья расположен параллельно переднему краю правой доли печени, а ствол средней печеночной вены напротив, образует с ним угол, близкий к прямому.

Если при этом очаговое образование расположено между правой и средней печеночными венами, то во многих случаях удастся подобрать такую плоскость сканирования, которая обеспечивает прямолинейную пункционную траекторию, позволяющую пройти пункционной игле по кратчайшему расстоянию до переднего края патологического очага без риска повреждения одной из печеночных вен (Рис. 3).

Однако, более частым анатомическим вариантом являются случаи, в которых правая и средняя печеночные вены впадают в нижнюю

полую вену, образуя друг с другом острый угол, близкий к 30-40°. (Рис. 4-а).

Рис. 3. Схождение правой (ППВ) и средней (СПВ) печеночных вен под углом, близким к прямому, создает благоприятные анатомические условия для пункционного доступа у опухолевидному образованию (О), расположенному между ними

Если очаговое образование расположено непосредственно в устье этих вен, то доступы к нему через передний край IV сегмента закрыты стволом средней печеночной вены, а при доступе через передний край V сегмента возникает высокая вероятность повреждения ствола правой печеночной вены. Аналогичная ситуация возникает при расположении очагового образования между устьями средней и левой печеночных вен, если их стволы сходятся к нижней полой вене под достаточно острым углом (Рис. 4-б).

Для преодоления вышеуказанных трудностей в подобных случаях были использованы следующие пункционные доступы, траектории при которых не были кратчайшим расстоянием до очагового образования и требовали последовательной визуализации иглы при различных, заранее определенных по трехмерному массиву данных плоскостях сканирования. Одна из таких траекторий проходила вначале параллельно верхней поверхности V сегмента, а затем через центральную зону VIII сегмента.

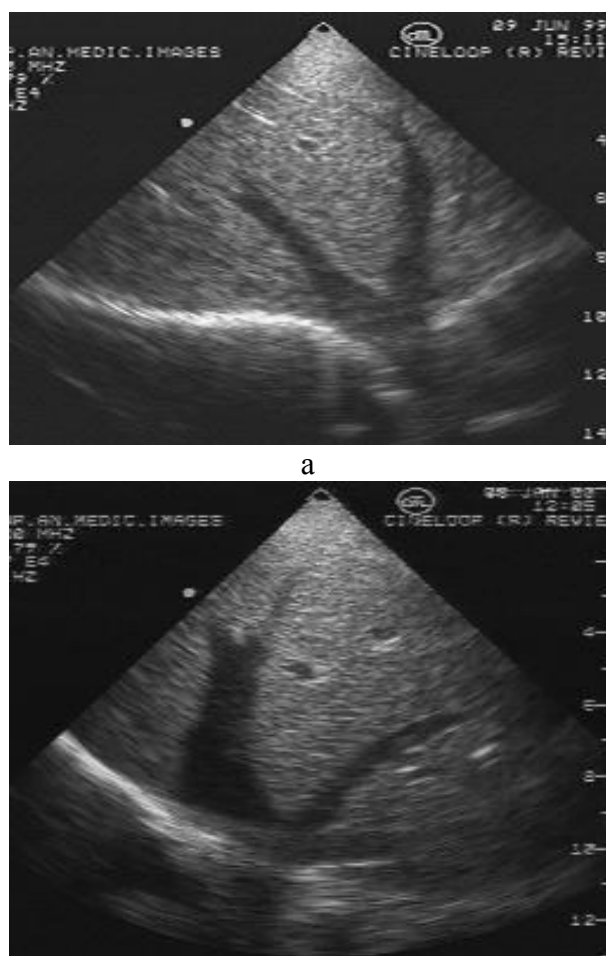

Рис. 4. Преобладающий анатомический вариант топографического отношения средней и правой (а), средней и левой (б) печеночных вен, создающий неблагоприятные условия для пункционного доступа к очаговым образованиям, расположенным в их устье.

К относительным недостаткам такой пункционной траектории следует отнести необходимость наличия широких межреберных промежутков, позволяющих выполнить полноценное ультразвуковое сканирование, а также необходимость тщательного изучения индивидуальных топографических особенностей правой долевой ветви воротной вены и ее крупных сегментарных ветвей, расположенных на границе V и VIII сегментов. В тех случаях, когда трехмерный массив ультразвукографических данных, позволяет запланировать траекторию, проходящую в безопасном отдалении от крупных ветвей воротной вены, то такая траектория является наиболее предпочтительной.

При взаимоперпендикулярном расположении продольных осей печеночных вен и центральной оси нижней полой вены идеальным

пункционным доступом можно считать те случаи, когда пункционная траектория оказывается под углом, близким к 45° к ближайшей, по отношению к очаговому образованию, печеночной вене и поперечному сечению нижней полой вены через передний край VI сегмента с постепенным плавным изгибом пункционной иглы в направлении вершины VIII сегмента. Единственным крупным венозным стволом, который может встретиться на пути пункционной иглы в этом случае является правая печеночная вена, избежать столкновения с которой возможно правильным планированием начала траектории в одном из локусов VI сегмента (Рис. 5, 6).

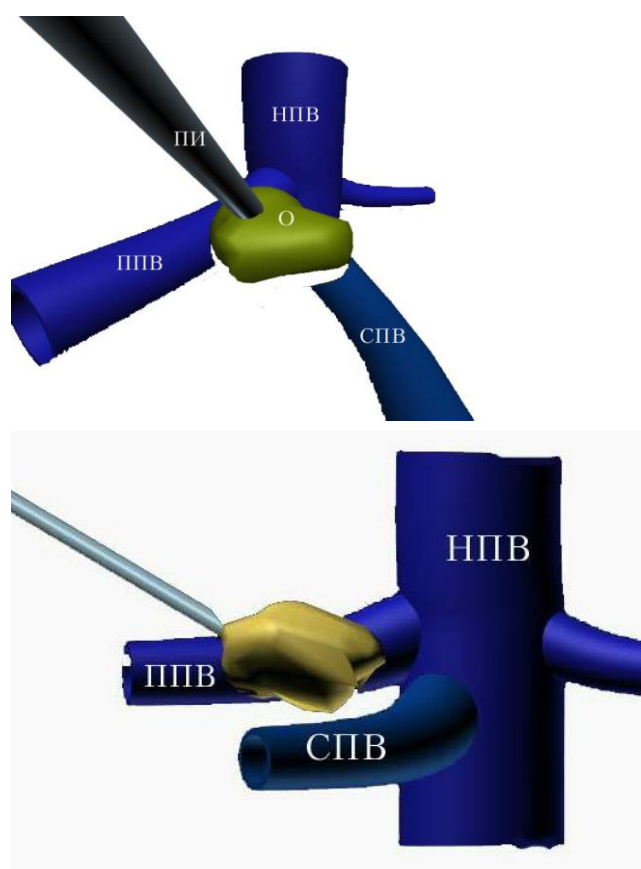

Рис. 5. Схема пункционного доступа к очаговому образованию в области печеночных вен, при котором возможность повреждения магистральных сосудов является наименьшей (НПВ – нижняя полая вена, ППВ – правая печеночная вена, СПВ – средняя печеночная вена, О – опухолевидное образование, ПИ – пункционная игла)

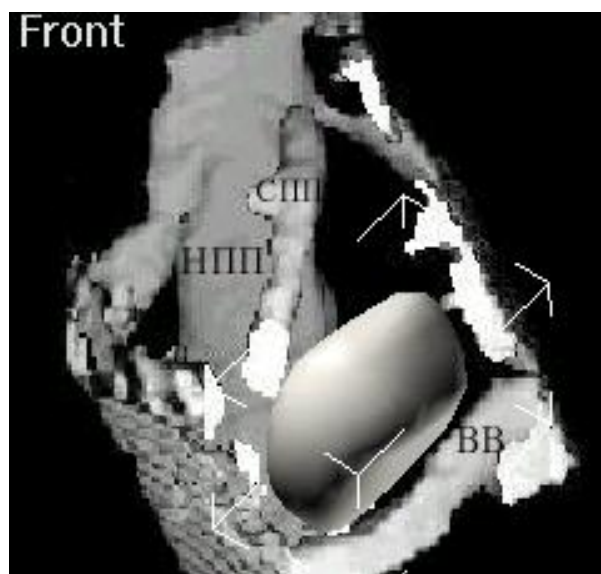
Рис. 6. Схема оптимального пункционного доступа к очаговому образованию в области устья печеночных вен по данным трехмерной ультразвукографии (обозначения те же, что и на рисунке № 5)

Аналогичная схема подбора трехмерных траекторий с соответствующими поправками можно перенести на сегменты левой доли печени.

При расположении относительно небольших по размеру очаговых образований печени непосредственно на долевых ветвях воротной вены, в особенности на их задней стороне, пункционный доступ к ним затруднен в наибольшей степени (Рис. 7).

а

б

Рис. 7. Расположение наиболее трудно доступной области в парапортальной зоне: а – по данным двухмерной ультразвукографии, б – по данным трехмерной ультразвукографии (НПВ – нижняя полая вена, ВВ – воротная вена, СПП – средняя печеночная вена)

Однако, в отдельных случаях, при тщательном изучении трехмерного массива ультразвукографических данных удастся проложить пункционную траекторию через VI и III сегменты печени, располагая пункционную иглу максимально далеко от сегментарных ветвей воротной вены и подходя к портальному стволу под относительно безопасным углом. При этом пункционная траектория пересекает продольную ось воротной вены еще до подхода к очаговому образованию, на расстоянии, как правило, более 1,5 см (Рис. № 59).

Традиционно сложной задачей является выбор безопасной пункционной траектории для доступа к очаговым образованиям, расположенным в области ворот печени. Здесь существует опасность повреждения основного ствола воротной вены, печеночной артерии и ее ветвей, общего желчного протока. Даже в трехмерном массиве ультразвукографических данных не всегда удастся проложить траекторию от передней поверхности печени, доступной трансабдоминальному сканированию, до очагового образования на нижней поверхности I сегмента, которая бы не проходила в непосредственной близости от крупных венозных стволов.

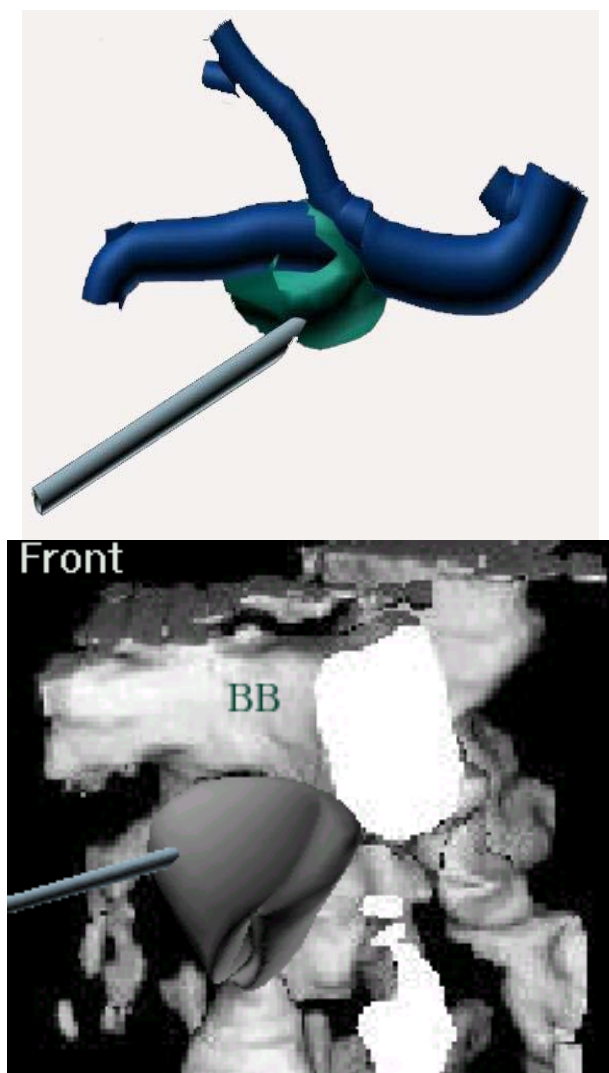

Рис. 8. Схема доступа к очаговому образованию, расположенному в I-ом сегменте печени (BB – воротная вена), справа по трехмерным ультразвукографическим данным

Список литературы:

1. Abdullaev A. G., Milanova, V. I., Tsarenko, I. A. Computed tomographic diagnosis of space-occupying lesions of the liver of various origins // Surgery. No. 6. - 2005. - S. 32-35. Ъ
2. Mulhall BP, Veerappan GR, Jackson JL. Meta-analysis: computed tomography colonography. Ann Intern Med. 2005. 142:635-650.
3. 3Emelyanov S., S. S. dagaev Planning of partial nephrectomy using three-dimensional data visualization / high-Tech methods of diagnosis and treatment in abdominal surgery – visualization problems. – Moscow, 2006. -S. 29.
4. Vertyankin, V. S., S. S. dagaev, Mitichkin A. E. Gutnov, B. M. the determination of the extent and characteristics of the distribution of adipose tissue in the abdominal cavity // Endoscopic surgery. – 2007. - No. 1. - S. 30.
5. Chanyshv F. Z., Panfilov S. A., dagaev S. S. Diagnostic support of patients after surgical treatment of cholelithiasis // Military medical journal. - 2008. - No. 6. – S. 43-44.
6. Dagaev S. S., Chanyshv F. Z. Magnetic resonance imaging in gallstone disease and its complications // Saratov scientific medical journal. - 2008.- No. 4.- S. 19-22.

Таким образом нами были отмечены следующие осложнения, возникшие в результате тонкоигольных пункций очаговых образований печени, расположенных в непосредственной близости от долевых ветвей воротной вены и основных стволов печеных вен. У 2 больных наблюдалось кровотечение из органа в месте пункции, которое было купировано консервативными гемостатическими мероприятиями, у одного больного – перфорация стенки желчного пузыря без желчеистечения.

Процентное отношение осложнений в нашей группе больных было несколько выше аналогических данных, приводимых большинством авторов для пункций очаговых образований, расположенных в более доступных зонах, однако, это отличие не было статистически достоверным.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 364.4

**М.Р. Арпентьева
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: КАДРОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИИ В МЕГАПОЛИСАХ РОССИИ**

В статье раскрываются основные тенденции и феномены становления и развития социальной работы как сферы профессиональной социальной помощи населению мегаполисов России. Выделяются принципы, уровни и аспекты развития социальной работы на разных этапах. Демонстрируется революционный характер института социальной работы и его влияния на общественное функционирование. Обсуждаются вопросы профессиональной и непрофессиональной помощи, благотворительных и государственных учреждений социального служения.

Ключевые слова: мегаполис, социальная работа, социальный работник, благотворительность, социальное служение.

Мегаполисы России – сцена взаимодействия самых разных социальных, этнокультурных, религиозных и иных групп, среди которых многие нуждаются в помощи, в том числе, социальной помощи и поддержке. Основную нагрузку на себя берет социальная работа. Как и любая живая практика и теория, социальная работа, ее развитие – процесс, характеристики которого могут меняться в зависимости от социокультурного и историко-культурного контекста его реализации. В этом смысле особый интерес представляет собой анализ феномена современности. Развитие социальной работы России начато именно в мегаполисах: местах наибольшей концентрации гуманитарных кадров и иных резервов. В основе современности лежит ряд стержневых принципов, и, прежде всего, индивидуализм, «триумф индивидуального» как центральная среди «мегатенденций», характеризующих современную эпоху [1, С. 106-107]. Следующий принцип современности – дифференциация – наиболее значим в сфере человеческой деятельности, где появляется большое количество специализированных занятий и профессий, требующих различного уровня мастерства, компетенции и опыта, в сфере потребления с ее разнообразием «жизненных шансов» и ограничений. Важнейшей чертой современности является также признаваемая всеми роль науки как средства познания и преобразования мира. В этом смысле интересна способность социальных знаний, объяснять общество, делая его отчасти более предсказуемым, влиять на ход социального процесса: новые знания изменяют природу социального мира, поворачивают его в новом направлении. Важным принципом является экспансия,

т.е. расширение зоны охвата, в первую очередь в пространстве (процесс глобализации). Современность распространяется не только вширь, но и вглубь, касаясь как частных, так и общих сфер повседневной жизни. При этом экстенсивность и интенсивность современных сдвигов более глубока и выражена, чем интенсивность и экстенсивность изменений, происходивших в предыдущие периоды. «...Идеи о нестабильности флуктуации начинают проникать в социальные нации, – считают И. Пригожин и И.Стенгерс, – Ныне мы знаем, что человеческое общество представляет собой чрезвычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества». Далее они отмечают, что «...сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям ...наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантий стабильных, не проходящих законов. Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а чувство умеренной надежды...» [2, С. 386]. Эти и другие принципы современности находят отражение в различных областях социальной жизни, особенно обращая на себя внимание в ряде новых феноменов, возникающих в современных обществах.

Если взять социальную сферу России, и, в частности, сферу социальной работы в мегаполисах, то здесь, например, наблюдаются:

1) беспрецедентные скорость и размах роста института социальной работы, которые, конечно, не свободны от местных или случайных от-

ступлений, но в целом и на длительном временном отрезке существенно превосходят то, что происходило в более ранние периоды;

2) переход от непрофессиональной к профессиональной социальной работе, профессионализация волонтерской помощи, возникновение профессиональной социальной работы и институтов подготовки социальных кадров, концентрация социальных работников в рамках специализированных учреждений социальной работы, организация междисциплинарного взаимодействия профессионалов в организации, формирование системы непрерывного социального образования

3) концентрация учреждений социальной работы в городах и урбанистических агломерациях, наряду с их распространением в сельских районах,

4) теоретическое осмысление социальной работы, междисциплинарные исследования социальной работы, распространение технологических и иных новаций, охватывающих все сферы социальной деятельности;

5) укрепление роли института социальной работы в функционировании и развитии общества, государства, формировании социального государства.

Благодаря такому развитию, система социальной работы способна менять структуру общества и иерархию стратификации. С одной стороны, значительная часть населения включается в группу лиц, временно или постоянно не способных обслуживать и обеспечивать себя, требующих временной или постоянной социальной поддержки. На другом полюсе формируется группа людей, занятых социальной работой – на ее социальном, социосферном и непосредственно-контактном уровнях, в том числе – в сфере социальной политики, это люди, обладающие властью изменять жизнь окружающих на основе разрабатываемых и защищаемых ими социальных норм и ценностей, они приобретают значительное влияние в обществе, постоянно стремясь к укреплению этого влияния, в том числе, в рамках реализации социальных потребностей общества и человека, своего представления об этих потребностях. Между этими полюсами появляется и постоянно увеличивается многочисленная группа людей, не принимающих прямого участия в социальной работе и выступающих отчасти – как создатели социальных норм и ценностей, с другой стороны – также находящихся под влиянием пред-

ставлений о нормах и ценностях социальной жизни, создаваемых субъектами второй группы.

В сфере социальной политики, на социальном уровне, происходят, например, следующие изменения-

1) усиливается роль государства, которое принимает на себя новые функции в сфере регулирования и координирования социальной работы, расширяется сфера действия и усиливается роль законодательства, связывающего как государство, так и граждан;

2) растет численность населения, тем или иным образом привлеченного к социальной работе, что обеспечивает расширение категорий лиц, участвующих в процессах социальной (ре)абилитации, и, шире, ресоциализации в новых общественно-политических условиях,

3) рациональная деперсонифицированная бюрократическая организация в сфере социальной работы существует наряду с такими формами ее организации и управления, которые делают социальную деятельность самоуправляемой и персонифицированной (группы и организации самопомощи, благотворительные фонды и т.д.).

В сфере парадигм социальной работы, на социосферном уровне, происходят следующие изменения-

1) усиливается роль управляющих органов, которые принимают на себя новые функции в сфере регулирования и координирования деятельности учреждений социальной работы, других типов учреждений системы социальной защиты, расширяется сфера действия учреждений,

2) растет численность социальных работников, налаживаются межпрофессиональные связи и формы взаимодействия специалистов разных профессий ЦСО, других типов учреждений системы социальной защиты,

3) привлечение к социальной работе клиентов в качестве волонтеров, активизация клиентов, изменяется качественный и количественный состав клиентуры ЦСО и других учреждений системы социальной защиты, что обеспечивает большую адресность и эффективность программ помощи и (ре)абилитации.

На конкретно-практическом уровне происходят следующие изменения:

1) накопление опыта и рост профессионализма специалистов ЦСО, изменения структур ЦСО, управления ими, перераспределение функций в коллективе ЦСО, развитие диалогич-

ческих (демократических, командных) форм управления, взаимодействия субъектов, выполняющих функции управления и исполнительские функции,

2) налаживание «профильных» и межпрофессиональных контактов со специалистами других организаций системы социальной защиты, организация контакта, ориентированного на достижение и развитие взаимопонимания сотрудников ЦСО, специалистов и волонтеров,

3) освоение диалогических стратегий понимания клиентов, стремление к построению отношений взаимопонимания и взаимопомощи с клиентами.

Именно в практике социальной работы с ее «кризисной» нормативностью особенно отчетливо обнаруживают себя процессы взаимодействия и взаимного воссоздания человека и мира.

Принципиально новым и чрезвычайно важным направлением социальной политики для настоящего и будущего России является динамичное формирование системы социального обслуживания населения, ведущим неи продолжают оставаться мегаполисы. Ее основное предназначение - гарантировать каждому гражданину социальную поддержку профессиональной социальной службой и одновременно актуализировать внутренний потенциал самопомощи. Становление и развитие системы социальной защиты в России связано с целым рядом факторов и условий, среди которых наиболее важными являются усиление соперничества разных стран за создание преимущественных условий своего развития наряду с ростом тенденций к глобализации и интеграции в единое сообщество, переживаемый страной общесоциальный кризис, опыт и традиции организации социальной защиты, существующие в России в последние несколько веков.

Неизбежность интеграции в мировое экономическое сообщество ставит вопрос о возможности и необходимости выбора модели социального прогресса. Очевидно, что концепция возможного социального развития России должна формироваться хотя и с учетом опыта зарубежных стран, но на основе историко-культурных реалий российской жизни. Одна из таких реалий – перманентно существующий кризис национального самосознания, разрушительно воздействующий на все сферы жизни и деятельности общества, связанная с ним малочисленность специально подготовленных управленческих, финансово-экономических

кадров – особенно в сфере социальной работы. Ради правды скажем, что не достигнут необходимый для успешного функционирования системы социальной защиты и государства в целом, баланс между центральной властью и региональными политико-финансовыми элитами.

В.М. Сафронова отмечает, что «Ныне осуществляется не простая смена одних этапов, отношений, состояний, процессов другими, а фактически продолжается процесс уничтожения существовавших отношений без своевременной замены на новые» [3, С. 65-78]. Однако, хотя наблюдается процесс формирования нового общества, нового социального пространства во многом с иными сущностными характеристиками, включая изменения на уровне социальных институтов, структур, социальных отношений и т.п., интенсивно изменяются и образуются новые социальные связи, как "признаваемые совокупности взаимоотношений между активными индивидами или группами в некоем социальном пространстве", еще более интенсивно идет распад старых социальных связей, общественных структур и организаций, поэтому «Происходящие трансформации в социальной сфере нашего общества не укладываются в существующие схемы социального объяснения и требуют переосмысления на ином уровне с использованием всего пространства социального информационного поля, включая и процессы морально-нравственного типа». При таком положении социальная защита, ее развитие, а также развитие социального образования «...превращается в инструмент социальной безопасности страны, решающее условие сохранения суверенитета государства, целостности нации, обеспечения населению права на достойную жизнь» [4].

Последние три десятилетия можно рассматривать как самостоятельный этап новейшей истории России и, соответственно, самостоятельный этап становления системы социальной защиты:

- продолжается реформирование политической и экономической системы, осуществляются поиски направлений гармонизации общества, снятия противоречий между стратами и группами общества;
- нарастает и приобретает перманентную форму системный кризис общества, параллельно нарастанию кризисных тенденций, в обществе начинают оформляться силы, стабилизирующие общественное бытие и развитие, к од-

ной из таких наиболее важных сил относится формирование системы социальной защиты населения, социальной политики государства, его структур, а также возникновение новых общественных структур, обращенных к решению задач социальной защиты населения,

- система социального обеспечения преобразуется в систему социальной защиты населения, ее организация и становление приводят к развитию института социальной работы и системы социального служения,

- в этом процессе ведущую роль играют мегаполисы России как территории, в которых, с одной стороны, отмечается наивысшая концентрация разнообразных социокультурных деформаций и нарушений социального благополучия граждан различных социальных и возрастных групп, и, с другой стороны, в наибольшей мере представлены условия и ресурсы, позволяющие организовать комплексные системы социальной защиты населения, опробовать и внедрить новые методы социальной защиты, осмыслить особенности формирования и функционирования социальной работы как института.

Современная система социальной защиты населения мегаполисов России прошла этапы своей организации и становления в соответствии со стадиями становления новых социальных отношений. Особенностью данных этапов является формирование и включение в систему государственных и негосударственных организаций института социальной работы – нового для России типа учреждений социальной защиты.

В обществе начинают оформляться силы, стабилизирующие общественное бытие и развитие, что особенно важно для города. К одной из таких наиболее важных сил относится развитие социальных служб, система социального обеспечения преобразуется в систему социальной защиты населения, ее организация и становление приводят к формированию нового для России института социальной работы, перераспределению гуманитарных кадров. В этом процессе ведущую роль играют мегаполисы России как территории, в которых, с одной стороны, отмечается наивысшая концентрация разнообразных социокультурных деформаций и нарушений социального благополучия граждан различных социальных и возрастных групп, и, с другой стороны, в наибольшей мере представлены кадровые и иные условия и ресурсы, по-

зволяющие организовать комплексные системы социальной защиты населения, опробовать и внедрить ее новые методы, осмыслить особенности формирования и функционирования социальной работы как института.

В развитии территориальных систем помощи, с которыми связано существование института социальной работы – центрального аспекта современной системы социальной защиты населения России, – существующие на уровне государства и отдельных регионов проблемы с особой остротой преломляются в системе помощи нуждающимся Московского и Санкт-Петербургского мегаполисов. Социальная сфера мегаполисов имеет, наряду с общими для России, специфические черты. Часть этих черт связана с выраженностью социальных проблем, их разнообразием и взаимосвязанностью. Вторая – с активностью государства и городского Правительства в поиске решений возникающих проблем. Третья часть – с интенсивным развитием института социальной работы в Москве, Санкт-Петербурге, использованием мегаполисов как поля апробации новых технологий и форм социальной защиты. Создание и становление в округах Москвы и Петербурга системы социальной защиты населения завершены. Важные ее моменты представлены историей развития института социальной работы, Центров социального обслуживания (ЦСО). В первой половине 90-х годов XX века создание ЦСО стало революционным шагом на пути организации системы социальной защиты отдельно взятых мегаполисов и России в целом. Во второй половине 90-х годов XX века наблюдались качественные скачки в развитии института социальной работы, связанные как с государственными инициативами, социальной политикой органов власти, так и с осмыслением накопленного на предыдущем этапе опыта. В начале XXI века социальная защита России и ее крупнейшего мегаполиса, вступает в этап развития, в ходе которого ведущую роль играет процесс пересмотра нормативно-правовых и ценностных оснований социальной защиты и, шире, взаимодействия человека и общества. Пересмотр оснований социальной деятельности направлен на дальнейшую интеграцию структур системы социальной защиты и структур управления ею.

Современная система социальной защиты населения России, по сравнению с предыдущи-

ми этапами ее существования, имеет следующие особенности:

- ♦ характеризуется многообразием форм и направлений работы с различными категориями населения, увеличением этого разнообразия в процессе своего становления, наличием множества проблем, связанных с правовыми и организационными аспектами взаимодействия разных типов у уровней социальных организаций друг с другом, государством,

- ♦ ориентацией на решение проблем профилактики нищеты и вымирания российской нации, наряду с ориентацией на ее развитие, духовное совершенствование,

- ♦ вниманием к освоению зарубежного опыта – в рамках программ помощи программам обучения, особым вниманием к проблемам подготовки квалифицированных кадров, разработке нормативов деятельности субъектов, задействованных в системе социальной защиты. Концепция возможного социального развития России должна формироваться хотя и с учетом опыта зарубежных стран, но на основе социокультурных и историко-культурных реалий российской жизни.

Общество осознало, что для того, чтобы социальная работа заняла подобающее ей место в обществе, необходимо раскрытие огромного духовно-нравственного потенциала социальной работы. Для осмысления таких сложных многоаспектных понятий как "духовность" и "нравственность" актуальным является обращение к наследию выдающихся русских философов и ученых. Так, С.Л. Франк считал, что в основе общественного устройства лежат не материальные, а духовные отношения [5; 6]. По его мнению, любое социальное явление познается лишь через внутреннее духовное соучастие и сопереживание. До недавнего времени духовность, как понятие, осмысливалась исключительно в религии и идеалистической философии (например, в русской нравственной философии). Материалистические взгляды на развитие человека и общества, господствовавшие в нашей стране в течение многих десятилетий, не позволяли придать духовности самостоятельный статус, рассмотреть ее не как второстепенное, а главное условие развития личностного субъективного начала, внутреннего мира человека, качества его бытия. С этой точки зрения социальная работа – уникальное общественное явление, объективная идея, единство, в основе которого лежит общение. Оказание помощи

одного человека другому (или одной социальной группы другой) в обществе понимается как социальная работа лишь в результате духовного осознания значения этой помощи и подчинения ее определенным нравственным идеалам. Важнейшими духовными основаниями социальной жизни С.Л. Франк считал солидарность, любовь и служение. Становление социальной работы и должно проходить на такой идейной основе. Стремление вернуться к основополагающим бытийным основам человеческого сообщества – духовная первопричина появления социальной работы, как феномена цивилизации XX века.

В условиях мегаполиса, жизнь которого связана с разнообразными и многочисленными социальными проблемами индивидов и групп людей, существует возможность осознания этого потенциала и разработки, апробации и массового внедрения интегративных программ социальной защиты РФ. Поэтому система социальной защиты Москвы в относительно недалеком времени может стать одной из наиболее развитых в мире. Одним из условий является осознание того, что ее становление и совершенствование связано не только с развитием практики помощи социально незащищенным слоям, но и с развитием общественных отношений как таковых [7]. Исторический анализ показывает, что в основе различных моделей поддержки и защиты одних слоев общества другим лежит процесс помощи и взаимопомощи в культурно-исторической общности: во-первых, этот феномен имеет социогенетическую обусловленность, которая представлена своей историей и генезисом в социально-исторической перспективе. Во-вторых, в процессе своего развития данный феномен находит интерпретацию в структурных сценариях и закреплена в массовом сознании в языковых формах и структурах. В-третьих, он имеет исторические, вещные и деятельностные формы существования со своими субъектами помощи, объектами помощи (которые могут либо расширяться, либо сужаться), идеологией помощи, понятийным словарем, что в определяет его социально-генетическую типологию как феномена культуры. Каждый этап изменения парадигмы помощи и взаимопомощи связан также с пандемическими процессами, такими как смена идеологии, с разрушением геополитического или социокультурного пространства, наличием глобальных эпидемий, региональных, этнических, социально-экономических войн и конфликтов, массового голода.

На сегодняшний день, социальное благосостояние россиян в мегаполисах обеспечивается трехуровневой системой социальной защиты населения: 1) государственными и негосударственными программами, направленными на повышение благосостояния личностей и групп, защиту их прав и развитие возможностей (активизацию), социальной политикой государства и государственных органов в целом; 2) социальными службами и учреждениями государственного и негосударственного характера; 3) социальными работниками и общественными добровольными помощниками [8].

Основные принципы и задачи помощи таковы:

- ♦ Оценка и понимание актуальной ситуации, этапа развития личности, группы, общности. На основе оценки и анализа ситуации составляется план действия, ограничения которого, в силу того, что система социальной защиты находится на этапе становления, а специализированные информационные системы и профессиональные социальные работники – с вузовским образованием – только начинают появляться в реальной социальной практике, часто носит частичный характер. Частичность проявляется как на этапе сбора данных, так и на этапе выбора и организации направленного помогающего воздействия.

- ♦ Активизация способностей клиентов, помощь в самостоятельном решении их проблем или помощь в установлении контактов с системами обслуживания и помощи. Данный принцип пока существует как практическое руководство лишь отчасти, особенно в небольших городах, в московском мегаполисе к нему обращаются чаще, например, в процессе организации клубной деятельности в работе с детьми, пожилыми людьми, молодежью.

- ♦ Эффективное вмешательство для поддержки наиболее незащищенных и дискриминированных слоев населения, содействие другим системам обслуживания людей. В последнее время активизируются работы по созданию разветвленных интегративных программ со множественными направлениями деятельности в сфере социального обслуживания, вспомоществования, страхования, и так далее, программ социальной помощи как различным категориям населения.

- ♦ Прогнозирование и моделирование конечных результатов, пропаганда своего труда, ценностей в обществе, самооценка своего тру-

да, работа над собой. Данный принцип пока реализуется не в полной мере, поскольку специальные целевые программы отсутствуют, а низкий уровень благосостояния населения способствует негативному отношению к социальным работникам как представителям государственной власти;

- ♦ Создание новых систем и общественных формирований, в том числе интегративного плана, мониторинговые исследования и поиск новых клиентов, отслеживание изменений в группах нуждающихся в процессе исторического развития и социокультурных изменений. Данный принцип, его реализация связаны с внедрением информационных технологий, новых форм и технологий работы с клиентами стационарных и нестационарных учреждений социальной защиты, созданием системных взаимосвязей государственных и благотворительных организаций системы социальной защиты, системы здравоохранения, системы обучения, производства.

- ♦ Переход от социального обеспечения к социальной помощи и реабилитации, интеграция трех основных форм социальной помощи: социального страхования, социального вспомоществования и социальных услуг, перенос акцента с социальной помощи на развитие и совершенствование личности и общества, их потенциала.

Требования к профессиональным и этическим качествам конкретного специалиста по социальной работе и, шире, к организации и развитию социальной работы как таковой, с точки зрения данных функций, определяются: международными требованиями к квалификации социального работника, уровнем культуры современного российского общества, его отношением к социальной работе и социальному работнику; уровнем социальной грамотности людей, объективными потребностями нарождающихся социальных служб и социальных центров; структурой социальных проблем, эффективностью и возможностями интегративного или многовариантного, альтернативного решения социальных проблем в современных условиях.

В трудах отечественных социальных работников последних лет, все чаще встречаются указания на необходимость опоры на принцип активизации клиентов [Минигалиева, 2002]. Забота не столько о благополучии подопечного, сколько о должностных инструкциях и амбици-

ях работников социальных служб негативным образом сказывается не только на клиенте и эффективности помощи клиенту, но и на самом специалисте, приводя к развитию специфических профессиональных деформаций личности (то есть таких ее изменений, которые связаны с выполнением профессиональной деятельности и приводят к нарушению личностного функционирования). С этим связана, в частности, высокая текучесть кадров ЦСО, нежелание специалистов с высшим образованием работать в учреждениях социальной защиты.

Революционный характер социальных изменений в России, привел к тому, что возникновение социальной работы, не обеспеченное со стороны кадров, материальных средств, юридической поддержкой, было во многом неожиданным и вызвало неоднозначную реакцию со стороны общественности и дезориентацию среди тех специалистов, кто был призван реализовывать в своей работе те или иные функции социальной защиты. Особенно заметно это явление было в мегаполисах, где формирование института социальной работы шло наиболее интенсивно, а социоэкономическая и духовная ситуация в обществе отличались наибольшим разнообразием. Мегаполисы стали, по сути, полигоном, на котором отрабатывались новые для России формы организации социального обслуживания, обеспечения, новые технологии социальной работы, опыт зарубежных исследователей и практиков и пересматривался опыт отечественной социальной защиты.

Кроме того, с начала 90-х годов XX века по настоящее время наблюдается существенная активизация деятельности благотворительных организаций. Во времена экономической нестабильности, ухудшения социально-экономического положения населения, углубляющейся стратификации государство не в состоянии решить многие социальные проблемы. В связи с этим возрастает практическая значимость общественных, частных, некоммерческих благотворительных организаций, которые принято называть третьим сектором. С исторической точки зрения важно отметить, что активизация процессов благотворительной деятельности и процессов взаимопомощи началась параллельно с разрушением геополитического пространства СССР: структурные изменения производственных, социальных отношений и связей, политика либерализации цен, массовых производственных высвобождений, разрушение сложившихся

институтов воспитания, здравоохранения, свертывание социальных программ и финансирования по данным направлениям приводит к воспроизводству тех социогенетических механизмов общественного выживания, которые актуализируются в пандемических обстоятельствах. Происходит самоорганизация профессиональных групп на основе материальной взаимопомощи и социальных, политических и идеологических ценностей, норм, принципов. Как следствие этих процессов возникает множество объединений, учитывающих интересы различных профессий и социальных групп. Это движение имеет ряд особенностей, отличающих его от благотворительности за рубежом [9]. Первая особенность состоит в том, что благотворительная деятельность у нас многообъектна, причем число объектов постоянно и стихийно возрастает: никем и ничем не направляется, не регулируется, хотя известную контрольную функцию выполняют центральные и местные юридические органы, регистрируя благотворительные организации. Нередко одна благотворительная организация занимается несколькими объектами и по разным направлениям. Вторая особенность состоит в том, что благотворительность в России имеет значительно более четко выраженную социальную направленность, что объясняется нарастанием в последнее время темпов массового обнищания населения. Благотворительность направлена прежде всего на помощь остро нуждающимся, социально незащищенным слоям [10].

Современные благотворительные организации, как правило, носят общественный характер. Однако, существует ряд организаций, которые осуществляют свою деятельность в различных благотворительных сферах, но созданы по инициативе и финансируются за счет средств государства, и с юридической точки зрения они отличаются от общественных благотворительных организаций. В последнее время среди благотворительных организаций начинают возникать членские организации, объединяющие в своем составе не только граждан, но и юридических лиц, а также организации смешанного характера. Развитие видов благотворительных организаций в России идет, в основном, по пути становления различных фондов, развития благотворительного общества, активизации работы благотворительных предприятий и учреждений и перевод их из ранга вспомогательных в один из основных видов благотворительных органи-

заций. При этом наибольший эффект в деятельности добровольных организаций может быть достигнут только через их кооперацию между собой и с профессионалами. Проблемы и пути такой кооперации являются актуальной темой дискуссий - как в пределах одной страны, так и в международном масштабе.

Итак, современная система социальной защиты населения России имеет следующие характеристики:

- ♦ многообразие форм и направлений работы с различными категориями населения, увеличением этого разнообразия в процессе своего становления, что повышает эффективность деятельности социального работника,

- ♦ наличие проблем, связанных с правовыми и организационными аспектами взаимодействия разных типов и уровней социальных организаций друг с другом, государством, стремлением к координации усилий различных государственных и негосударственных учреждений, снижающих эффективность социальной работы как института,

- ♦ преобладает ориентация на решение проблем профилактики нищеты и вымирания российской нации, наряду с постепенным усилением ориентации на ее развитие, духовное совершенствование, что связано с процессами постепенной стабилизации общественного функционирования и развитием института социальной работы,

- ♦ внимание к освоению зарубежного опыта и привлечением зарубежных специалистов – как в рамках программ помощи, так и в программах обучения, разработке совместных программ в России и за рубежом, с целью совершенствования социальной работы, повышения ее эффективности,

- ♦ рост внимания к проблемам подготовки квалифицированных кадров, разработке правовых и этических нормативов деятельности социального работника, а также требований к людям, задействованным в системе социальной защиты в целом (волонтерам, членам благотворительных организаций, др.),

- ♦ разнотипность – в структурном и содержательном отношении – существующих организаций системы социальной защиты, их ведомственной подчиненностью, затрудняющей поиск путей совместного решения проблем.

- ♦ Подводя итог, необходимо отметить, что на фоне продолжающегося кризиса экономики, который сопровождается ростом числа и ус-

ложением социальных проблем, все большую значимость приобретает расширение и развитие форм и методов социальной защиты населения, в том числе нетрадиционных. Происходит совершенствование системы социальной защиты населения. Если раньше в действующей системе социальной защиты населения города преобладали те виды социального обеспечения, которые следует отнести к помощи для приобретения средств к жизни (пропитания), то в настоящее время, все большее значение отводится помощи в особых жизненных ситуациях: созданию и сохранению основы жизни, получению образования, профилактике здоровья, планированию семьи, реабилитации инвалидов, по надомному обслуживанию, по уходу, по ведению домашнего хозяйства, преодолению социальных трудностей, старикам и др.

В целях дальнейшего совершенствования социальной защиты населения, повышение эффективности ее деятельности по социальному обслуживанию населения, целесообразно обеспечить:

1. Развитие системы социального обслуживания населения как одной из приоритетных отраслей социальной сферы города, позволяющей наиболее рационально осуществлять социальную поддержку населения, его адаптацию к условиям жизни в кризисном социуме.

2. Развитие сети учреждений социального обслуживания направить в зависимости от уровня востребования тех или иных услуг со стороны населения; для чего разработать и провести ряд мониторинговых обследований мегаполиса и его районов. Совершенствовать контрольную функцию управлений социальной защиты, а также их функции планирования и развития.

3. Более четко определить показатели эффективности социального обслуживания, в том числе – в отношении разных категорий нуждающихся в разных типах учреждений и в отношении различных групп технологий помощи. Соотнести принципы и показатели эффективности помощи, в том числе – ее комплексного варианта.

4. Постоянно осуществлять анализ социально-экономического развития общества, ввести мониторинговые обследования как постоянную составляющую работы социальных служб наряду с постоянным сбором информации о состоянии сообщества мегаполиса, созданием раз-

ветвленной и обобщенной базы данных о социальной сфере, социальной работе и клиентах.

5. Ввести обязательную профессиональную подготовку и непрерывное повышение квалификации, личностного роста специалистов различных категорий; добиться непрерывности социального образования для профессионалов,

6. Развивать систему социальной защиты населения обеспечивающую не только комплексность услуг, но и их доступность для различных категорий населения города; позволяющую наладить исследование проблем междисциплинарных взаимодействий специалистов ЦСО, разработать и внедрить новые формы междисциплинарного сотрудничества специалистов.

7. Совершенствовать информационную базу социального обслуживания населения, интенсифицировать процессы построения обратных связей в рамках системы социальной защиты и между нею и другими системами социальных отношений, в том числе путем специальных изданий, рекламной и маркетинговой деятельности и др.

8. Активнее и более осознанно перенимать зарубежный опыт социальной помощи, вводить перспективные технологии – в том числе – в рамках экспериментальных проектов в специализированных стационарных и полустационарных учреждениях.

Все это позволит добиться обеспечения эффективной деятельности городской системы социальной защиты населения в целом, каждого органа, учреждения и отдельного работника социальных служб.

Можно констатировать, что этап создания и этап становления в округах Москвы системы социальной защиты населения завершены. Наиболее бурный рост ЦСО в Москве отмечался в 1993 - 1998 годах, этот рост был и количественным и качественным – расширялся спектр оказываемых услуг, набор специалистов, работающих в центрах. При этом в первой половине 90-х годов преобладали количественные накопления: само по себе создание ЦСО было настолько революционным, что нужно было время, чтобы осмыслить их возможности и ограничения, накопить собственный опыт.

• Особенно большую роль в этом процессе играли накопленный в России опыт социального обеспечения и помощи, а также зарубежные работы и технологии, их освоение, работа законодательных органов, специалистов, разрабатывавших первые законы и положения,

• на основе которых – при всей проблемности и ограниченности предложенных формулировок - собственно и построены многие современные научные труды в области социальной защиты и социального образования,

• эти исследования определили суть социальной работы и стандарты деятельности социального работника, основы его взаимодействия с клиентами, другими сотрудниками ЦСО, администрацией,

• они определили также основы взаимодействия учреждений разных форм и разной ведомственной принадлежности и т.д.

Во второй половине 90-х годов XX века наблюдались выраженные качественные скачки в развитии института социальной работы:

• обусловленные как государственными инициативами, социальной политикой органов власти, так и преобразованием накопленного опыта в поиск новых технологий, их внедрение,

• осуществлялось преобразование взаимоотношений клиента и социального работника, клиента и ЦСО, человека и общества: расширение клиентуры ЦСО, спектра оказываемых услуг, пособий, расширение списка технологий работы,

• происходило формирование и развитие специализированных отделений и учреждений социальной защиты стационарного, полустационарного и консультационного типов,

• пересматривались правила и нормативы социальной деятельности, социальной помощи в целом,

• осуществлялись попытки научного осмысления социальной работы, формировались научные концепции ее различных аспектов (философского, исторического, социологического, психологического, правового, экономического),

• привлекался и активно осмыслялся в работе с клиентами зарубежный опыт и опыт периферийных районов России,

• пересматривались взаимоотношения между специалистами ЦСО, администрацией и специалистами, пересматривались взаимоотношения между центрами и организациями социальной защиты разных форм деятельности и между организациями разных типов собственности, между районными и федеральными органами управления,

• анализировались проблемы подготовки и переподготовки специалистов, проблемы ста-

новления социального образования, велся поиск и пересмотр его методологических основ.

В начале XXI века социальная защита России, и, в частности, ее крупнейшего мегаполиса, вступила в новый этап – этап совершенствования и развития, с новыми задачами:

- дальнейшее расширение сети учреждений, совершенствование и развитие форм и методов социальной помощи населению, проведение конкурсов программно-методических и информационно-справочных разработок,

- повышение качества социального обслуживания, включая внедрение и использование новых компьютерных технологий, и создание единой информационной системы, для чего необходимо, в первую очередь, совершенствовать материально-техническую базу учреждений,

- разработка необходимых пакетов законодательных, правовых документов, в том числе документов, регламентирующих помощь «новым» категориям населения, типа жертв террористических актов, катастроф,

- изменения взаимоотношений клиентов, специалистов и администраций ЦСО, достижение продуктивного баланса взаимоотношений органов управления разных уровней и ведомств,

- соотнесение и организация совместной деятельности учреждений разных форм собственности,

- разработка долгосрочных программ профилактики, коррекции и развития для разных групп населения, разработка мониторинговых программ и внедрение мониторинга в повседневную работу ЦСО, его отделений,

- распространение продуктивного опыта ЦСО мегаполиса на всю Россию,

- привлечение к работе ЦСО волонтеров, педагогические, медицинские, юридические и иные организации, СМИ.

Главными - перспективными - задачами социальной политики, обеспечивающими гармоничное развитие института социальной работы, государственных и общественных организаций социального обслуживания, остаются:

- повышение защиты социально уязвимых семей, которые не имеют возможности для самостоятельного решения социальных проблем и нуждаются в государственной поддержке; создание необходимых условий для обеспечения всеобщей доступности и общественно приемлемого качества базовых социальных благ; созда-

ние для трудоспособного населения экономических условий, позволяющих за счет собственных доходов обеспечить более высокий уровень социального потребления,

- создание комплексной, интегративной системы социальной защиты населения и разработка социальной политики в отношении работы с людьми, которые испытывают сложности не только социоэкономического, но и социокультурного плана, работа по интенсификации профилактических программ - программ социального благосостояния, а не только программ социальной защиты людей, уже попавших в критическую жизненную ситуацию. Последняя задача носит наиболее отдаленный характер – к ее решению общество и государство не могут приступить, не решив первоочередные проблемы наименее бедствующих слоев населения. Однако, с точки зрения логики организации и развития социальной работы, именно это направление является наиболее значимым – и экономичным (как показывает, например, опыт многих развитых зарубежных стран). Чем быстрее общество осознает этот факт, чем быстрее будут созданы массовые специализированные программы, тем быстрее социальная работа России выйдет на новый этап своего развития. Это этап, связанный с осознанием социальной работы как практики взаимодействия людей и общества, связанный с их направленностью на взаимную поддержку и взаимное развитие.

В мегаполисах отмечается наивысшая концентрация разнообразных социокультурных деформаций и нарушений социального благополучия граждан различных групп. Вместе с тем, именно здесь в достаточной мере представлены условия и ресурсы, позволяющие начать процесс организации комплексных систем социальной защиты, опробовать и внедрить новые методы защиты, осмыслить особенности и проблемы формирования и функционирования социальной работы как института, увидеть все сложности, возникающие на пути создания социальной работы как самостоятельного института, призванного оказывать существенное влияние на развитие и функционирование общества и человека. Возникновение социальной работы стало началом кадровой и общесоциальной революции сначала в мегаполисах, а потом и во всей России [11; 12].

Список литературы:

1. Штомка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-пресс, 1996.– 416 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И Порядок из хаоса. – М.: ЭУРСС, 2000.– С. 386.
3. Сафронова В.М. Сущность и теоретико-методологические основы прогнозирования социальных процессов // Социальная работа: история и современность.– М.: МГСУ, 1997.– С. 65-78.
4. Жуков В.И. Современный мир и Россия в условиях глобализации.– М.: Союз, 2001.
5. Лютова Е.Г. Духовно-нравственный потенциал социальной работы // Социальная работа: история и современность.– М.: МГСУ, 1997.– С. 33-34.
6. Франк С.Л. Духовные основы общества.– М., Республика, 1992.
7. Фирсов М.В. Социальная работа в России: Теория, история, общественная практика.– М.: МГСУ, 1996.– С.5.
8. Никитин В.А. К вопросу о теоретико-методологических основаниях социальной работы // Первый Всероссийский научно-педагогический социальный конгресс. 6 июня 2001 года. Том 1.– М., 2001.– С. 247-250.
9. Иванова Е.В. Внедрение в российскую систему благотворительности зарубежного опыта социальной работы в конце XIX – начало XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук – М.: МГСУ, 1998.– 26 с.
10. Силласте Г.Г. Благотворительность как социальное явление // Помогите ближнему / Под ред. В.В. Меньшикова.– М., 1994.– С. 8-18.
11. Минигалиева М.Р. Философские аспекты социальной работы: парадигмы и практики. – Калуга: КГПУ, 2002. – 106 с.
12. Шуляренко Е.А. Организация и становление социальной службы Московского мегаполиса в 90-х годах XX века. Дисс. ... канд. ист. Наук.– М.: РГСУ, 2002. – 332 с.

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 1.091.470

М.А. Артамонов
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ
В.С. СОЛОВЬЕВА

В статье анализируются философско – антропологические идеалы В.С. Соловьева. Одной из самых противоречивых фигур в русском национальном дискурсе XIX в. являлся В.С. Соловьев. Личность философа оказало большое влияние на современников, философское наследие являлось и является сферой интересов большого числа исследователей, среди которых классики русской философской мысли Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков. Мыслитель рассматривал проблемы нации через призму движения человечества к единству на основе христианства. Творческое наследие В.С. Соловьева необходимо рассматривать как нравственную основу, на пути к единению общества.

Ключевые слова: Философская антропология, идеал, человек, личность, всеединство, ценность добра, В.С. Соловьев.

Актуальность темы исследования объясняется современной ситуацией в России, которая, пройдя через коллизии и потрясения XX века, вновь оказалась на распутье перед выбором пути, остро нуждаясь в общественном идеале. Идеал – это тот высший образец, по которому отдельный человек и общество в целом сознательно и целенаправленно строят свою жизнь. Понятие идеала, выделяя человека из животного мира, давая смысл его существованию, имманентно самой природе человеческой. Поэтому очевидно, что кризис идеалов в обществе, характерный для переходных исторических периодов, а именно к таковым относится наша современная ситуация – явление социально опасное.

Философия В.С. Соловьева не может быть понята без ее важнейшей составляющей – историософии. [1]. центральной мыслью которой, как справедливо заметил Ф.В. Асмус, является «мысль об осуществимости идеи и об идеальности осуществляющегося, иначе вера в то, что жизнь доступна преобразованию, а мысль – исполнению и осуществлению» [2]. Таким образом, вопрос об общественном идеале становится краеугольным камнем в понимании соловьевской историософии.

Следует подчеркнуть, что в отечественном соловьеведении не было специальных исследований проблемы идеала в философии В.С.Соловьева, что приводит к ее противоречивым, а иногда и упрощенным интерпретациям. Большинство исследователей (Н.А. Бердяев, В.И. Болдырев, В.А. Кувакин, К.В. Мочульский, Е.Н. Трубецкой, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский, В.Ф. Эрн и др.), признавая идеал свободной теократии утопичным, считают его са-

мым слабым звеном соловьевской системы. [3, 4]. По их мнению, осознание этого привело В.С. Соловьева к разочарованию в теократическом учении и перелому в мировоззрении. Эволюция историософской концепции понимается названными исследователями как движение от оптимистических построений к «философии конца».

Значительным шагом в изучении проблем философии истории В.С.Соловьева стала книга В.В. Сербиненко «Владимир Соловьев: Запад, Восток, Россия», увидевшая свет в 1994 году. В ней раскрывается органический характер преемственности историософских идей в русской философской традиции, и рассматриваются некоторые вопросы соловьевского теократического учения. Несомненным вкладом в осмыслении проблемы общественного идеала В.С. Соловьева является монография М.В. Максимова «Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент». Автор, проанализировав теократию и эсхатологию В.С. Соловьева, раскрывает их конструктивное значение для его историософской концепции. С его точки зрения, философско-исторические взгляды русского мыслителя в основе своей остались прежними, но, бесспорно, претерпели постепенную эволюцию: на протяжении всей творческой деятельности шел процесс переработки, достраивания, уточнения.

Все мировоззрение В.С.Соловьева исходило из основной интуиции – положительного всеединства, понимаемого философом как «полная свобода составных частей в совершенном единстве целого» [8, 29].

Всеединство стало в философии В.С. Соловьева основным критерием в представлениях об идеале. Именно из принципа всеединства он

выводит различие между идеальным, или другими словами достойным, должным бытием и бытием не должным. Критерием идеального или должного бытия является, с точки зрения философа, наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого. Это должно выражаться, по его мнению, во-первых, в том, что частные элементы не исключают друг друга, а, напротив, взаимно полагают себя один в другом, солидарны между собою. Во-вторых, они не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой всеобщей основе. В-третьих, эта всеединая основа или абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе [33].

Осознание того, что представление об идеальном бытии далеко не соответствует действительности, стало отправной точкой в философствовании В.С. Соловьева. В двадцатилетнем возрасте он писал своей кузине «милый Кате», что с тех пор, как стал что-нибудь смыслить, сознавал, что существующий порядок вещей (общественный, гражданский, отношения людей между собою, определяющие всю человеческую жизнь) далеко не таков, каким должен быть и соответственно должен быть изменен и преобразован. На заре своей жизни философ обязуется посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было действительно совершено.

Эта установка на возможное преобразование действительности по идеалу останется у В.С. Соловьева на всю жизнь. В статье «Идеал», написанной для словаря Брокгауза и Ефрона в 90-е годы, философ подчеркивает, что совокупность космического и исторического опыта заказывает на идеалы осуществимые и осуществляемые и на действительность преобразуемую. Вся история мира и человечества, с его точки зрения, представляет собой «лишь постепенное воплощение идеала и преобразование худшей действительности в лучшую». [43].

Мысль В.С. Соловьева о постепенном воплощении идеала соответствует пониманию этого феномена в немецком идеализме. [12, 13, 14, 15]. По Г.В.Ф. Гегелю идеал конкретен и постепенно реализуем в истории, а любая достигнутая ступень развития предстает с этой точки зрения как его частичная реализация. В виде идеала, по мнению немецкого мыслителя, может оформляться образ конкретной цели деятельности человечества на данной ступени его духовного и интеллектуального развития. И как только «идеал реализован, – продолжает геге-

левскую мысль Ф.В.И. Шеллинг, – идея может устремляться далее, и так до бесконечности. [45]. Следовательно, идеал значим всегда только для данного момента действия, сама же идея может быть реализована только в бесконечности. [46, 47].

В.С. Соловьев называет свой взгляд на идеал практическим идеализмом. Раскрывая его суть, он отмечает в статье «Судьба Пушкина», что не нужно закрывать глаза на дурную сторону действительности, но необходимо «замечать в том, что есть, настоящие задатки того, что должно быть» [5]. Опора на эти, хотя и неполные, но действительные проявления добра поможет, с точки зрения В.С.Соловьева, торжеству этих добрых начал и воплощению откровений высшей жизни в низшей. Философ считает, что такой практический идеализм, приближающий действительность к идеалу, одинаково применим и обязателен как для общественных, так и для частных отношений.

Итогом многолетних размышлений В.С. Соловьева над смыслом и перспективами истории явилось понимание того, что человек не может разом подняться до небесного совершенства, а Бог не хочет разом сообщить всю полноту истинных даров, потому что принять разом эту полноту невозможно для существа, назначенного к свободному и рассудительному действию. «Лестница человеческого совершенствования утверждена на земле, – отмечает философ, – и только голова ее достигает небес. Утверждена на земле... значит земля не есть противоположность небес, а их основание... значит не правы те, кто отделяют небесный идеал как недостижимый» [28].

В статье «Идолы и идеалы» В.С.Соловьев подчеркивает, что подлинные идеалы имеют безусловное достоинство и всеобщее значение, поэтому они должны стать не только целью исторического процесса, но и руководящим принципом деятельности, нормой, по которой следует исправлять действительные общественные неправды. Верить в такой идеал, по мнению философа, – значит, во-первых, признавать, что он не есть пустая фантазия, а имеет объективные основания в самой природе вещей; во-вторых, признавать возможность его окончательного осуществления, принимать его как задачу разрешимую в историческом процессе; в-третьих, смотреть каждому человеку на его реализацию как на собственное дело, требующее трудов, усилий и подвигов [27].

Объективные основания идеала и его онтологичность В.С. Соловьев, как платонист, видит

в многомерном и иерархическом мироустройстве. Он подчеркивает, что «наша наличная действительность не может быть всею действительностью и что то, что здесь представляется должествующим быть и будущим, есть вечно сущее и настоящее в другой сфере» [34]. Следовательно, движение к идеалу есть закономерный и детерминированный космический процесс.

Мир торжествующих созвучий и есть обетованное вечно сущее Царство Божие, совершенное в божественной идее и потенциально присущее человеку, ибо, по словам Христа, оно «внутри нас». Вечно действительное совершенство, с точки зрения В.С. Соловьева, во всей полноте воплощено в Боге, в человеке же оно есть потенциально: в человеческом сознании, вмещающем в себе абсолютную полноту бытия как идею, и в человеческой воле, ставящей ее как идеал и норму для себя.

В Евангелии сказано, что человек сотворен по образу и подобию Божию. Принадлежит к двум мирам, он, как существо богоземное, по В.С. Соловьеву, связан с мирозданием не только реально как его часть, но и идеально, как его завершение. Однако, совершенство человека не есть раз и навсегда приобретенное как у добрых духов, а лишь постепенно приобретаемое, достигаемое трудом и испытанием. Всемирная обязанность человека, по мнению В.С. Соловьева, заключается в неустанном совершенствовании.

Занимая такое особое положение, человек, с точки зрения В.С. Соловьева, получает при этом и свое всемирное преимущество, и свои всемирные обязанности. Преимущество человека в мире состоит, прежде всего, в том, что ему дана власть и господство над земною природой. Философ считает, что только через посредничество человека Божество, несоизмеримое по внутренней сущности своей с земными созданиями, может проявлять себя, потому человек есть необходимое подлежащее истинного владычества Божия или теократии не только для себя, но и для прочего творения. В статье «О подделках» В.С. Соловьев продолжает эту мысль: «Царствие Божие, совершенное в вечной божественной идее («на небесах»), потенциально присущее нашей природе, необходимо есть вместе с тем нечто совершаемое для нас и через нас. С этой стороны оно есть наше дело, задача нашей деятельности». [32].

Таким образом, по убеждению В.С. Соловьева, личного совершенствования недостаточно, потому что человек – существо социальное, и

высшее дело его жизни, окончательная цель его усилий лежит не в его личной судьбе, а в социальных судьбах всего человечества. Поэтому достижение Царства Божьего, с точки зрения мыслителя, должно стать целью исторического процесса.

Добрую весть о Царствии Божием, которая и составляет главную идею Евангелия, В.С. Соловьев понимает как руководство к действию. Он считает, что христианство дает человечеству не только идеал, но и пути к его достижению. Сущность истинного христианства философ видит в перерождении человечества и мира в духе Христовом и в превращении мирского царства в Царство Божие, которое не от мира сего. С точки зрения В.С. Соловьева, состояние земли и ее отношение к невидимому миру определяется нравственным состоянием существ, которые на ней живут, ибо безусловной границы между «здесь» и «там» нет. Поэтому обетованная «новая земля», о которой говорится в Священном Писании, «означает вовсе не утилитарное благоденствие людей на теперешней земле, а именно начало той новой земли, в которой правда живет» [26]. Ключевую роль в ее созидании, по мнению философа, играет человек, который как существо богоземное, совершенствуясь сам, совершенствует окружающий мир. Однако достижение Царства Божьего – это долгий и сложный процесс, недаром он в Евангелии сравнивается с ростом дерева, горчичного зерна, созреванием жатвы, скисанием теста.

С точки зрения В.С. Соловьева, движение к нему невозможно без путеводной звезды – идеала общественной правды и всеобщего блага. Ставя его впереди, в будущем, не признавая его совершившимся фактом, мы тем самым не отрицаем его осуществимости. Этот взгляд на идеал, по мнению В.С. Соловьева, «не только не отказывается от лучших евангельских упований, выраженных в молитве Господней о пришествии к нам царства правды, о совершенном исполнении воли Божией на земле, но и заставляет нас собственным трудом содействовать осуществлению этих упований» [27].

В.С. Соловьев подчеркивает, что на тернистом пути общественных преобразований одинаково важны два вопроса: что делать и кто делает. Но он с сожалением вынужден констатировать, что человечество больше задается первым вопросом и ожидает Царствия Божия на земле, которое должно наступить в силу внешних причин, включая и насильственные действия. Такой идеал, называемый философом внешним, вступает в противоречие с несовер-

шенной действительностью и всецело обращается на разрушение существующих общественных отношений, приводя к насилию над людьми и целым обществом. [22]. По мнению В.С. Соловьева, внешний идеал стоит на почве господствующего в мире зла, не предъявляя своим служителям никаких нравственных условий, «ему не нужны духовные силы, а физическое насилие, он требует от человечества не внутреннего обращения, а внешнего переборота» [38].

С точки зрения В.С. Соловьева, любой общественный строй должен опираться на какое-нибудь положительное основание, которое имеет или характер безусловный, сверхприродный и сверхчеловеческий, или же оно принадлежит к условной сфере данной человеческой природы. Таким образом, общество, по мнению философа, опирается или на воле Божией, или на воле человеческой, народной.

В.С. Соловьев находит множество подтверждений своим мыслям в истории. Так, например, великая французская революция, опираясь на волю народную, начала с провозглашения идеала, заключающегося в трех словах: свобода, равенство и братство, воплощение которых было мечтой человечества. По мнению В.С. Соловьева, многие люди ошибочно считают идеалы объединяющим началом, вкладывая в это понятие единство цели общества, принципы общинности, братства, потому что общее, отвлеченное понятие общественного единства, лишенное положительного содержания, остается лишь на словах.

Провозглашенные великой французской революцией безусловные права человека, принадлежащие ему по природе, в силу его человеческого достоинства, означали равенство всех людей и, соответственно, принадлежность законодательной власти народу. Но в нашем мире, свидетельствует философ, основанном на борьбе, на неограниченном соревновании личности и конкуренции равенство прав ничего не значит без равенства сил. И на деле оказалось, что революция, утверждавшая демократию, породила только плутократию. В действительности, верховная власть принадлежит ничтожной части народа – богатой буржуазии, капиталистам.

Социализм, по мнению В.С. Соловьева, представляет собой закономерное следствие предшествующего ему западного исторического развития. [21]. Он также отвергает безусловное божественное начало, но основывается не просто на воле народной, а, прежде всего, клас-

совой. Осознавая всю губительность этого учения, выдвигающего внешний общественный идеал, В.С.Соловьев подвергал его критике во многих своих трудах: «Чтениях о богочеловечестве», «Философских началах цельного знания», «Оправдании добра», «Трех речах в память Достоевского».

С точки зрения философа, социализм не способен реализовать совершенное общественное устройство, быть высшей нравственной силой, хотя и имеет притязание на осуществление безусловной правды в области общественных отношений. Он вступает в неизбежное противоречие с самим собою, видя правду в осуществлении равномерного распределения материального благосостояния. В.С. Соловьев считает, что если материальное благосостояние есть цель сама по себе для социализма, то в таком случае утверждение этого стремления как принципа не может иметь никакого нравственного значения, поскольку провозглашение прав материи как нравственного принципа равносильно провозглашению прав эгоизма. [23]. Но если материальное благосостояние не есть цель для социализма, а целью является только справедливость в распределении этого благосостояния, то она, по мнению философа, должна выражаться в самоограничении, пожертвовании своих притязаний в пользу чужих прав. Поэтому невозможно придавать никакого нравственного значения требованию со стороны рабочего класса равномерного распределения материального благосостояния, так как в этом случае справедливость является своекорыстной. Широкое распространение социалистических идей к концу 90-х годов спровоцировало В.С. Соловьева к более резким высказываниям в «Оправдании добра»: «Ходячие социалистические декламации против богатых, внушаемые низменной завистью, противны до тошноты, требования уравнивания имуществ неосновательны до нелепости». [34].

Отмечая диаметрально противоположность между социализмом и христианством, В.С. Соловьев вынужден констатировать их «срастание» в «христианский социализм». Действительно, многие христианские мыслители, видя задачу христианства в спасении человечества, в осуществлении правды Божией на земле, находили в социализме, который, по их мнению, ставил сходные цели, союзника. Так, например, С.Н. Булгаков, посвятивший этому вопросу несколько работ («Христианство и социализм», «Два града», «Неотложная задача», «Церковь и социальный вопрос»), признавая непротиворе-

чивость и принципиальную возможность христианского социализма, пишет: «Христианство дает для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни». [7]. Однако, С.Н. Булгаков, указывая на возможную односторонность социализма, отмечает, что если социализм проникается антихристианским духом и отдается чарам первого искушения, то он не может быть соединен с христианством, которое требует всего человеческого сердца.

В.С. Соловьев видел специфическое понимание социализма и у Ф.М. Достоевского, подчеркивая, что его «русский социализм» абсолютно отличен от европейского социализма. Если европейские социалисты требуют насильственного низведения всех к одному чисто материальному уровню сытых и самодовольных рабочих, требуют низведения государства и общества на степень простой экономической ассоциации, то «русский социализм», о котором говорил Ф.М. Достоевский, напротив, «возвышает всех до Нравственного уровня Церкви как духовного братства, хотя и с сохранением внешнего неравенства социальных положений, требует одухотворения всего государственного и общественного строя чрез воплощение в нем истины и жизни Христовой» [38].

Но сам В.С. Соловьев был принципиально убежден в сущностном отличии христианства и социализма. Христианство, по его мнению, хочет, чтобы богатые давали бедным, а социализм требует, чтобы бедные отнимали у богатых. Социализм полагает высшее благо и блаженство именно в богатстве, только иначе распределенном. Таким образом, богатство – препятствие в христианстве для нравственного совершенствования, становится целью для социализма, причем достижение его предполагает насильственные методы. К сожалению, ни современники, ни последующие поколения философа не прислушались к его предостережениям относительно бездуховной природы социализма. Потребовались десятилетия, чтобы через горький опыт убедиться в недостаточности требований социализма для достижения идеала.

Задаваясь вопросом о корне общественной неправды, В.С. Соловьев видит его, прежде всего, в эгоизме. Объединить человечество, с точки зрения философа, вопреки совершенно реальной и могучей силе эгоизма, разъединяющей людей, посредством отвлеченных

идеалов невозможно. Правда общественная, по его глубокому убеждению, должна основываться на принципах самоотрицания, жертвенности и любви, на том, что выше человека и природы и чему сам человек по своему вечному началу принадлежит. Таким образом, социализм своим требованием общественной правды и невозможностью осуществить ее на конечных природных основаниях логически приводит к признанию необходимости безусловного начала в жизни, т.е. к признанию религии.

Для В.С. Соловьева религия представляет собой воссоединение человека и мира с безусловным и всецелым началом. А так как это начало всецелое и всеобъемлющее, то оно ничего не исключает и не подавляет, и истинная религия призвана воссоединить все человеческое бытие с ним, а через него и все частные элементы жизни человечества.

В.С. Соловьев убежден, что только основываясь на религиозном начале возможно осуществить в обществе принципы свободы, равенства и братства. Как отмечает Н.О. Лосский, справедливость этого убеждения русского мыслителя стало очевидной уже после печального опыта двух революций, который красноречиво свидетельствовал, что «безрелигиозный гуманизм есть самоутверждение человека, обоготворившего себя, своеволие, которое должно привести к распаду общественности» [16].

Считая вопрос о религии самым важным, В.С. Соловьев с горечью отмечает, что современная религия есть вещь очень жалкая, что собственно религии как объединяющего, связующего начала, как центра духовного тяготения нет. Эти тенденции выхолащивания истинно религиозного и подмены его внешним приводят к тому, что группы, классы и целые народы становятся средством для чьих-нибудь «внешне благих» целей.

Видя преобладание материальных интересов в современной цивилизации, В.С. Соловьев подчеркивает в своей докторской диссертации «Критике отвлеченных начал», что нравственное значение общества, не зависит полностью ни от материального начала в человеке, практически выражающегося в отношениях экономических, ни от его рационального начала, практически выражающегося в отношениях юридических и государственных. Оно определяется религиозным, или мистическим, началом в человеке, в силу которого «все члены общества составляют не границы друг для друга, а внутренне восполняют друг друга в сво-

бодном единстве духовной любви, которая должна иметь непосредственное осуществление в обществе духовном, или церкви».

Таким образом, по убеждению В.С. Соловьева, в основе нормального (идеального) общества должна лежать церковь, определяющая собою его безусловные цели. А государственные и экономические сферы должны служить формальной и материальной средой для осуществления божественного, всеединого начала в обществе. Это всеединое начало призвано давать место и назначение всему, имея в каждом особое средство или орудие для своего осуществления, сохраняя при этом свободу отдельных элементов и их внутреннее единство. В.С.Соловьев называет такой всеобъемлющий и всеединяющий общественный строй свободной теократией, считая, что она должна стать конечной целью общественной деятельности. Обращая особое внимание на характер ее осуществления, он подчеркивает, что в силу принципа всеединства «осуществление божественного начала в обществе человеческом должно быть свободно и сознательно, а не основываться на слепой вере и внешнем авторитете» [30].

В.С. Соловьев отмечает, что в нормальном (идеальном или теократическом) обществе признается ценность и свобода каждого человека. Но это не значит, что все члены нормального общества могут быть равны. С его точки зрения, место каждого лица должно определяться высотой его внутреннего достоинства, проявляющегося в преобладании идеи всеединства над эгоизмом. Такие лица, владея богатством, руководствуясь в своей деятельности нравственным началом, будут употреблять его по справедливости на благо других. Осознание того, что богатство не есть цель, а лишь средство для более полной реализации высшего религиозного начала, по мнению философа, устранит в обществе неограниченную конкуренцию, с вытекающими из нее бедствиями и эксплуатацию людей.

В.С. Соловьев убежден, что в условиях свободной теократии, хозяйственная область соединит в высшем синтезе общинность и индивидуализм. А три сферы (церковь, государство и земство), связанные внутренним органическим единством, будут взаимно дополнять друг друга. Церковь, утверждая безусловное начало любви как всеобщую цель, будет все же зависима от государства, которое устанавливает справедливый порядок в обществе, и от земства, дающего материальные средства к существованию.

Однако, изображая идеальное (теократическое) общество, В.С. Соловьев подчеркивает, что его достижение – это длительный и постепенный процесс, основанный на нравственном подвиге, неустанном совершенствовании и труде, требующий преобразования общества в духе Христовом. Поэтому в «России и Вселенской Церкви» он определяет свободную теократию как истинную солидарность всех наций и всех классов, как христианство, осуществленное в общественной жизни, как политику, ставшую христианской, как свободу для всех угнетенных, покровительство для всех слабых, как социальную справедливость и добрый христианский мир [35].

Осуществление свободной теократии, по мнению В.С. Соловьева, возможно только в окончательном фазисе исторического развития. А до тех пор «пока Бог не будет все во всех, пока каждое человеческое существо не будет вместилищем Божества, до тех пор Божественное управление человечеством требует особых органов или проводников своего действия в человечестве» [24]. Такие особые органы Божественного управления должны, по глубокому убеждению В.С. Соловьева, находиться во всех сферах человеческой жизни: религиозной, политической и социальной. Религиозная сфера жизни должна иметь своим теократическим органом священника, сфера политическая имеет своим теократическим органом царя как помазанника Божия, а социальная жизнь народа имеет свой теократический орган в лице пророка – свободного праведника. Каждый из этих трех представителей теократии, с точки зрения философа, должен иметь свою самостоятельную сферу действия, но по самому характеру этих сфер они должны находиться в определенном взаимоотношении друг к другу: «Священник направляет, царь управляет, пророк исправляет. В порядке Божественного правления священству принадлежит авторитет, основанный на предании, царь обладает властью, утвержденной на законе, пророк пользуется свободой личного почина» [9]. Простейшее отличие трех служений, по мнению В.С.Соловьева, состоит в том, что священническое держится на преданности истинным преданиям прошлого, царское – верным пониманием истинных нужд настоящего, а пророческое - верою в истинный образ будущего. Философ подчеркивает, что полнота теократического идеала требует равномерного и согласного развития этих трех орудий Божественного правления.

Преобразование общества, как считает философ, может осуществляться только изнутри – из ума и сердца человеческого. Ведь люди управляются своими убеждениями, а, следовательно, нужно действовать на убеждения людей, потому что человеческое сознание «имеет и способность, и обязанность не только следовать за фактами, но и предвещать их» [30]. По мнению В.С.Соловьева, общественный и нравственный прогресс тесно связаны. Те личности, которые нравственно превосходят свое окружение, задают более высокие нормы существования, тем самым, изменяя мир вокруг себя. Такое нравственное изменение приводит к изменению общественных норм. Обновленное общество способствует нравственному совершенствованию больших масс. С точки зрения философа, такая инициация, происходит постоянно, что постепенно и неуклонно ведет человечество к осуществлению идеала – свободной теократии. Таким образом, вопрос «кто делает» имеет определяющее значение для общественных преобразований.

Но, как отмечает В.С.Соловьев, пока темная основа нашей природы – злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм – у нас налицо, невозможно никакое настоящее дело и вопрос что делать не имеет разумного смысла. С точки зрения христианского мыслителя, «преобразователи», основывающие свое право действовать и переделывать мир на своем собственном недуге, на своей злобе и безумии, по существу есть убийцы. Очевидно, что слепые, глухие, увечные и бесноватые не могут вести к идеалу, сначала они должны исцелиться.

Первый шаг к спасению, по убеждению В.С.Соловьева, – почувствовать свое бессилие и свою неволю и признать совершенство Бога. Вера в Бога дает человеку осознание силы Божьей в себе, ибо сотворен человек по образу и подобию Божьему. А изменение себя по этому Образу станет, по словам Христа, изменением мира. Только поверившие в духовное Царствие Божие и воспринявшие слова Иоанна: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может видеть царствия Божия» [Иоан. 3:3], могут, по мнению В.С.Соловьева, стать истинными преобразователями общества.

«Рыцарь Софии» видит в человеке Демиурга, божественного сотрудника, а не раба Божьего. Как отмечает Е.Н. Трубецкой, В.С. Соловьев не чувствовал бездны греховной между миром божественным и земным. И именно в пантеистическом смешении Бога и мира Е.Н. Трубец-

кой видит источник его земных утопий. В.С.Соловьев действительно искал человеческие пути воссоединения Бога и мира, считая, что процесс творения мира не завершен. Может быть, поэтому русскому мыслителю был близок образ Прометея, напомнившего людям о сокрытом в них божественном творческом начале, способном созидать «миры». Согласно версии Эсхила, Прометей, лишив людей дара предвидения, вселил в них при этом «слепые надежды». Надежда на лучшее будущее, стремление воплотить идеал в жизнь побуждает людей к постоянной созидательной деятельности.

По мнению В.С. Соловьева, именно появление людей «прометеевского типа» продвигало человечество на протяжении всей его истории к заветному идеалу, потому что они не преклоняются перед силой факта и не служат ей. Философ считает, что против этой грубой силы того, что существует, у них есть духовная сила веры в истину и добро – в то, что должно быть. Подвиг людей «прометеевского типа», с его точки зрения, состоит в том, что, признавая видимое господство зла, они верят в невидимое добро. [25]. В.С. Соловьев убежден, что именно в этой вере и заключена вся сила человека. А кто не способен на этот подвиг, тот ничего не сделает и ничего не скажет человечеству. «Люди факта живут чужой жизнью, но не они творят жизнь. Творят жизнь, – подчеркивает философ, – люди веры. Это те, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми, – они же пророки, истинно лучшие люди и вожди человечества». [38].

Существование мыслителя в двух мирах, стиравшее грань для него между небесным и земным, отмечали все его современники: В.В. Величко, Э.Л. Радлов, М.С. Безобразова, Д.П. Цертелев, М.М. Ельцова, Е.Н. Трубецкой и другие. По мнению К.В. Мочульского, в таком крайнем идеализме есть опасность смешения двух планов бытия, временного и вечного. Временным исследователь считает теократическую идею, служению которой В.С.Соловьев посвятил свои «лучшие годы», что и стало его жизненной трагедией. Внутренняя закономерность этой трагедии, с точки зрения К.В. Мочульского, заключается в том, что философ видит за исторической организацией Церкви Царствие Божие, «вводит в нее такие относительные явления человеческой жизни, как государство и экономическое общество; считает «врата истории» вратами Царства Божия». [18].

Действительно, теократический идеал В.С. Соловьева остался непонятым современниками

и из-за своей практической направленности и признается большинством исследователей утопическим, оказывающим негативное воздействие на всю философскую систему великого мыслителя. По мнению Е.Н. Трубецкого, теократия В.С. Соловьева – «это прах земной, прилипший к крыльям, – то самое, что отягощает полет его мысли и служит в ней источником противоречий. Таково же значение и всех прочих утопий нашего мыслителя, с которыми его теократическая мечта неразрывно связана» [42]. Но с нашей точки зрения, теократическая концепция В.С. Соловьева укоренена в его метафизике, поэтому, разрушая теократию, Е.Н. Трубецкой лишает целостности всю философскую систему.

Отношение к теократии как к утопии приводит к принципиальному непониманию философии В.С. Соловьева. Так, например, современная исследовательница Л.К. Нагорная считает, что Богочеловечество – это лишь «красивая, гуманная утопия», «игра ума», «упражнение для мозга» и поэтому В.С. Соловьев «не требует от общества следования учению богочеловечества». [39]. В связи с подобными оценками представляется насущной необходимостью, сопоставив сущностные черты идеала и утопии со свободной теократией В.С. Соловьева, определить ее утопичность. Этот вопрос крайне сложен и неоднозначен, потому что, во-первых, наблюдается значительное внешнее сходство утопического и религиозного сознания и, во-вторых, среди исследователей идеала и утопии нет единства видения этих феноменов. [36].

Большинство исследователей идеала вслед за И.Кантом понимают его как «максиму совершенства», недостижимую на практике, но служащую своего рода путеводной звездой общественного прогресса, Кенигсбергский мыслитель сравнивал идеал с линией горизонта, которую люди никогда не могут достичь, но без которой они утратили бы чувство перспективы в своем развитии. Он предлагает оценивать идеал не по его достижимости, а по той роли, которую он выполняет в жизни человека и общества. Главным для И.Канта является значение идеала как регулятивного принципа, обеспечивающего возможность совершенства человеческих поступков, в этом случае идеал выступает и как критерий их оценки, и как ориентир совершенствования личности. «У нас нет единого мерила для наших поступков, – пишет он, – кроме поведения божественного человека в нас, с которым мы сравниваем себя и благо-

даря этому исправляемся. Никогда, однако, не будучи в состоянии сравниться с ним». [11].

Вопрос о соотношении абсолютного и относительного начал в природе идеала был и остается одним из самых дискутируемых в истории его философского осмысления. С точки зрения П.И. Новгородцева, как смешение, так и полное разделение их теоретически ошибочны и практически опасны. Он, как и В.С.Соловьев, видит закон исторического развития в стремлении к абсолютному через относительные ступени возвышения, через частичные проявления нравственного начала. П.И. Новгородцев подчеркивает, что только безусловный идеал может служить последней целью для каждой относительной ступени. Брать же эти ступени отдельно от общего идеала, обособлять и замыкать их в себе «значило бы принимать временные и преходящие требования, может быть, ошибочные и ложные, за окончательные и безусловные». [19]. Примером такого обособления может служить, на наш взгляд, представление современного исследователя А.А. Новикова, который считает, что содержание идеала и его качественное насыщение всегда носят временной и конкретный характер. По его мнению, печатью вечности не отмечены даже нравственные идеалы-заповеди. Размышляя о человечестве, А.А. Новиков восклицает; «Сколько новых идеалов предстоит ему создать и вновь отвергнуть». [20].

Другой стороной проблемы идеала является отождествление абсолютного и относительного. В связи с этим П.И. Новгородцев отмечает, что каждая временная и относительная ступень имеет свою ценность лишь как одно из звеньев возвышения к идеалу и требовать от них безусловного совершенства, значит исказить их природу. В.С. Соловьев, на наш взгляд, прекрасно осознавал опасность подобного отождествления, что было отмечено В.Я. Ивановым, который подчеркивает, что «какими бы ни представлялись Соловьеву звенья теократического развития, он умеет различать подготовительные ступени от действительных мистических осуществлений грядущей теократии». [10].

Но именно отождествление относительного с абсолютным, понимание идеала как ближайшей практической цели, реализуемой через конкретный проект или общественный строй, превращает его в утопию. Г.П. Флоровский, исследуя метафизические предпосылки утопизма, [41] выразил его суть как превращение «категорического императива в историческое предсказание», как принципиальное «прирав-

нивание ценности и факта», когда «мысль предвосхищает идеальный предмет в порыве конструктивного воображения, и здесь предвидимо и предвычислено все», а «абстрактные схемы заслоняют конкретную действительность и кажутся утописту более «реальными», чем действительный мир». [44]. Современная исследовательница Е.Л.Черткова среди типических характеристик утопического сознания Е.Л.Черткова выделяет «проективность, нормативность, априоризм и антиисторизм».

Утопия как проект выражает «технический», «инженерный» подход к миру, не ориентированный на исследование реального положения дел, поскольку ни в своих целях, ни в выборе средств не опирается на действительность, а противостоит ей. Однако можно согласиться с мнением некоторых исследователей, которые считают заслугой утопизма критичность, проблематизацию существующего. [40].

Но утопические проекты не редко выходят не только за пределы действительного, но и возможного. Понимаемую таким образом трансцендентность К.Манхейм считает одной из определяющих характеристик утопического сознания. По его мнению, утопическое сознание «в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом «бытии». [17]. Именно в подобной трансцендентности многие исследователи обвиняли идеалистическую философию В.С.Соловьева и его идеал свободной теократии. Однако С.Н. Булгаков считает, что утопизм психологически скорее связан «с позитивизмом вследствие того, что в последнем абсолютное ищется в относительном, между тем как в идеализме соблюдается правильная философская перспектива». [6].

В.С. Соловьев в «Критике отвлеченных начал» отмечает, что нелепо требовать невозможного, не имеющего связи с действительностью, потому что в таком случае идеальное содержание не имеет никакой основы для своего осуществления. Философ обосновывает метафизичность и онтологическую закреплённость теократического идеала, как в мироздании, так и в человеческой природе. С его точки зрения, мир образуется нисхождением Бога в «другое», необходимое Богу для обнаружения полноты Его существования. Это «другое» – Абсолютное становящееся или София, отпав от Бога и, распавшись, само в себе на множество враждующих элементов, движется в направлении собирания множественности во всеединство, иными словами, к воплощению абсолютного

организма. «Главная цель мирового процесса – считает философ, – есть действительное обнаружение единства, или божественной духовности, во всей реальности, или воплощение Бога во всех существах, что может быть также определено как материализация божества». [37]. Исторический процесс в его концепции, также имеющий в своей основе становление Абсолютного в «другом», и являющийся частью богочеловеческого, движется к положительному всеединству и рождению Богочеловечества. Подчеркивая объективную закономерность этого процесса, В.С.Соловьев, отвечая своему оппоненту Б.Н.Чичерину, пишет: «Не тот настоящий утопист, кто хочет преобразовать общество, а тот, кто мечтает остановить ход истории». [31].

Посвящая сотни страниц своих трудов («Чтения о богочеловечестве», «Религиозные основы общества», «История и будущность теократии», «Россия и Вселенская Церковь», «Оправдание добра») доказательству развития теократической идеи в истории человечества, В.С. Соловьев прекрасно знал о подводных мелях своего учения, о сложности его воплощения. «Но есть ли это идеально-желательное вместе с тем и реально-возможное? – вопрошает В.С.Соловьев в «Критике отвлеченных начал», – Существуют ли на самом деле воистину те условия, которые необходимы для осуществления этого идеала? Не есть все это этическое построение один из тех воздушных замков или, попросту, мыльных пузырей, из-за которых практические люди, а равно и люди точной науки привыкли презирать умозрительную философию?». [30].

Философ признает, что идеал свободной теократии выведен из высшего нравственного требования, а потому вопрос его осуществления остается вполне открытым, относящимся к области возможного. В работе «Еврейство и христианский вопрос» В.С. Соловьев подчеркивает, что для успешного выполнения теократической задачи необходимы три условия: 1)полная самостоятельность религиозного начала в обществе, потому что если религиозный элемент занимает в общей жизни подчиненное или зависимое положение, то теократия не имеет никакого смысла; 2)правильное расчленение общественного тела и твердый порядок в его управлении, потому что без этого религия не имеет способов проводить свое влияние в жизнь; 3)свободная и энергическая деятельность личных сил, потому что без такой деятельности самая лучшая общественная органи-

зация останется пустою формой. [24]. Именно от человеческих усилий, по мнению В.С. Соловьева, зависит осуществление свободной теократии, ибо только руками и ногами человеческими можно в Царствие Небесное войти.

В русской религиозной философии, основывающейся на категориях соборности и всеединства, отмечается, что общество реально только в живых конкретных лицах. Именно свободная и творческая личность представляет собой нравственную основу, которая является источником прогресса и осуществления идеала. В.С. Соловьев считает, что никакой человек ни при каких условиях и ни по какой причине, не может рассматриваться только как средство для каких бы то ни было посторонних целей. Человек не может быть «только средством или орудием ни для блага другого лица, ни для блага целого класса, ни, наконец, для, так называемого общего блага, т.е. блага большинства других людей». [34]. Общее благо понимается философом как благо всех без исключения, а тем самым и благо каждого. Служа такому общественному благу как цели, человек не становится при этом только средством или орудием чего-то внешнего и чуждого, а осуществляет свое безусловное достоинство, имеющееся у него как у отдельного лица только в возможности, которая становится действительностью лишь через внутреннее соединение каждого со всеми. И это есть, с точки зрения В.С.Соловьева, единственная нравственная норма в нормальном (идеальном) обществе.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что представления В.С. Соловьева об идеале, четко сформированные уже в начале творческого пути, и являющиеся органичной составной частью философии всеединства, не претерпели значительных изменений в течение всей его жизни. Философ, называя свой взгляд на идеал практическим идеализмом, подчеркивал, что исторический и космический опыт свидетель-

ствует об идеалах осуществляемых, и о действительности преобразуемой. Но воплощение идеала – процесс длительный и постепенный, проходящий определенные этапы. Ключевую роль в общественных преобразованиях, по мнению В.С. Соловьева, играет человек. Как существо богоземное, он является проводником Божественной воли и способен, совершенствуясь сам, совершенствовать окружающий мир. Философ считал, что идея идеала отражается в сознании отдельных людей, которые, нравственно превосходя свое окружение, задают более высокие нормы существования, изменяя тем самым мир вокруг себя. Это приводит к изменению общественных норм. Обновленное общество в свою очередь способствует нравственному совершенствованию больших масс. С точки зрения В.С. Соловьева, такая инициация, происходит постоянно, постепенно и неуклонно ведя человечество к осуществлению общественного идеала – свободной теократии. Философ убежден, что теократическое устройство способно воплотить образ Божественной Троицы в общественной жизни человечества. Церковь, лежащая в основе теократического общества, определяет собою его безусловные цели, а государственные и экономические сферы призваны служить формальной и материальной средой для осуществления Божественного, всеединого начала в обществе. Идеал свободной теократии укоренен в метафизике В.С. Соловьева, поэтому, признание многими исследователями его утопичности лишает целостности всю философскую систему.

Анализ сущности и природы общественного идеала В.С. Соловьева позволил сделать вывод о его отличии от утопических концепций, что может способствовать пересмотру наиболее распространенной точки зрения и на теократическое учение, и на эволюцию творчества русского мыслителя.

Список литературы

1. Амелина Е.М. В.С. Соловьев: теократическая концепция // Социально-политический журнал. - 1993. № 7. – С. 122-128.
2. Асмус В.Ф. Владимир Соловьев. – М.: «Прогресс», 1994. – 206 с.
3. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // О Владимире Соловьеве. – Томск: «Водолей», 1997. – С. 96-116.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: «Наука», 1990. – С. 43-271.
5. Бондарев П.Б. Философия истории В.С. Соловьева: Диссертация канд. филос. наук: 09.00.03. – Краснодар, 1996. – 136 с.
6. Булгаков С.Н. О социальном идеале // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т.

- Т.1. От марксизма к идеализму. – М.: Наука, 1999. – (Социологическое наследие) – 336 с.
7. Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм: Споры о судьбах России / Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев В.Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – С. 205-233.
8. Галактионов А.А., Шкандров П.Ф. Русская философия XI-XIX веков. – Л.: Наука, 1970. – 651 с.
9. Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А.Маслин. – М.: Республика, 1992. – С. 136-146.
10. Иванов В.Я. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов В.Я. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В.М.Толмачева. – М.: Республика, 1994. – С. 337-345.
11. Кант И. Критика чистого разума // Соч. в шести томах / Под общ. Ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
12. Киреевский И.В. В ответ А.С.Хомякову // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – С. 117-127.
13. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – С. 238-272.
14. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – С. 199-238.
15. Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Медиум, 1994. – С. 3-14.
16. Лосский И.О. Вл.Соловьев и его преемники в русской религиозной философии // Путь. – 1926. – № 3. – С. 11-21.
17. Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700с.
18. Мочульский К.В. Владимир Соловьев: Жизнь и учение //Соловьев Вл.С: pro et contra / Сост., вступ. статья и примечания В.Ф.Бойкова. – СПб.: РХГИ, 2000.– С. 556-829.
19. Новгородцев П.И. Об общественном идеале / Сост., вступит. статья А.В.Соболева. – М: Пресса, 1991. – 638 с.
20. Новиков А.А. О парадоксах идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М.: РОССПЭН, 1996. – С.136-155.
21. Письмо Вл.Соловьева к Л. Толстому. О воскресении Христа // Путь. – 1926. № 5. – С.75-77.
22. Самарин Ю.Ф. Предисловие // Хомяков А.С. Сочинения богословские. – СПб: Наука, 1995. – С. 5-39.
23. Сербиненко В.В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия: Учебное пособие для вузов. – М.: Наука, 1994. – 205 с.
24. Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – 687с.
25. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. Н.И. Цимбаева. – М.: Современник, 1991. – С.236-182.
26. Соловьев В.С. Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – С. 319-323.
27. Соловьев В.С. Идолы и идеалы // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – С. 604-637.
28. Соловьев В.С. История и будущее теократии // Соловьев В.С. Собрание сочинений: В Ют. / Под ред. и с примеч. С.М.Соловьева и Э.Л.Радлова. – 2-е изд. – СПб.: Просвещение, 1911 - 1914. Т. 4. – С. 243-633.
29. Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – С. 351-389.
30. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – С. 581-756.
31. Соловьев В.С. Мнимая критика. Ответ Б.Н. Чичерину // Философские науки. – 1990. № 3. – С. 74-87.
32. Соловьев В.С. О подделках // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. – М.: «Правда», 1989. –С. 305-316.

33. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – С. 390-404.
34. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – С. 47-548.
35. Соловьев В.С. Славянский вопрос // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – С. 311-326.
36. Соловьев В.С. София // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 2. – М.: Наука, 2000. – С. 9-161.
37. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – С. 289-323.
38. Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1.1 Сост., подготовка текста и примечания Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – С. 19-31.
39. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – С. 5–172.
40. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 1. – М.: Медиум, 1995. – 604 с.
41. Федотов Г.П. Об антихристовом добре // Путь. – 1926. № 5. – С. 42-50.
42. Флоровский Г.П. Метафизические предпосылки утопизма // Георгий Флоровский Из прошлого русской мысли. – М.: «Аграф», 1998. – С. 265-292.
42. Хомяков А.С. Письма к В.Пальмеру (X–XII) // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Медиум, 1994. – С. 244-308.
43. Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Сочинения богословские. – СПб: Наука, 1995. –С. 39-57.
44. Шапошников Л.Е. Философия соборности: Очерки русского самосознания. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996.– 200 с.
45. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Сочинения в двух томах / Сост., ред. изд., вступ. статья А.В. Гулыги. Т.1. – М.: Мысль, 1987. – 637 с.
46. Лыткин В.В. Русский космизм и проблема формирования антропологического идеала в общественной мысли России на рубеже XIX – XX веков // Казанская наука. – №4. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2012. – С. 181-183.
47. Лыткин В.В. Проблема влияния немецкой философии на формирование социально-антропологических идеалов русского космизма // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». Федеральный научно-практический журнал. – №5 (25). – Орел, 2012. – С. 233-237.

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 81'42

Е.В. Белова¹, Л.Г. Васильев²

БЫТОВОЙ КОНФЛИКТ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается понятие коммуникативного конфликта. Особое внимание уделяется такой его разновидности, как бытовой конфликт. Даны основные характеристики данного явления, описана его структура. Указаны основные тактики и стратегии, характерные для бытового конфликтного дискурса.

Ключевые слова: бытовой конфликт, конфликтный дискурс, конфликтная ситуация, коммуникативные стратегии и тактики.

Межличностные контакты часто осуществляются в условиях конфликта, который является неотъемлемой частью человеческого общения. Понятием *конфликт* оперируют многие области знания – социология, психология, педагогика, юриспруденция, лингвистика, поскольку противоречия и столкновения возникают практически во всех сферах человеческой жизни: профессиональной, личной, бытовой. Некоторые авторы (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов) трактуют конфликт, исходя из наличия в нем агрессивной тональности и определяя его как наиболее острый способ разрешения противоречий [1.С.535] или как насильственное межличностное противоборство, связанное с сознательным ущемлением нравственного достоинства и потребностей партнера (В.И. Сафьянов) [Цит. по: 2.С.55]. С другой стороны (А.В. Дмитриев), конфликт может трактоваться широко как проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон [2.С.54]. Х. Ребок, определяет конфликт как любую интеракцию, участники которой «оповещают друг друга об антагонистических целях и/или выдвигают различные претензии относительно отношений, ценностей, знаний, оценок и пытаются их защищать или добиваются их осуществления» (Цит. по: [3.С.16]).

Конфликт может возникнуть только на базе коммуникативного контакта. Как отмечает Н.Г. Комлев, конфликт отсутствует в двух случаях: при идеально слаженной интеракции на основании полного взаимного соответствия, стратегических и тактических интересов общающихся и при отсутствии всякого контакта между ними [4.С.90].

Основную роль в возникновении конфликтов играют так называемые конфликтогены, то есть слова, действия (или бездействие), способные привести к конфликту. В ходе конфликта происходит эскалация конфликтогенов: на кон-

фликтоген в его адрес слушающий обычно стремится ответить более сильным конфликтогеном, часто максимально сильным из всех возможных.

По мнению О.А. Гусевой, важную роль в конфликтном дискурсе играет оценочность, проявляющаяся в отрицательной оценке говорящим действий адресата либо ситуации, на которую повлияли эти действия. Оценка в конфликтной коммуникации функционирует как инструмент достижения целей говорящего в силу того, что оценка вызывает не только у адресата, но и у целевой аудитории определенное психологическое состояние и тем самым выступает в качестве паралогического средства аргументации [5].

В настоящее время в лингвистике активно ведется научная работа по выявлению функциональных, семантических, грамматических особенностей конфликтного дискурса, типовой структуры, становлению понятийного аппарата. С понятием конфликтный дискурс связаны конфликтная ситуация, коммуникативные стратегии в конфликте, коммуникативный конфликт и т.д.

Согласно определению Н.А. Белоус «в качестве *конфликтного дискурса* выступает такое амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования, иллюкутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному взаимодействию друг на друга» [6. С. 152].

Конфликтный дискурс – это комплексный знак, денотатом которого является когнитивно-языковое образование – скрипт, а референтом – конфликтная ситуация – причина появления речевой актуализации знака. *Конфликтная ситуация* – это «объективная база существования конфликта, главными элементами которой яв-

ляются оппоненты конфликта и объект конфликта, особенностью конфликтной ситуации в конфликтном дискурсе является ее взрывоопасный характер, так как оба реципиента имеют цель добиться желаемого любыми средствами. Обижать, ругать, оскорблять и быть обиженным, оскорбленным – инвариантные признаки конфликтной ситуации» [6. С.31].

Конфликтный дискурс как *структура* представляет собой стереотипную ситуацию и включает в себя обязательные слоты, отражающие компоненты объекта: *ситуации; участников* конфликтной ситуации, чьи коммуникативные интересы находятся в противоречии; *столкновение коммуникативных целей*, когнитивных позиций, точек зрения, выявляющее их противоречие и несоответствие; *речевые действия* одного из участников конфликтной ситуации, направленные на изменение поведения или состояния собеседника; *ущерб*, который наносится речевыми действиями одного участника и который испытывает другой в результате указанных речевых действий.

Бытовое общение – самый распространённый вид взаимодействия людей. Сфера бытового общения – это семья, друзья, транспорт, магазины, и т.п. Практика показывает, что именно здесь человека подстерегает наибольшее количество конфликтов. Вслед за В.С. Третьяковой, мы понимаем *бытовой конфликт*, как «особый вид коммуникативной ситуации, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов, предпринимает ответные действия против первого участника» [4. С. 127]. Предметом бытового конфликта обычно становится объективно существующая или воображаемая проблема (например, первенства, обладания какими-либо благами и т. д.); объектом бытового конфликта – любой конкретный элемент материального мира или социальной реальности, способный стать точкой пересечения интересов разных субъектов, стремящихся его контролировать.

К числу типовых характерных черт бытового конфликтного диалога можно отнести следующие: спонтанность и ситуативная обусловленность общения, высокая эмоциональная вовлеченность, эллиптичность и нечеткость речевой

репрезентации, доминирование разговорной лексики, востребованность невербальных компонентов речевого поведения. [7]

Большинство бытовых конфликтов, несмотря на разнообразие мотивов и личностных характеристик партнеров, развивается по предсказуемому типичному сценарию. Сценарность межличностного общения предполагает наличие некоторых этапов, или стадий, которые проходит конфликт в своем развитии. В данном исследовании выделены следующие стадии коммуникативного конфликта: 1) предконфликтная; 2) завязка конфликта; 3) развитие конфликта 4) завершение конфликта, подведение итогов. Существует два варианта развития коммуникативного конфликта – разрешенный и неразрешенный конфликты, которые различаются усилением агрессии или проявлением толерантности, приводящей к снижению степени эмоциональной вовлеченности и разрешению (рационализации) конфликта. Данные варианты развития напрямую связаны с тактиками и стратегиями, которые выбирают конфликтующие стороны.

Под *коммуникативной стратегией* понимается план речевого и невербального поведения, способствующий достижению цели коммуникации (см. аналитический обзор речевых стратегий [8. С.15-43]. Стратегия в конфликтном дискурсе – это обязательное предписание выбрать оппонентами адекватный ситуации и иллюкутивным намерениям риторический прием – ход, о котором участники договариваются заранее [9].

Существуют *кооперативные* и *некооперативные* (конфронтационные) стратегии сторон коммуникации [10]. Выбор тактик для данных стратегий зависит также и от социальной роли конфликтующих, например: жена – муж, ребенок – родитель, старший по возрасту – младший по возрасту, гость – хозяин, более важный по статусу – менее важный по статусу и др. Все многообразие социальных ролей в бытовом конфликтном дискурсе можно разделить на две большие группы: коммуниканты с равноправным социальным статусом и неравноправным социальным статусом. В группе с неравноправным социальным статусом в свою очередь присутствует коммуникант с доминирующим статусом и коммуникант с подчиненным статусом.

Итак, в зависимости от социальной роли и выбранной конфликтующими стратегией, можно выделить следующие тактики:

I Коммуниканты с равноправным социальным статусом (исследовались бытовые конфликтные ситуации в российском реалити-шоу «Дом2» между участниками проекта, имеющими равный статус).

1. Кооперативная стратегия.

а) Тактика рационального убеждения: «Стой, подожди. Лена – дежурная с тобой. Если ты уехала куда-то и приезжаешь не в час ночи, не в два, а приезжаешь в 4 дня, то ты должна помогать дежурным».

б) Предложение:

А: Как мне сейчас поступать? Вот, просто, вот, по-твоему, как поступать?

И: Выдержи паузу. Тебе дали отпуск – выдохни 10 дней!

А: Я тебе говорю: Я ухожу с проекта. Я ухожу. Что будешь делать ты – это твое решение, это твой выбор.

И: Давай не будем спешить, ладно? Ты вернешься из отпуска и обсудим...

в) Уступка:

М: Ой, слушай, Элин, я в своих отношениях разборчива. Что хочу, то и делаю.

Э: Конечно, безусловно. Но коли мы уж здесь, моя дорогая, позвольте мне, я буду обсуждать...

М: Обсуждай.

г) Обещание:

«Давай так. Я обещаю, что больше не буду поднимать эту тему, а ты, вот, только успокоись сейчас, ладно?»

2. Некооперативная стратегия

а) Обвинение: «Если у тебя не хватает фантазии ни на что более умное, не надо езжать – ты не ведущий пока здесь. Не надо наезжать».

б) Угроза:

«Я тебе сейчас, реально, по лбу дам».

в) Прерывание собеседника:

Л: Да, эта фигня меня раздражает. Ты мне в укор ставишь, что я не так сидела на романтике!

Ж: Я не ставлю тебе в упрек...

Л: А что ты сказал?

Ж: Ты сегодня не...

Л: Ты стала не та?

Ж: Нет. На сегодняшний день для меня лично, ну, когда люди, допустим...

Л: Я тебе еще раз говорю, Жень!...

Ж: Видишь, ты опять перебиваешь и нажимаешь.

г) Оскорбление: «Ты сидишь, как затычка в каждой бочке и только на девочек можешь. Фу, какой позорище!»

д) Издевка:

И: А я глотал с тобой унижения. И тряпка, и не мужик, и все.

А: Обглотался, бедненький.

е) апелляция к власти

«Вот, я сейчас пойду и приведу сюда ведущих, тогда посмотрим, кто здесь прав!»

II Коммуниканты с неравноправным социальным статусом (конфликты между ведущими и участниками проекта, между старыми и новыми участниками).

1. Кооперативная стратегия:

-со стороны доминирующего:

а) Тактика убеждения:

Ж: Я каждый день хожу и говорю: Дай первый этаж дома Пынзарей. А ты говоришь: Нет, я тебе не дам, потому что ты должен жить там-то.

К: Правильно я тебе говорю. А что неправильно? Если ты даже вещи не можешь свои на втором этаже разобрать. Ну, Жень, какой тебе дом? Ты вначале докажи о том, что ты можешь этот дом заслужить, тогда получишь.

б) Предложение: «Слушай, давай так. Ты извиняешься при всех за свои слова на стройке, и я больше к тебе даже не подхожу с этим»

в) Обещание: (ведущая участнику) «А если ты будешь меня слушать, то тебе понравится и мой голос, и мой тон. Я тебе обещаю!»

г) Сочувствие

«Лен, я ж понимаю, как тебе здесь все надоело, все эти проблемы... Просто постарайся не вымещать свое раздражение на других»

-со стороны подчиненного:

а) Оправдание: «Я не говорю, что отказываюсь прибираться! Поставьте мне дежурство на другой день. Я все уберу!»

б) Согласие: «Ну, ладно, я что? Я вытру эту воду, конечно...»

в) Убеждение: «Смотри, Эндрю: вот, дай я буду говорить за себя, да? Я к тебе уважительно отношусь и при любых раскладах я поддержу тот выбор девочки, которая к тебе придет. Но при всем при этом ты меня просишь о чем? Ну вот, даже если коллектив решит проголосовать против Ани, ты тут, вообще, при чем?»

2. Некооперативная стратегия

-со стороны доминирующего:

а) Угроза: «Я тебя просто предупреждаю: если ты так будешь в коллективе вести себя, на следующем голосовании вылетит отсюда, как Уля».

б) Обвинение: «Девочки, ну, что за свинарик здесь? Ну, как же так жить можно?! Так, я приду через час, и чтоб все на местах было!»

в) Прерывание собеседника:

Ч: Вот и все. Прямо сейчас собирай манатки и вали отсюда!

А: Слушай, ты не решаешь...

Ч: Потому что со свиньями мы в коллективе не живем.

г) Давление:

Ч: Иди и приберись. Ничего страшного в этом нету. Почему люди тут по правилам все дежурят?

А: Андрей, так ты знал, что я уезжаю. Ты знал!

Ч: Ты должна была приехать до обеда.

А: И ты взял расписание...

Ч: Я еще и виноват. Да, в том-то и дело, что сейчас ты иди. Ребята дежурили весь день. Ты иди и проведи 15 минут и наведи...

А: Я не обязана! Меня не было здесь!

Ч: Ах, если не обязана, иди за ворота!

д) Издевка:

«Марин, давай так: вот пока я сейчас с тобой разговариваю, ты ничего внятного пока не сказала. Давай будем откровенно. И, к сожалению, ты это не умеешь. Я тебе говорила, что в этой жизни, может быть, стоит поменять общение с мужчинами. В каком плане: может быть, стоит подождать эту самую любовь и не ложиться с мужчинами, с которыми ты спишь постоянно?»

-со стороны подчиненного:

а) Возмущение

Я не обязана! Меня не было здесь!

б) Намек, ирония

Е: Один вопрос. Сделайте тишину! Вот смотрите, решение конфликтов входит в ваши обязанности? Вот, мне надо поговорить с ведущим 2 минуты, можно?

К: Решение конфликтов? А что, уже конфликты наметились

Е: Ну да.

К: Уже?

Е: Не, ну, на меня Ксюша (говорит ведущей о ней же) надавила так в корне, просто я до сих пор в шоке хожу.

в) провокация

«Где все малолетки, которые рты-то открывают? Где все? Где ты сидишь-то? Девушку оскорбляют. Ты, мужчина!»

Среди кооперативных тактик в конфликтной ситуации наиболее продуктивной оказывается тактика рационального убеждения. Используя данную тактику, конфликтующие стороны имеют наибольшие шансы на рациональное разрешение конфликта.

Наиболее частотной неконструктивной, некооперативной тактикой в бытовом конфликтном дискурсе как при равноправных, так и при неравноправных социальных ролях (со стороны доминирующей стороны) является коммуникативная тактика обвинения. Тактика обвинения нацелена на негативную оценку действий партнера. Эксплицируя обвинение, говорящий наносит психологический ущерб имиджу адресата, вызывая у него эмоциональный дискомфорт, и побуждает его к ответным речевым действиям, что повышает вероятность возникновения конфликта.

Тактика оправдания (кооперативная стратегия, в ответ на обвинение) довольно часто используется коммуникантами с социальной ролью подчинения в качестве ответной реплики для прояснения недоразумения, приведшего к конфликту, – говорящий пытается дать дополнительную информацию об обстоятельствах, объясняющих причины его поведения в прошлом, что способствует амортизации конфликта.

В ходе исследования выяснилось, что наиболее деструктивной является некооперативная стратегия с равноправными участниками конфликта. Если никто из коммуникантов не изменит стратегию, разрешить конфликт без третьих лиц будет практически невозможно.

Исследование также показало, что определенные люди постоянно используют практически одинаковые стратегии и тактики в конфликтных ситуациях, другие меняют их в зависимости от ситуации и обстоятельств. Это может говорить о том, что немаловажную роль в развитии конфликта будут иметь психологические личностные характеристики личностей, вовлеченных в конфликт. На исследование этого фактора будет направлено дальнейшее исследование.

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. – СПб: Питер, 2007. – 496 с.
2. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.
3. Хилалова Н.Г. Функционально-прагматический аспект блокирующей уступки в контексте бытового конфликтного дискурса в современном немецком языке: Автореферат. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 : Иркутск, 2004. – 27 с.
4. Комлев Н.Г. Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта // Тез. VI всесоюзн. симп. по психоллингвистике и теории коммуникации. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1978. – С. 89-93.
5. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. – С. 127-140
6. Гусева О.А. Конфликтный дискурс в межнациональном политическом взаимодействии. // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к научных трудов / Отв. ред. д.ф.н. Л.Г. Васильев. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2009. – Вып. 5. – С. 37-43.
7. Белоус Н.А. Типология конфликтных проявлений в диалогическом пространстве / А.П. Костяев, А.А. Романов, Л.А. Романова // Наука и образование. Сборник материалов 7 международной научной конференции, 28-29 февраля 2008. - Белово, 2008. – С. 31-39.
8. Волкова О.С. Прагматические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «Бытовой конфликт» (на материале английского языка) Автореферат дис... канд. Филол. Наук. Волгоград, 2009 – 23 с.
9. Васильев Л.Г., Черкасская Н.Н. Речевые стратегии и апеллятивный дискурс. – Калуга: Калужский гос. университет, Удмуртия: Удмуртский гос. университет, 2013 – 99 с.
10. Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения общедно-бытового и профессионального педагогических дискурсов русской и американской лингвокультур: Автореф. дис.... канд. филологических наук. Кемерово, 2008. – 19 с.
11. Ручкина Е.М. Речевой конфликт и его регулирование средствами аргументации. // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к научных трудов / Отв. ред. д.ф.н. Л.Г. Васильев. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2011. – Вып. 7. – С. 64-66.

¹ Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал), Калуга

² Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 159.9+ 616.89

Т.Ф. Золотарева
СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ БОЛЬНЫХ
АЛКОГОЛИЗМОМ И НАРКОМАНИЯМИ

Рассмотрены вопросы нарушений социальной адаптации больных алкоголизмом и их семей во взаимосвязи с основными психопатологическими симптомокомплексами алкогольной зависимости. Рассмотрены подходы к коррекции таких нарушений в рамках комплексного лечебно-реабилитационного процесса для пациентов с алкогольной зависимостью и их семей.

Ключевые слова: алкоголизм, адаптация, травматический опыт, ценностные ориентации.

В 90-е годы XX века в России стала развиваться как качественно новое направление социальной работы и вид профессиональной деятельности медико-социальная работа. Она представляет собой комплекс проводимых на государственном и муниципальном уровнях интегрированных мероприятий: медицинских, социальных, психологических, юридических, педагогических, направленных на укрепление социальной, медицинской и психологической защищенности здоровья населения, особенно наиболее уязвимых его слоев. Это междисциплинарная сфера деятельности, направления и организационные формы которой зависят как от политики государства в области охраны здоровья населения, так и от современной концепции здоровья и теорий социальной работы в целом. Мировой опыт социальной работы свидетельствует, что специалист по социальной работе, профессионально оказывающий помощь, обязан владеть теоретическими и практическими знаниями в области социологии, психологии, медицины и здравоохранения. Независимо от специализации и места работы, он участвует в решении проблем социального, физического и психологического здоровья индивидов и их групп. По данным зарубежных и отечественных исследователей, здоровье человека в очень большой степени – на 80-90% – зависит от индивидуального образа жизни и социальных факторов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Алкоголизм, наркомании и токсикомании принадлежат к наиболее значимым социальным болезням. Психоактивные вещества иногда рассматриваются как исторически выявленные и социально закрепленные адаптогены, т.е. средства, участвующие в обеспечении истинной или иллюзорной адаптации к условиям и требованиям жизни, благодаря их выраженному воздействию на психическое состояние людей – их настроение, эмоции, мышление, поведение. В

качестве социальных адаптогенов психоактивные вещества включены в механизмы индивидуального и группового поведения, массовой культуры, занимая важное место в бытовых обычаях, формах коммуникации. Кроме того, психофизиологические эффекты алкоголя и наркотиков определяют многочисленные формы их негативного влияния на индивидов и в целом на социум.

Так, например, началом аддиктивного поведения у подростков служит этап первых проб. Впервые пробуют какое-либо средство чаще всего в компании или под влиянием приятеля. В большинстве случаев первым выбирается алкоголь, иногда курение конопли или ингалянты. Затем может последовать отказ от злоупотребления или повторение – нередко со все большей частотой и в определенном ритме. Причиной отказа могут быть неприятные ощущения, вызванные интоксикацией, или страх пристраститься к данному веществу, или угроза суровых наказаний. Вслед за первыми пробами следуют повторные, наступает этап поискового "полинаркотизма" – попеременного употребления алкоголя, токсических веществ, наркотиков и т.д. Обычно это происходит в компаниях, которые собираются не только для совместного злоупотребления. Психоактивные вещества используются облегчения коммуникации – "для веселья", для сексуальной расторможенности и т.д. Этап выбора предпочитаемого вещества завершает поиски. Подросток останавливается на одном из нескольких веществ и предпочитает его. Но зависимости еще нет. На этом этапе выявляется в основном гедонистическая установка – желание получить определённые приятные ощущения. К этапам развития аддиктивного поведения относится и этап групповой психической зависимости, на котором потребность в употреблении алкоголя или иного токсического вещества возникает немедленно, как

только собирается "своя" кампания. За пределами этой компании влечения еще не возникает. У большинства подростков, состоящих на профилактическом учете у подросткового врача-нарколога, определяется этап поискового "полинаркотизма" развития аддиктивного поведения.

Аддиктивное поведение подростков развивается постепенно и имеет существенные отличия от развития алкоголизации и наркотизации взрослых людей. Прежде всего, это касается мотивации потребления. Так, традиционные, социально обусловленные мотивы в настоящее время в целом не характерны для детей и подростков. Подросток, злоупотребляющий психоактивным веществом, как правило, руководствуется комплексом мотивов. Характер ведущего мотива определяется не столько этапом аддиктивного поведения, сколько особенностями самого подростка, например, наличием акцентуированных черт характера. У подростков также часто бывает выражена подверженность давлению группы в отношении приема наркотиков и алкоголя. Аддиктивное поведение подростков сопряжено с нарушениями межличностных отношений. Алкоголь и наркотики играют вспомогательную роль, однако эта помощь иллюзорна: качество взаимоотношений, естественно, не улучшается, а удовлетворенность ими растет за счет снижения требовательности. Аддиктивное поведение есть поведенческий феномен, соответствующий крайностям поведения, который способствует также деликвентному, агрессивному, саморазрушающему поведению [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

В развитии алкоголизма, т.о., взаимодействия биологические, психологические и социальные факторы, требующие оказания больным комплексной медицинской, психологической и социальной помощи. Потребление алкоголя, наркотиков, других психоактивных веществ – это системное биопсихосоциальное явление, социальные, медицинские, экономические, криминальные последствия которого влияют на общественное благосостояние и общественную психологию. При анализе комплекса социальных и психологических проблем, связанных с потреблением этих веществ, целесообразно вычленять те проблемы, которые формируются на:

- доклиническом или преклиническом и клиническом уровнях,
- те, которые являются вторичными, производными от той или иной наркологической па-

тологии,

- «третичными», которые возникают у окружения больного и прямо или косвенно связаны с потреблением психоактивных веществ близкими.

Так, на доклиническом уровне важно выделение групп повышенного риска развития наркологических заболеваний. Эти группы характеризуются часто выраженной клинической и субклинической патологией, формирующей предрасположенность к приобщению к психоактивным веществам и развитию наркологических заболеваний, например, наследственной отягощенностью, в том числе и по алкоголизму и наркоманиям. На клиническом уровне выраженность наркологических проблем зависит от степени тяжести совокупности факторов эндо- и экзогенного порядка, ведущих клиента к вовлечению в алкоголизацию и наркотизацию. Анализ возникающих на каждом уровне проблем важен в плане определения направленности и содержания отдельных технологий социальной работы в этой сфере, дифференциации ее специфических видов, ориентированных на различные группы людей. Для группы длительно, часто и тяжело болеющих пациентов наркологического профиля, как отмечают специалисты, характерны медицинские проблемы, связанные с тяжестью основного заболевания, его осложнениями и последствиями, возможна одновременно зависимость от нескольких психоактивных веществ. Нередка патологическая адаптация в болезни, отсутствие выраженных терапевтических установок, нарастающая вторичная социальная дезадаптация и отношения со-зависимости в ближайшем социальном микроокружении, и т.д. Поэтому особенностями медико-социальной работы с данной группой клиентов считается содействие в обеспечении специфического долгосрочного лечения в оптимальных условиях. В группе больных с выраженными социальными проблемами специалисты исследуют тяжесть наркомании, определяют сопутствующие личностные и психические отклонения, антисоциальные установки и поведенческие привычки; анализируют социальную и психологическую дезадаптацию, результаты лечения в прошлом и актуальные проблемы помощи.

Отдельной группой являются алкоголики-инвалиды. Инвалидность в подавляющем большинстве случаев устанавливается не по основному заболеванию (наркомании), а по его

осложнениям и сопутствующим заболеваниям, до настоящего времени критерии определения тяжести зависимости от психоактивных веществ поскольку не разработаны. Особенностью проблем данной группы являются наличие тяжелой и разнообразной патологии с той или иной степенью утраты трудоспособности, постоянной потребностью в лечении и медицинском наблюдении, социальной опеке. С деградацией личности, снижением интеллектуального уровня, патологической адаптацией к болезни, сильной психической зависимостью от психоактивных веществ связаны психологические проблемы [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23].

В работе с алкоголиками большое значение имеет определение типа алкоголизма клиента (первичный, вторичный, реактивный).

1. При первичном алкоголизме клиент почти не контролирует свое поведение, связанное с потреблением алкоголя; отсутствуют какие-либо психические нарушения, признаки серьезного кризиса, предшествующие пьянству. В семейном анамнезе часто упоминается алкоголизм. Обычно больной первичным алкоголизмом нуждается в госпитализации, затем в консультировании или групповой терапии в амбулаторных условиях. В случаях вторичного алкоголизма больного желательно на короткий период времени госпитализировать с целью дезинтоксикации, но основным объектом лечения должно стать первичное психическое заболевание.

2. В случаях вторичного алкоголизма перед злоупотреблением алкоголем отмечаются психические нарушения, часто в форме депрессии. При реактивном алкоголизме пьянству предшествует сильный жизненный кризис.

3. Человек с реактивным алкоголизмом нуждается во вмешательстве, которое поможет ему справиться со своим состоянием и с ситуацией, обусловленной жизненным кризисом; такого клиента можно не госпитализировать.

Понятие комплексности социальной помощи предполагает также включение помощи окружающим, близким больного. Так, ролевые сдвиги у членов социального окружения больного трансформируются в систему прочных патологических связей между больными и его окружением, прежде всего его семьей, которая принимает характер особой стойкой деформации поведения и психоэмоционального состояния членов окружения – супругов, детей, родителей и других – возникновению созависимо-

сти, которая требует специальных – комплексных – мер для ее коррекции и устранения [244; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 311 32; 33; 34].

В последние десятилетия исследователи алкоголизма и наркомании все чаще обращают свое внимание на взаимоотношения в алкогольных семьях, алкоголик рассматривается ими в контексте его специальных и в первую очередь, внутрисемейных связей. Относительно больше работ посвящено психологическим особенностям жен больных алкоголизмом, их детей, взрослых детей, внукам алкоголиков и психологической коррекции алкоголизма. В литературе появился новый термин "взаимозависимость" ("со-зависимость", "ко-алкоголизм"), применимый в отношении супругов, детей, внуков в рамках сферы пагубных пристрастий. Психическое и соматическое здоровье родственников больных алкоголизмом, начали изучать лишь в последнее время социальные и психологические службы США, где создана и апробирована система изучения алкоголизма (программа "12 ШАГОВ" в лечебных центрах Флориды и Сиэтла). До недавнего времени отечественные лечебные программы в работе с алкоголиками в основном были нацелены на изоляцию химически зависимых лиц от семьи и периодическое направление в стационар. Семейными же проблемами больных никто не занимался. Существовало упрощенное представление о том, что, если алкоголь выведен из организма больного, то улучшение отношений в его семье – лишь дело времени. Однако и после лечения больного "выздоровление" алкогольной семьи зачастую не происходило. Поэтому появился новый термин – "взаимозависимость" или "ко-алкоголизм", применимый в отношении супругов, детей, взрослых детей алкоголиков. Взаимозависимость – это актуальное состояние членов семьи алкоголика, являющееся реакцией на сам факт присутствия в семье больного и социально-психологических дисфункций, вызванных этим обстоятельством. Это специфическая, закрепившаяся реакция на стресс, которая с течением времени становится образом жизни, а не средством выживания. Одни авторы расценивают этот феномен, как нарушения личности, другие считают его болезнью со свойственными ей закономерностями. Мы склонны рассматривать созависимость как определенное развитие личности [35; 36; 37; 38; 39; 40]. Специалисты считают главной характеристикой созависимости – направленность личности во вне при сла-

бой концентрации на своем "Я". Суть созависимости составляет концентрация эмоционального, психологического и поведенческого состояния личности на проблемах алкоголика и его поведении что приводит созависимого члена семьи к нарушению адаптации и деформации собственных личностных особенностей. Подчеркивается важная роль длительно действующего стресса, вызываемого алкоголизмом у всех членов семьи. Но феномен созависимости достаточно сложен, изменяется от индивида к индивиду и, наконец, плохо изучен. Одной из специфических особенностей самого больного и его близких является отрицание "алкогольной реальности", в которой они живут. Алкогольная семья живет по жестким правилам лжи и запретов, в том числе и запретов на искренность и открытость. Отрицание происходящего в семье носит едва ли не навязчивый характер, проявляясь в поведении алкоголика и всех домочадцев. В семье по умолчанию или по открытой договоренности запрещается даже обсуждение темы алкоголизма, она не обсуждается ни между членами семьи, ни с посторонними. Родственники алкоголика часто «не ведают», что изобретенные ими защитные правила поведения не распространяются на жизнь за пределами алкогольной семьи. Поэтому через семейные правила и модели поведения взаимозависимость переходит на последующие поколения, даже если химическая зависимость от алкоголя не наследуется [41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50].

Алкогольные семьи, являясь дисфункциональными, имеют ряд отличительных особенностей: им свойственно явное и скрытое отвержение членами семьи друг друга; амбивалентность их взаимного восприятия; априорное отрицание проблем, связанных с алкоголизмом; специфические личностные особенности членов семьи. Дисфункциональная семья – это такая семья, в которой все члены не могут иметь условий для своего духовного роста и чувствуют себя дискомфортно. Основные правила, царящие в дисфункциональной семье: отрицание проблем и иллюзии, отсутствие интимности (под интимностью понимается праздник разделения всех чувств, а не только секс), сильное влияние стыда, глубоко осевшего в структуре личности родителей; раз и навсегда закрепленные, замороженные правила и роли; недифференцированность «Я» каждого члена, нарушение границ духовного суверенитета («Если ма-

ма сердится, то сердятся все»); потребности индивида приносятся в жертву потребностям семьи; конфликтные взаимоотношения; «секреты семьи», которые давно перестали быть секретами для кого-либо (например, скрывают алкоголизм одного из членов семьи, хотя об этом давно все знают); склонность к полярности (черно-белое, правый-виноватый и т.д.), семья как закрытая система; абсолютизирование воли (иллюзия, что предпринимаются меры для решения проблемы, все озабочены повышением «силы воли», но чем больше контроля над проблемой, тем меньше она решается). Функциональные границы индивида нарушены, они либо размыты, и каждый член семьи смешивается с другим членом, либо границы отгорожены непроходимыми стенами, каждый живет в своей скорлупе и никто не знает, где кончается личность одного и начинается личность другого. Вместе с тем, специалисты отмечают, что главной особенностью алкогольных семей является насилие, которое предопределяет все характеристики этих семей и, прежде всего, межличностные. Отвержение членов семьи друг другом, особенно родителями детей, отношения власти чаще всего не осмыслены членами семьи, выражаясь в сочетании внешнего внимания и заботы, жесткого контроля и чрезмерной опеки с отсутствием доверительных, эмоциональных контактов, безразличия, эмоциональной холодности, отстраненности членов семьи от внутренней психологической жизни друг друга. Отвержение может проявляться и явно, даже грубо и цинично, в форме издевательств, побоев, физических и сексуальных оскорблений, открытого пренебрежения супругами или родителями своими обязанностями: алкогольная семья – это семья с контрастными правилами: они либо слишком свободны, либо слишком строги. Амбивалентность касается многих сторон жизни семьи. У всех членов алкогольной семьи существует амбивалентность в самопонимании, понимании членов семьи, окружающих людей и событий жизни. В их сознании происходит активное разделение позитивных и негативных образов, что частично является причиной отсутствия целостной картины мира. В понимании членами семьи алкоголика происходит расщепление на образ "идеального" мужа, жены, родителя и тут же происходит девальвация, то есть снижение его оценки и значимости до полного неприятия больного. Жизнь алкогольной семьи характеризуется непостоянством и непредсказуемостью.

Члены семьи активно отрицают алкогольную реальность, стремятся тщательно скрывать неблагополучие своей семьи от посторонних и даже друг от друга, жизнь семьи построена на лжи, и членам семьи порой самим трудно распознать правду [51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58].

Не имея опыта обсуждения проблемы алкогольной зависимости, страшаясь прикоснуться к самой проблематике, дети, подростки и выросшие дети в алкогольной семье часто наивно полагают, что подобные отношения существуют и в других семьях, не осознавая пагубности пережитого ими опыта, связанного с алкоголизмом родителей. Они не подозревают, какие последствия несет этот опыт им в будущем. Отрицание проблемы алкоголизма взрослыми детьми алкоголиков является психологической защитой невротического характера. Вместе с тем, как отмечают различные исследователи, это отрицание имеет различное происхождение и по-разному переживается субъектами. В первом случае оно появляется как реакция на сильные травматические переживания, связанные с явным или скрытым физическим, сексуальным или психологическим насилием, депривацией, фрустрацией потребностей, которые в разной степени, но неизбежно проявляются практически в каждой алкогольной семье. Оставаясь неотраженными адекватно, эти психологические травмы вызывают высокий уровень внутренней напряженности. Напряженность проявляется в выраженной тревоге, в чувстве вины и в склонности к реакциям ярости (прежде всего, в адрес родителя-алкоголика). Во втором случае отрицание выступает в качестве бессознательного средства "проживания" вытесненного, "осознания" его содержания в форме своеобразных "обходных" путей (переедание, склонность к азартным играм, табакокурение или наркомании). В третьем случае взрослые дети алкоголиков стремятся во что бы то ни стало быть похожими на других людей, у которых "все в порядке", они тратят очень много усилий на то, чтобы непременно быть среди лучших из них, достойнее их всех. В этом своем малом отличии или в явном превосходстве дети из алкогольных семей испытывают необходимое для них чувство социальной принадлежности. Но в силу различных обстоятельств и, прежде всего, из-за пережитого опыта воспитания в алкогольной семье, они зачастую оказываются скорее неудачливыми, неуспешными. Они сами причисляют себя к несчастным, у которых не уда-

лась жизнь, чувствуют себя изгоями, отверженными. В качестве средства псевдозащиты от тягостных переживаний они избирают установку на то, что у них "хорошие" родители, что идеальной является и родительская семья в целом.

Представители всех трех групп выходцев из алкогольных семей, как и сами больные алкоголизмом, их супруги и родители, нуждаются в длительной квалифицированной и комплексной социальной и психологической помощи [59; 60; 61; 62; 63; 64].

Для выздоровления от созависимости (а это не менее мучительное состояние, чем алкоголизм) необходимо научить членов семьи распознавать у себя это состояние, установить связь его с опытом детства и опытом совместного проживания с больным алкоголизмом. Происходящее раздвоение линии поведения на внешний контур для публики и внутренний для себя, на сияющий фасад и страдающее ядро личности в отношении коррекции поведения требуют осознания реальных причин подобных способов реакции на стресс.

Т.о., члены семей наркологических больных и их ближайшее окружение представляют группу, особенностями которой являются медицинские проблемы, связанные с личностной реакцией на длительную или острую психотравмирующую ситуацию. У этой группы потребность в медицинской, психологической и социальной помощи актуализируется периодически - в период обострений конфликтов, при этом имеются затруднения в организации помощи таким клиентам, обусловленные, например, их нежеланием социальной огласки. Собственно наркологические проблемы возникают в ситуации "семейного пьянства", в том числе при созависимости. Социальная и психологическая дезадаптация членов семьи обуславливается как тяжестью дезадаптивного поведения больного члена семьи, так и их собственными личностными и микросоциальными проблемами, проявляющимися в их неадекватных реакциях на ситуацию, нарушениями поведения в рамках созависимости или формирования наркологической патологии. Поэтому особенностью работы с данными клиентами является целенаправленная профилактика неадекватного поведения, профилактика развития декомпенсации психического и соматического статуса у членов семьи, ближайшего окружения, организация наркологической и другой помощи, направленной

на оптимизацию личностного и социального статуса членов семьи больного алкоголизмом [65; 66; 67; 68].

Таким образом, очерчивается два круга проблем:

- круг социальных проблем, непосредственно или опосредствованно обусловленных массовое и индивидуальное злоупотребление алкоголем или наркотиками, формирование и течение наркотических заболеваний,

- круг проблем, обусловленных неадекватными в социальном плане отношениями с психоактивными веществами, негативными проявлениями и последствиями собственно наркологической патологии.

В работе с больными алкоголизмом и их родственниками, планирование вмешательства, как в любой сфере социальной работы, основано на **оценке**. Ценности и установки социальных работников по отношению к злоупотреблению алкоголем и наркотиками связаны с признанием социальными работниками того, что их клиенты являются уникальными человеческими существами, имеющими потенциальные возможности развития. В прошлом социальные работники и другие профессионалы социальных служб часто однозначно негативно относились к данной группе клиентов, в результате лицам, злоупотребляющим психоактивными препаратами, и их семьям отказывали в лечении или направляли к менее квалифицированному персоналу. Одной из причин уклонения специалистов от работы с такими клиентами, была фрустрация профессионалов, вызванная тем, что клиенты отрицали злоупотребление, лгали. Сейчас подобное отношение сменилось пониманием того, как и почему люди (не только злоупотребляющие веществами) используют механизмы сопротивления и отрицания.

Еще М. Ричмонд описала алкоголизм как заболевание, которое требует квалифицированной медицинской помощи и внимания со стороны социальных работников. Она предложила заменить термин "виновный" ("правонарушитель") словом "пациент". Новую терминологию она использовала в опроснике, предложенном ею для диагностической оценки клиентов. Основные разделы методики включают наследственность алкоголика, продолжительность злоупотребления алкоголем, причинные факторы, связанные с пьянством (когда, где и т.д.), физическое состояние, лечение, в котором нуждается пациент, описание социальных условий, в кото-

рых он жил: вопросы, касающиеся работы клиента, его домашней и семейной жизни, употребления алкоголя после неудачи в делах или в семейной жизни, применения различных препаратов в сочетании с алкоголем, потребления алкоголя женщинами в процессе ухода за своими детьми [45; 56; 59; 64].

Социальный работник также играет важную роль в решении проблем, связанных со злоупотреблением препаратами. Она принимает участие в исследованиях, направленных на изучение причин, механизмов развития, методов лечения алкоголизма и зависимости от других препаратов. Оценка зависимости включает ряд показателей:

- навязчивые мысли;
- навязчивые эмоции;
- низкая самооценка;
- психологическая зависимость;
- ригидные негативные установки,
- ригидная система оценки;
- галлюцинации,
- бессилие;
- физическая толерантность;
- физическое привыкание;
- нарушение памяти.

При этом, если пациент активно участвует в процессе собственной оценки (вместе с консультантом, членами семьи или с другим связанным с ним человеком), эффективность помощи повышается. Помощь в решении проблем и трудностей больным наркоманиями и их близким остается недостаточно эффективной при трех обстоятельствах:

- 1) если клиент не признал, что он происходит из алкогольной семьи, является алкоголиком сам или является супругом или родителем больного алкоголизмом,

- 2) если следствием этого «непризнания» этого стал выбор психологом неадекватных стратегий воздействий и методического инструментария и

- 3) сам факт неотнесения себя к данной категории лиц, отрицания "алкогольной реальности" есть признак явной неготовности клиента к получению психологической помощи, несформированности его мотивации к действительному решению проблем, связанных с алкогольной зависимостью и созависимостью.

В современных программах люди, близкие человеку с проблемами биологического привыкания, привлекаются и к процессу оценивания, и к лечению практически всегда. Поскольку все

члены семьи испытывают влияние и даже невольно поощряют злоупотребление каким-либо веществом одним из членов семьи, современные программы требуют участия всей семьи. При оценке и определении программы вмешательства социальный работник должен установить:

- насколько серьезно злоупотребление алкоголем или другими веществами у данного клиента,
- в какой степени оно опасно для клиента или для других людей.

Прослеживание континуума поведения, связанного с зависимостью и злоупотреблением психоактивными веществами, помогает выработать план вмешательства.

Следующим шагом после оценки ситуации является **планирование вмешательства** – способ решения проблемы. Поскольку проблема, человек и его жизненная ситуация уникальны, вмешательство должно носить творческий характер. Важно решить:

- какова цель, на которую направлены действия социального работника?
- должен ли он сосредоточить свое внимание на супруге алкоголика, потому что она (или он) обращается за помощью?
- является ли человек, активно злоупотребляющий алкоголем, собственно "клиентом"?
- может быть, "клиентом" следует считать семью?

Социальный работник обычно выбирает подход, соответствующий его знаниям и навыкам, и приемлемый для клиента.

Из наиболее известных моделей помощи можно выделить три наметившихся в течение последних десятилетий наиболее эффективных подходов к вмешательству:

- инсайт-ориентированный подход;
- поведенческие подходы;
- подходы, основанные на самопомощи.
- При инсайт-ориентированном вмешательстве социальный работник взаимодействует с индивидами, семьями, супружескими парами или группами. Этот подход помогает клиенту понять суть проблемы, повседневных решений, способствующих сохранению или разрешению проблемы.
- Поведенческие подходы основаны на изменении угрожающего поведения или на поощрении позитивного поведения.
- Подходы, основанные на самопомощи, обычно предполагают наличие групп людей со

сходными проблемами использующих свои знания для помощи друг другу.

Социальный работник разрабатывает планы вмешательства, основанные на тщательной оценке индивидуальности клиента и его жизненной ситуации. При этом принимаются во внимание многие факторы: возраст, этническая принадлежность, пол, наличие других средств поддержки, отношение клиента к изменению.

Медико-социальная помощь рассматривается как вид мультидисциплинарной профессиональной деятельности медицинского, психолого-педагогического и социально-правового характера, направленной на восстановление, сохранение и укрепление психологического, социального и физического здоровья различных групп населения. Медико-социальная работа предполагает осуществление системных медико-социальных воздействий на самых ранних этапах развития болезненных процессов и социальной дезадаптации, потенциально ведущих к тяжелым осложнениям, физической, психологической или социальной инвалидизации, летальному исходу. Таким образом, она имеет выраженную реабилитационную и профилактическую направленность.

Поэтому медико-социальную работу можно делить на два направления: **профилактическое и патогенетическое**.

♦ Медико-социальная работа профилактической направленности включает выполнение мероприятий по предупреждению социально-зависимых нарушений соматического, психического и репродуктивного здоровья; формирование установок на здоровый образ жизни, обеспечение доступа к информации по вопросам здоровья, участие в разработке целевых программ медико-социальной помощи на различных уровнях, социальное администрирование, обеспечение социальной защиты прав граждан в вопросах охраны здоровья и др.

♦ Медико-социальная работа патогенетической направленности включает мероприятия по организации медико-социальной помощи; проведение медико-социальной экспертизы; осуществление медицинской, социальной и профессиональной реабилитации инвалидов; проведение социальной работы в отдельных областях медицины и здравоохранения, проведение коррекции психического статуса клиента, создание реабилитационной социально-бытовой инфраструктуры, обеспечение успешного межпрофессионального взаимодействия специали-

стов смежных профессий и др.

Объектом медико-социальной работы являются различные контингенты лиц, имеющих выраженные медицинские, социальные и психологические проблемы, взаимно усиливающие друг друга, решение которых невозможно или сложно в рамках одной только социальной, психологической или медицинской помощи. Речь идет о том, что работа с такими контингентами малоэффективна в отдельности как для медицинских работников, так и для специалистов учреждений социального обслуживания: они неизбежно оказываются перед кругом проблем, выходящих за рамки их профессиональной компетенции. К таким контингентам относятся больные алкоголизмом и наркоманиями, длительно, часто и тяжело болеющие, социально дезадаптированные лица, инвалиды, многодетные и асоциальные семьи, одинокие престарелые, дети-сироты, юные матери, пострадавшие от стихийных бедствий, больные СПИДом и др., численность которых устойчиво возрастает на протяжении последних лет.

Для создания наиболее эффективных технологий медико-социальной работы необходимо:

- ♦ выделить наиболее однородные группы клиентов (например, группа повышенного риска, члены семьи клиента и ближайшее окружение, длительно и тяжело болеющие, инвалиды и др.),

- ♦ в работе с каждой из выделенных групп важно учитывать два описанных направления медико-социальной работы - профилактическое и патогенетическое. Такой подход позволяет на основе единых методических принципов учесть специфику профессиональной медико-социальной работы с конкретными группами людей специалистами различного профиля в системе социальной защиты населения.

Социальные работники вместе с другими профессионалами работают в учреждениях, занимающихся проблемами злоупотребления различными веществами. Другие профессионалы заняты лечением и предупреждением этих злоупотреблений. Среди них консультанты по вопросам алкоголизма, медицинские сестры, врачи, психологи, трудотерапевты, диетврачи. Консультантами по вопросам алкоголизма часто становятся люди, сами избавившиеся от алкоголизма или привыкания к препаратам (или от того и другого), обученные навыкам работы с другими людьми. Часто они имеют сертификат, подтверждающий их квалификацию.

Комплексная психокоррекционная работа, включает групповой и индивидуальный тренинг социальных и коммуникативных навыков, личностно-ориентированная психотерапия, психическая саморегуляция, самовоспитание, вовлечение в благополучную социальную микросреду или помощь в изменении имеющейся микросреды, выявление окружающего неблагополучного контингента и его оздоровление, например, в процессе семейной психотерапии и т.д..

Индивидуальное консультирование помогает клиентам справиться со своими повседневными проблемами и принять решение. Работая с госпитализированными пациентами, проходящими дезинтоксикацию, социальный работник должен помочь в плане принятия решений. Вмешательство наиболее эффективно, если клиент со своими потенциальными возможностями активно включен в процесс. Фокус вмешательства зависит от данных оценки, но вмешательство всегда направлено на то, чтобы помочь клиенту справиться с проблемами повседневной жизни, не прибегая к привычному для него пьянству.

Индивидуальная и семейная психотерапия часто являются эффективным дополнением к индивидуальному консультированию. Семейное, или супружеское консультирование предполагает, что социальный работник хорошо знает семейную динамику, проблемы привыкания. Для такого комплексного вмешательства требуется опытный практик, имеющий значительный опыт или клиническую подготовку.

Поставить заслон распространению наркомании через семью – такую цель ставит программа **групповой психопрофилактики**, что помогает объединить усилия семьи и общественные усилия, вести профилактику в комплексе. В программе групповой психопрофилактики членов семей, имеющих наркозависимых подростков выделяются такие задачи:

- изменить отношение к наркомании и алкоголизму как к семейной болезни через личный духовный рост и приобретение новых поведенческих стереотипов;

- создать возможность объединения в товарищество с единой целью – борьбы за своих близких, преодолеть чувство беспомощности, вызванное отношениями с наркозависимыми, больными алкоголизмом,

- помочь сформировать психологическую защиту от стрессов; получить навыки здорового образа жизни,

– включить наркозависимых членов семьи к формированию активной позиции в самопомощи и социальной адаптации.

Еще один вид работы – **групповые встречи**. Группы клиентов, злоупотребляющих различными веществами, стали популярными благодаря анонимным алкоголикам и наркоманам. Хотя эмпирические исследования не показали преимущества группового лечения перед другими формами вмешательства, практический опыт свидетельствует, что этот метод эффективен. Его преимущества заключаются в следующем:

1. Отрицание алкогольной зависимости или зависимости от препаратов менее возможно в группе благодаря тому, что стимулируется самосознание и члены группы делятся переживаниями.

2. В групповой дискуссии часты упоминания о последствиях пьянства или потребления препаратов, это способствует повышению готовности к лечению.

3. Члены группы быстро замечают манипулирование другими ее членами.

4. Члены группы могут вступать в конфронтацию друг с другом в аутентичной манере, так как это соответствует их собственному опыту.

5. В группе человеку легче поделиться своими интенсивными эмоциями, так как она предлагает сильную эмоциональную поддержку этому процессу.

6. Лица, испытывающие биологическую зависимость, идут на риск выражения своих чувств.

По мере того, как участники группы учатся доверять другим, они приобретают умение принимать свои собственные болезненные, сложные чувства, связанные с потреблением алкоголя или других препаратов; достижение такого уровня самосознания является важным фактором развития самоконтроля.

Несмотря на преимущества группового вмешательства, групповые формы не являются универсальным методом помощи всем больным, испытывающим биологическую зависимость. Клиенты, которым рекомендуется групповая психотерапия, должны быть толерантными к интенсивному, эмоционально насыщенному групповому процессу.

Группы самопомощи, появившиеся в современном обществе, преследовали разные цели, такие как потери веса, предупреждение суицида, выздоровление после операции по поводу

рака, общественная деятельность. Наиболее известная организация самопомощи – это "анонимные алкоголики". Обычно группы самопомощи включают людей, имеющих одинаковые проблемы и собирающихся вместе для взаимной помощи. До недавнего времени большинство групп самопомощи избегало включения профессионалов в группу. С недавнего времени к структурированию группы стали привлекаться профессионалы, которые консультировали по вопросам планирования групповых занятий, оказывали помощь члену группы, испытывающему состояние кризиса. Социальные работники являются консультантами групп самопомощи. После многих лет антипатии, существовавшей между профессиональными организациями и такими организациями, как Анонимные Алкоголики, социальные работники и другие специалисты признают значение групп самопомощи, используя участие в них в сочетании с другими формами работы. Для лиц, испытывающих биологическую зависимость, полезны группы самопомощи (например. Анонимные Алкоголики), особенно в течение первого года после госпитализации и дезинтоксикации.

Особое место занимает помощь, связанная с решением проблем определения и помощи в ситуации трудоспособности и инвалидности, восстановление профессиональной квалификации, содействие переквалификации, изменение режима и характера труда, содействие в получении пенсий, социальных пособий и выплат, содействие в решении жилищных проблем, включая помещение в специальные общежития, интернаты, исследования потенциально угрожающих проблем социального, психологического, правового и др. характера, поиске способов их предупреждения и разрешения, содействие включению в работу терапевтических сообществ, содействие в проведении наркологического лечения и реабилитации в условиях, оптимизирующих социальный статус (терапевтические сообщества, группы взаимопомощи), комплексная оценка социального статуса.

Правовая помощь наряду с юридическим консультированием направлена на предупреждение общественно-опасных действий, взаимодействие с правоохранительными органами и др., участие социального работника в определении дееспособности, в возможной опеке и попечительстве, контакт с правоохранительными органами, содействие в осуществлении родительских функций, при необходимости кон-

троль за соблюдением режима административного надзора.

Отдельная сфера деятельности – **работа, направленная на изменение в организации или обществе**. Деятельность социальных работников общего профиля часто направлена на организационные изменения, а не на индивида или группу. Социальные работники, практикующие в колледжах и университетах, иногда помогают создать группы поддержки для студентов, профессорско-преподавательского состава, других сотрудников, испытывающих биологическую зависимость. Следствием организационных изменений может быть создание новых или усовершенствование существующих лечебных программ, разработка профилактических процедур. В качестве консультантов социальные работники помогают бизнесменам, промышленным корпорациям, объединениям в плане разработки программ помощи служащим злоупотребляющим химическими веществами. Во многих больницах и центрах здравоохранения штат социальных работников реализует программы помощи служащим. В реабилитационных центрах, занимающихся больными алкоголизмом и лицами, злоупотребляющими различными препаратами, социальные работники стремятся придать гуманный характер проводимым мероприятиям и процедурам. Социальные работники также предлагают образовательные программы, помогающие другим сотрудникам реабилитационных центров лучше понять и удовлетворить запросы клиентов, их семей и общества. Кроме индивидов, семей, групп, организаций, объектам вмешательства социальных работников часто становится общество. Злоупотребление алкоголем и другими препаратами связано с вопросами образования. Некоторые социальные работники проводят семинары и обмен информацией в локальных общественных центрах, в церкви или в школах, распространяют информационные материалы, предназначенные для предупреждения злоупотребления алкоголем и другими препаратами.

В технологиях медико-социальной работы с наркологическими больными специалистами выделяются также **профилактические, лечебные и специализированные программы**.

♦ Профилактические программы направлены на предупреждение потребления алкоголя и(или) наркотиков, а также злоупотребления ими. Они более широко нацелены на предупреждение любых форм отклоняющегося поведения.

Мишенями психосоциального и медико-социального воздействия будут в основном контингенты детей и подростков как в целом, так и те составляющие их группы, в которых выражен риск приобщения к приему психоактивных веществ. Под группами риска подразумеваются дети, с отягощенной наследственностью, дети, которые растут в неблагополучных, дисфункциональных семьях; воспитываются в семьях с наличием лиц, злоупотребляющих алкоголем или больных алкоголизмом или наркоманией; отягощены в органическом, личностном, поведенческом плане, в том числе недостаточные в умственном и эмоциональном планах, отстающие в своевременном личностном и социальном развитии. Работа с группами риска ведется в учебных заведениях, специализированных учреждениях и т.д.

♦ Лечебные программы включают программы, предусматривающие раннее выявление и направление на лечение больных с той или иной наркологической проблематикой. Центральное место здесь занимают собственно терапевтические программы, решающие задачи оказания больным лечебной помощи, удержания их в режиме трезвости, отказа от приема наркотиков (т.е. в ремиссии), проведения мер вторичной и третичной профилактики – восстановления физического, личностного и социального статуса больных. Сюда же входят программы, в рамках которых осуществляется социально-психологическая помощь членам семей и близким клиентов. Корректируется их личностный, семейный и трудовой статус. В том числе – в рамках программ "помощи на рабочих местах" - непосредственно на предприятиях, в учреждениях, организациях и т.п.

♦ Программы реабилитации, реадaptации, ресоциализации наркологических больных направлены на преодоление разрывов и противоречий между личностью и обществом. Бывший больной интегрируется в макро- и микросоциум - максимально адекватно его индивидуальным особенностям, склонностям, возможностям, с учетом особенностей его семейного и трудового опыта, отношений данной группы, общности, социально-экономической ситуации в ней. В сети учреждений социального обслуживания, деятельность которых направлена на помощь в профилактике и решении наркологических проблем в России осуществляются:

1. Лечебно-диагностическая и психокоррекционная помощь детям и подросткам и их семьям

ям; выявление источников и причин социальной дезадаптации несовершеннолетних; профилактическая работа по предупреждению пьянства, алкоголизма, наркомании среди детей и подростков.

2. Разработка и обеспечение реализации индивидуальных программ социальной реабилитации детей и подростков, включающих профессионально-трудовой, учебно-познавательный, социокультурный, физкультурно-оздоровительный и иные компоненты; подготовка рекомендаций и осуществление взаимодействия с семьями дезадаптированных детей и подростков для обеспечения непрерывности коррекционно-реабилитационных мероприятий с ними в домашних условиях; взаимодействие с заинтересованными ведомствами в решении дальнейшей судьбы несовершеннолетних.

Помимо формальной, государственной помощи, признанной формой лечения больных, особенно за рубежом, являются группы самопомощи.

Общество анонимных алкоголиков (АА) основано в 1935 г. Затем было создано много других групп самопомощи - не только для алкоголиков, но и для лиц, страдающих от других форм дистресса: охваченных горем родителей умерших детей, больных раком, людей с повышенным весом. В 1939 г. выпущена книга "Анонимные алкоголики", которая известна также под названием "Большая книга", в которой предлагается 12 шагов, которые должен сделать человек, желающий бросить пить. Члены общества должны публично признать, что они бессильны перед алкоголем. Они должны верить в Бога или в некую высшую силу, которая управляет их жизнью. Это осознание требует, чтобы человек признал свою вину перед собой и перед другими за совершенные в про-

шлом ошибки.

Общество АА развивалось как малоструктурированная организация, оно основывалось на понятии "товарищества". Эта организация была "непрофессиональной". Социальные работники, как и представители других профессий, могли быть членами группы, но они не могли участвовать в работе групп в качестве профессионалов. Позднее возникли программы Al-Anon и Al-Atcen. Они ведут свое происхождение от программы АА, используют программу АА и разделяют ее философию, но в административном отношении не являются ее частью. Члены Al-Anon – это друзья и родственники алкоголиков, которым группы помогают справиться с повседневными жизненными проблемами и с заботами об алкоголиках. Al-Atcen группы возникли для того, чтобы оказать помощь детям алкоголиков. Эти могут быть полезными для некоторых клиентов социальных работников. Существуют также группы взаимной помощи для профессионалов.

Общество анонимных наркоманов (АН) представлено группами самопомощи, структурированными наподобие АА и использующими те же самые принципы, включая 12 шагов. Любой человек может прийти на открытые занятия группы, где участники обычно рассказывают свою историю возникновения зависимости, говорят о том, как они научились жить без препаратов.

Таким образом, форм помощи больным алкоголизмом и их семьям многочисленны, однако, все они обращены к необходимости выбора: ценностей и целей жизни. Зависимость как отказ от решения, от принятия собственного выбора – одна из основ алкогольной зависимости и созависимости.

Список литературы

1. Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А. Зависимость типа привязанности ребенка к взрослому от особенностей их взаимодействия (в семье и Доме ребенка) // Психологический журнал. 1999. № 1. – С. 35-46.
2. Алкоголизм: проблема и борьба / Сост. И.В. Стрельчук. – Знание, 1990, №9, вып. 4. – 64 с.
3. Белокрылова М.Ф., Семке В.Я. Привязанность. Зависимость. Симбиоз. – Томск: ТГМУ, 2001. – 104 с.
4. Гарифуллин Р.Р. Кодирование личности от алкогольной и наркотической зависимости. Манипуляции в психотерапии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 251 с.
5. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования – СПб.: Речь, 2004. – 368 с.
6. Казанцева Т.В. Исследование психологической близости в теории привязанности. // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 4. – С. 94-98.

7. Казанцева Т.В. Привязанность и помогающее поведение // Психология и мораль / Сост.и науч. ред. В.Н. Куницына. – СПб.: Речь, 2004.– С. 152-159.
8. Калмыкова С., Падун М.А. и др. Взаимосвязь типа привязанности и признаков посттравматического стресса (сообщение 2) // Психологический журнал. 2002. №6.– С. 89-97.
9. Макушина О.П. Причины психологической зависимости от родителей в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2002. №5.– С. 135-143.
10. Либермайстер С.Р. Корни любви. Семейные расстановки – от зависимости к свободе. – С.-Пб: "Весь", 2008. – 384 с.
11. О'Нил. Автономия: зависимость и независимость // Мораль и рациональность. М.,1995. – С. 119-135.
12. Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. – М.: Когито-Центр. 2006 . – 310 с.
13. Эйнсворт М. Д. С. Объектные отношения, зависимость и привязанность: теоретический обзор проблемы взаимосвязи мать-младенец // Психология привязанности: Тексты/ Сост. и перев. М.Л. Мельниковой; Под ред. С.Ф. Сироткина. Ижевск: ИЖГУ, 2005. – С. 37-129.
14. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. – М.: Класс, 2002. – 340 с.
15. Шорохова О.А. Жизненные ловушки: зависимости и созависимости. – СПб.: Речь, 2002. – 136 с.
16. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1994. – 220 с.
17. Бородин Ю.С., Грекова Т.И. Алкоголизм. Причины, следствия, профилактика. – Л.: Наука, 1987. – 158 с.
18. Братусь Б. С. Актуальные проблемы психологического изучения и коррекции алкоголизма. // Психол. журнал, том 8, 1987, №2. – С. 61-63.
19. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. Записки детского психиатра. -М.: Просвещение, – 1988. – 208 с.
20. Валентик Ю.В., Зыков О.В., Мартыненко А.В., Цетлин М.Г. Теория и практика медико-социальной работы в наркологии. – М.: Учрежд. «Центр программно-технич. управл. Федер. системы информ. обеспеч. молодежи», 1996. – С. 23-26.
21. Гузиков Б.М., Зобнев В.М., Мейроян А.А., Рыбакова Г.Г. Групповая и семейная психотерапия при алкоголизме. – М, 1987. – 130 с.
22. Гузиков Б.М., Мейроян А.А. Алкоголизм у женщин. – Л.: Медицина 1988. – 224 с.
23. Гуманистический подход к охране здоровья./ Отв. ред. Н. Берковитц. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 254 с.
24. Иванец Н.Н., Валентин Ю.В. Алкоголизм. – М.: Наука, 1988. – 174 с
25. Лебедев Б.А., Дунаевский В.В. Алкоголь и семьи. – Л., Медицина, 1986. – 128 с.
26. Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм (социально- гигиенический аспект). – М., Медицина, 1987. – 263 с.
27. Маслова Т.Ф. Технологии социальной работы. – Ставрополь: СКГТУ,2001. – 72 с.
28. Лекции по технологии социальной работы. /Под ред. Е.И.Холостовой. Часть 2. – М.: СГИ, 1998. – 140 с.
29. Москаленко В.Д. Дети в алкогольной семье //Семья и школа. 1991, № 8. – С.34-36.
30. Москаленко В.Д. Жены больных алкоголизмом //Вопросы психологии. – 1991, №5. – С. 91-97.
31. Москаленко В.Д. Ребёнок в алкогольной семье - психологический портрет. // Вопросы психологии, 1991, №4. – С.65-70.
32. Понизовский А.М., Ротенберг В.С. Психологические механизмы зависимых отношений и методы их психотерапевтической коррекции. // Психол. журнал, том 8, 1987, №2. – С.58-62.
33. Саппс С.М., Уэллс К. Опыт социальной работы. – М.: ИСР АРСС, 1994. – 144 с.
34. Смит Э.У. Внуки алкоголиков. Проблемы взаимозависимости в семье -М.: Просвещение. – 1991. – 127 с.
35. Ташёва А.И. Насилие в современной американской семье //Толерантность и терпимость против насилия в обществе и семье. – М., 1995. – С.111-116.
36. Черносвитов Е.В. Социальная медицина. – М.: ГИЦ «Владос», МГСУ, 2000. – 304 с.
37. Аверин А. П. Социальная защита отдельных категорий населения. – М.: Изд-во РАГС, 2011. – 116 с.
38. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1994. – 220 с.

39. Власова Н., Снурникова Н., Хольмберг Б. Сеть социальных контактов: Мобилизация социального окружения детей и семей в кризисной ситуации. – М.: Стокгольмский Университет, ГУ СРЦ «Отрадное», 2005. – 50 с.
40. Капська А.Й. Соціальна робота: технологічний аспект. – К.: Центр навчальної літератури, 2004. – 352 с.
41. Козлов А.А. Социальная работа за рубежом: состояние тенденции, перспективы. – М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998. – 224 с.
42. Ламбаева И.А. Социальная работа за рубежом. Учебное пособие. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2000. – 110 с.
43. Минигалиева М.Р. Практическая подготовка психосоциального работника. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 508 с.
44. Николаев В.Н. БезОтцовщина. – М.: СофтИздат, 2009. – 200 с.
45. Павленок П.Д. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. – М.: Инфра-М, 2009. – 379 с.
46. Павленок П.Д., Руднева М.Я. Технологии социальной работы с различными группами населения. Учебное пособие / Под ред. П.Д. Павленка. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 272 с.
47. Поддубная Т.Н. Социальная защита детства в России и за рубежом. – М.: Академия, 2008. – 319 с.
48. Потапова И.А., Джумагалиева Г.Р. Волонтерское движение: прошлое и настоящее. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 68 с.
49. Пэйн М. Социальная работа : современная теория / Под ред. Дж. Камплинга, И.В. Наместникова. – М.: Академия, 2007. – 392 с.
50. Соколова Т.Б. Технология социальной работы. Сборник лекций. – Хабаровск: ДВГУПС, 2012. – 89 с.
51. Социальная работа за рубежом: Учебное пособие / Сост. Е.С. Новак, Е.Г. Лозовская, М.А. Кузнецова; Под общ. ред. Е.С. Новак. - Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. - 172 с.
52. Социальное обслуживание населения и социальная работа зарубежом / Сост. А.М. Панов. - М.: Институт социальной работы, 2004.- 230с.
53. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: учеб. пособие/ Под ред. П.Д.Павленка – М.: Дашков и К, 2007. – 607с.
54. Технология социальной работы / Под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононовой. – М.: «Дашков и К», 2013. – 478 с.
55. Филатов В. А. и др. Технология социальной работы. – Омск: ГТУ, 2008. – 124 с.
56. Фирсов М.В. Технология социальной работы. – М.: Академический Проект, 2007. – 432 с.
57. Холостова Е. И. Дашкина А.Н., Малофеев И. В. Зарубежный опыт социальной работы. – М.: Дашков и Ко, 2012. – 365 с.
58. Холостова, Е.И. Социальная работа: история, теория и практика. – М.: Юрайт, 2012. – 906 с.
59. Чернецкая А.А. Технология социальной работы. Учебник. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 400 с.
60. Шахрай В.М. Технології соціальної роботи. – К.: Центр навчальної літератури, 2006. – 464 с.
61. Шевцов А.В., Глубокова Е.Н., Кошелева А.Н. и др. Технология волонтерской деятельности в социальной сфере / Под общ. ред. С.Н. Малявина. – СПб.: ФСН РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – 236 с.
62. Шихирев Н.Н. От терапии личности к терапии социальной среды: эволюция подходов к решению проблемы алкоголизма в США. // Психол. журнал, том 8, 1987, №5. – С.58-62

Российский государственный социальный университет, Москва

УДК 371.1

В.Г. Косушкин, В.Б. Королёв, С.И. Кривов
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

Рассмотрены пути повышения эффективности университетов, такие как обновление материальной базы, повышение качества методического и информационного обеспечения учебного процесса, совершенствование управления вузом. Рассмотрена ситуация, выделены основные проблемы и современные вызовы российской системы образования.

На примере работы Калужского государственного университета рассмотрены пути повышения эффективности работы такие как: эффективный контракт с преподавателем, организация прикладного бакалавриата, реализация программ прикладных квалификаций, обеспечение прозрачности работы учреждения, независимая государственная аттестация, образовательные кредиты, конкуренция вузов при распределении государственного задания.

Ключевые слова: университет, эффективность, стратегическое планирование.

Два года назад Калужский государственный университет им. Циолковского по результатам мониторинга был признан вузом с признаками неэффективности. Этот факт стал тяжёлым испытанием для коллектива университета, хотя большинство сотрудников было согласно с результатами объективного анализа. Причины потери конкурентоспособности были очевидны – снижением качества подготовки специалистов за счёт медленной адаптации всех участников образовательного процесса к новым реалиям, обусловленным рыночной экономикой. Сюда можно отнести старение материальной базы вуза и преподавательского состава, низкий уровень управления, снижение качества подготовки абитуриентов. Проблемы характерны не только для нашего университета, но и большинства вузов России.

Некоторые пути решения проблемы повышения эффективности были очевидны – обновление материальной базы, повышение качества методического и информационного обеспечения учебного процесса, совершенствование менеджмента. Для разработки конкретных планов вывода вуза на устойчивое развитие были использованы основные положения стратегии развития образования, предложенной министерством образования и науки Российской Федерации. Особое внимание было обращено на аспекты, являющиеся не частными проблемами вуза, а имеющие системный характер для образовательной системы России в целом.

1. Анализ ситуации, проблемы и вызовы

В аналитической части стратегии [1] определено, что наша страна – один из мировых лидеров по охвату населения профессиональ-

ным образованием (к нему относят программы начального, среднего и высшего профессионального образования). В последние 15-20 лет молодёжь в первую очередь ориентирована на получение высшего образования.

Можно констатировать, что система высшего образования крайне неоднородна. В 14% гражданских государственных вузов средние баллы ЕГЭ у зачисленных на бюджетные места очной формы были не выше границы «тройки» по пятибалльной шкале. В 56% вузов – не выше четверки с минусом. В КГУ им. Циолковского из-за демографического спада брали практически всех – некоторые студенты имели оценку по сумме баллов чуть выше ста по трём профильным дисциплинам.

Условный рейтинг образовательных программ по оценкам уровня подготовки выпускников практически совпадал с рейтингом подготовки контингента поступающих. В частности, по данным социологических обследований, доля работодателей, оценивающих уровень подготовки выпускников профессиональных училищ не более, чем на 3 балла по 5-балльной системе, составляет 64%, колледжей – 42%, вузов – 39%. Калужский государственный университет вырос на основе педагогического университета, поэтому новые направления подготовки, отвечающие университетскому статусу формировались с большими трудностями.

Проблемы

Известно, что по совокупным расходам на одного учащегося в системе третичного образования наша страна находится на уровне развивающихся стран, входящих в ОЭСР: около \$8,1 тыс. по ППС в расчете на 1 студента при-

веденного контингента. Система профессионального образования недофинансирована на 1% ВВП (сейчас бюджет обеспечивает 1% ВВП финансирования, 0,5% ВВП – частные средства).

Можно выделить две группы причин, объясняющих *массовый спрос на высшее образование*: в первую очередь, это «исторические» причины, связанные с особенностями развития страны в последние два десятилетия, и во вторую – текущая экономическая ситуация. «Исторические» причины связаны с малодоступностью высшего образования в советское время и его либерализацией в последние десятилетия. Так, в Советском Союзе высшее образование было относительно малодоступным. К концу его существования в вузы, по данным Госкомстата СССР, поступало менее 25% молодежи. Между тем, ведущие ученые, научные работники и преподаватели вузов были примером, «историей успеха» для довольно значительной численности зачисленных на бюджетные и коммерческие места соответственно). Поэтому, когда в 1992 году закон «Об образовании» либерализовал отношения в системе профессионального образования и позволил образовательным учреждениям оказывать платные образовательные услуги, численность студентов вузов начала увеличиваться [1].

К 2000 году по сравнению с 1990 г. численность студентов вузов увеличилась на 67,8%, к концу 2000-х – более чем в два раза. В Калужской области в советское время был один федеральный вуз и три больших филиала столичных вузов, в начале 2000-х число филиалов превысило три десятка. Однако численность студентов на бюджетных местах возростала существенно более медленными темпами: к 2000 году всего на 15,8%, и этот прирост во многом был обусловлен увеличением численности молодежи в возрасте 17-19 лет. Таким образом, массовое высшее образование появилось в результате роста спроса на платные программы обучения, прежде всего со стороны тех семей, дети которых в советское время вряд ли бы получили высшее образование, подавляющее большинство которых не проходили по конкурсу на бюджетные места.

Как спрос на высшее образование связан с текущей экономической ситуацией? На протяжении всего постсоветского периода мы видели *рост премии за высшее образование* (отношение зарплат выпускников вузов к зарплаткам лиц с образованием не выше среднего (полного) общего, т. е. школьного), *кото-*

рая к концу 2000 годов превысила таковую во многих развитых странах. При этом заработки работников с начальным профессиональным образованием статистически не отличались от зарплаток лиц с образованием не выше школьного, т. е. *премия за НПО оказывается нулевой. Премия за среднее профессиональное образование значительно ниже, чем премия за высшее образование.* В ситуации, когда подавляющее большинство выпускников школы поступает в вузы, отсутствие высшего образования – значимый негативный сигнал о работнике для работодателя [2].

Приоритет высшего образования обусловлен двумя факторами. Состояние общеобразовательной школы не отвечает растущим запросам «взрослой» жизни. *Первые два года российских программ высшего образования обеспечивают общесоциальные компетенции (иностранный язык, коммуникационные и координационные навыки, основы экономики и права), которые в других странах даются в старшей школе.* Дополнительный фактор – стремление семей обеспечить обучение ребенка в наиболее сильной среде (качественный состав обучающихся в вузах «поднимает» студентов, а в НПО и СПО – чаще всего, «опускает»).

Есть значительные проблемы и в самой системе высшего образования:

Жесткая структура государственных вузов и образовательных программ, сохранившаяся практически в неизменном виде со времен плановой экономики с исключительно дробными, узкоспециальными программами подготовки. Последние 20 лет система работает по инерции, госзадание выдается на обучение узких специалистов по технологиям, практически ушедшим с рынка. По многим специальностям платежеспособный спрос на специалистов на рынке труда отсутствует вовсе.

Низкая мотивация студентов. К третьему курсу не имеет работы или подработки менее трети студентов очной формы обучения. Бюджетные места во многих вузах, образовательные программы которых не пользующиеся спросом, заполняются любыми выпускниками школ независимо от их уровня подготовки. Около трети студентов очного обучения на бюджетных местах и более 40% на коммерческих местах имеют по ЕГЭ тройку по профильным предметам, по ряду технологических направлений – более 80% студентов. С большой вероятностью такие студенты не смогут освоить сложные профессиональные компе-

тенции инженеров и технологов. Всего чуть более половины студентов очной формы мотивированы в первую очередь получением знаний, профессиональных компетенций, а не формального диплома о высшем образовании.

«Высшее образование для бедных». Низкое качество подавляющего большинства платных образовательных программ (особенно заочных), обусловленное **ценовым демпингом** при недостаточном контроле качества подготовки.

Неудовлетворительное качество преподавательского состава вузов. Средняя заработная плата составила в 2010 году чуть более 20 тыс. руб. в месяц (около 40% от необходимого уровня), только 16% преподавателей на постоянной основе участвует в научной работе. Две трети вузовских преподавателей подрабатывают, только 38% владеет иностранными языками. Фактически основная часть вузов прекратила быть «фабриками инноваций и инноваторов». Система высшего образования непрозрачна для потребителей и государства. Отсутствует информация о «человеческом капитале» выпускников (карьере и доходах), что не позволяет абитуриентам и работодателям делать обоснованный выбор.

Возникла и углубляется диспропорция на рынке труда. Квалифицированные рабочие стали дефицитом, при этом система образования не может «поставить» на рынок необходимых работников. С другой стороны, **растет «навес людей с дипломом о высшем образовании».** Это выпускники с развитыми социальными навыками и большими запросами, но низким профессиональным уровнем. Они предъявляют высокие требования к уровню ожидаемого вознаграждения и качеству рабочего места (отсутствие ручного и монотонного труда, высокая доля коммуникации, гибкий график). Но число таких рабочих мест составляет в экономике России не больше 30% и не может вырасти за 10 лет больше, чем на 10-12 п. п. даже в самом благоприятном сценарии.

Значительное количество работодателей (особенно крупных) настаивают на **пересмотре нормативов, регулирующих форматы профессиональной подготовки и повышения квалификации.**

В целом, в отношении т. н. непрерывного образования (life long learning) Россия по доле обучающихся отстает от большинства развитых стран, но уровень распространения непрерывного образования коррелирует с производительностью труда. Например, Швейцария, Швеция и Финляндия (лидеры по ДПО) —

имеют производительность на уровне 110–120 % от среднеевропейской. Страны-аутсайдеры — Болгария, Румыния — наоборот, низкую (от 30 до 40 % от среднеевропейской, уступая по этому показателю России). Разумеется, эти данные не позволяют однозначно утверждать о наличии прямого влияния дополнительного образования на производительность труда, однако само наличие связи не может быть проигнорировано в процессе определения задач образовательной политики.

Для достижения среднего по странам ОЭСР уровня включенности граждан в непрерывное образование общая численность лиц, ежегодно проходящих повышение квалификации и профессиональную переподготовку, должна составлять не менее 15 млн человек (20—25 % занятого населения РФ), а для выхода на показатели лучших по развитию непрерывного образования стран — свыше 25 млн человек. В настоящий момент численность составляет не более 5 млн человек. Аналогичные соотношения характерны и для Калужской области, население которой чуть выше миллиона человек.

Показателен факт, что по результатам социологических опросов доля взрослых, проходящих обучение в компаниях по подбору персонала, выше, чем доля проходящих обучение в государственной службе занятости. Это указывает на достаточно высокую активность частного бизнеса в сфере предоставления услуг содействия трудоустройству и обучению взрослых. По данным проведенных ГУ-ВШЭ социологических опросов, свыше 95% обучения взрослых связано с их трудовой деятельностью. Из приведенных данных следует, что сегмент общеразвивающего обучения взрослых в РФ в настоящее время практически не представлен.

В ряде стран вступление в трудовую жизнь часто происходит после завершения учебы, в то время, как в других странах учеба и работа часто совмещаются. Программы учебы-работы, довольно распространенные в европейских странах, представляют собой хорошо структурированные пути профессионального обучения, дающие общепризнанную профессиональную квалификацию. Переход РФ на уровневые программы в высшем образовании и возможное внедрение программ «прикладного бакалавриата» может дать студентам большие возможности для чередования работы и обучения, больше свободы выбора графика квалификационного роста, постепенно сформировать в массовом сознании **философию**

обучения на протяжении всей жизни. Это особенно актуально с учетом сложившегося «навеса высшего образования» и наличия значительной группы молодежи, имеющей дипломы о высшем образовании, но не имеющей профессиональных навыков.

При сохранении существующей структуры и институтов можно прогнозировать *расхождение между формальной системой образования и практическим поведением ее участников и потребителей.* Феномен «общего высшего образования» – обучение для диплома – будет в возрастающем числе случаев вести к поиску абитуриентами таких вузов, которые требуют от них минимальных усилий. Такие «вузы-клубы» будут возникать не только в негосударственном, но и в государственном секторе.

В связи с вышеперечисленными проблемами становится особенно актуальным развитие образования взрослых. Можно предположить, что у молодежи, получившей в 2000-е гг. образование «широкого гуманитарного профиля» в филиалах вузов, будут востребованы прикладные курсы переподготовки и повышения квалификации. Учитывая общий высокий уровень коммуникативных навыков среди этой части населения и мотивацию на занятость в постиндустриальных секторах экономики, можно прогнозировать повышенную эффективность подобных образовательных программ. Несмотря на то, что в целом развитие образования взрослых должно строиться на принципах свободного рынка (за обучение платит слушатель или работодатель), *на период до 2020 года, на наш взгляд, необходимы отдельные точечные инвестиции со стороны государства в этот сектор.*

Собственно, **необходимость расширения участия взрослого населения в образовании** представляется инвариантой развития системы образования на период до 2020 года. **Увеличение государственных инвестиций (незначительное по сравнению с расходами на другие уровни образования) в образование взрослых при их рациональном расходовании позволит к 2020 году увеличить число взрослых, получающих дополнительное образование, как минимум до 15 млн (т. е. выйти на уровень, средний для стран ОЭСР).**

В консервативном сценарии федеральной стратегии [1], когда государство заботится лишь о снижении социальных рисков и минимально вмешивается в сложившуюся в профессиональном образовании систему интересов определено, что бюджетное финанси-

рование образования увеличивается до 1,15% ВВП. Это позволит достигнуть эффективного уровня заработной платы, повысить стипендии студентам до уровня прожиточного минимума, реализовать программы образовательного кредитования для студентов вузов. В рамках этого сценария возможно успешное развитие ведущих университетов (руководство которых обладает наибольшей политической силой).

Однако все позитивные тренды «консервируют» систему образования, которая сохраняет свою герметичность по отношению к внешней среде. Все диспропорции рынка труда и проблемы развития экономики останутся.

Качественные изменения в рамках консервативного сценария:

1) существенно повысится привлекательность карьеры преподавателей вузов и колледжей,

2) продолжит развитие феномен «общего высшего образования» в вузах с «приличным» качеством образования и феномен «псевдовысшего» образования в вузах с низким качеством обучения, филиалах,

3) будет наблюдаться расширение доли обучающихся за счет средств бюджета в общей численности обучающихся и бюджетных средств в общем объеме средств в системе профессионального образования,

4) постепенно будут закрываться учреждения начального профессионального образования, а их контингент обучающихся перетечет в учреждения среднего профессионального образования,

5) параллельно будет развиваться сектор переподготовки и повышения квалификации работников, реализуемый в т. ч. негосударственными организациями, а также корпоративными университетами,

6) развитие исследовательской компоненты вузовской деятельности будет осуществляться в первую очередь за счет бюджетного финансирования.

В результате реализации подобного сценария удастся избежать принципиальных социальных конфликтов, связанных с ограничением доступности высшего образования, изменением структуры образовательных программ и, как результат, рынков различных программ профессионального образования. Между тем, *будет наблюдаться увеличение разрыва между подготовкой квалифицированных специалистов и реальными потребностями рынка труда.*

Удельный вес численности обучающихся за счет средств бюджета увеличится с 45% в конце 2000-х годов до 55-60% к 2020 году. Численность участвующих в программах дополнительного профессионального образования, подготовки и повышения квалификации увеличится в 2012–2020 годах примерно с 8 до 12 млн чел. в год. Удельный вес бюджетного финансирования вузовской науки изменится не существенно и составит около 67–70% к 2020 году.

В реформаторском сценарии предполагается активное реформирование системы профессионального образования при опоре на потребителей: семьи и работодателей. Сценарий может изменить сложившиеся диспропорции между образованием и рынком труда (повысится доля выпускников вузов, работающих по специальности, сократятся затраты, связанные с дообучением недавних выпускников вузов на рабочем месте) и позволит использовать значительную внутреннюю экономию (до 0,15% ВВП) от реорганизации неэффективных образовательных учреждений и программ.

Оптимизация структуры профессионального образования снизит потребность экономики в импорте рабочей силы в полтора-два раза и благоприятно скажется на структуре рынка труда и социальном климате.

В системе профессионального образования в ближайшие годы за счет сокращения численности обучающихся в силу демографических процессов будет наблюдаться высвобождение значительных ресурсов. Однако снижение численности молодежи в возрасте 17–25 лет на 12–15% к 2016 году по сравнению с уровнем 2010 года приведет и к сокращению предложения в наиболее гибком и активном сегменте рынке труда.

В долгосрочной перспективе (к 2025 году) соответствующие негативные тенденции могут привести при прочих равных к сокращению российского ВВП в реальном выражении не менее чем на 7–10%. Преодоление соответствующих негативных тенденций силами системы профессионального образования возможно только за счет повышения качества и результативности подготовки квалифицированных специалистов [3]. Таким образом, высвобождающиеся ресурсы профессионального образования необходимо направлять на ее развитие, повышение качества и эффективности подготовки специалистов с разным уровнем профессионального образования.

Что можно предложить для решения проблем:

Эффективный контракт с преподавателями (конкурентоспособная заработная плата в среднем на уровне удвоенной зарплаты по региону). Сопоставление с развитыми странами, США и Германией, и результаты социологических исследований в системе профессионального образования позволяют сделать вывод, что эффективный уровень зарплаты преподавателей вузов должен составлять около 200% от средней зарплаты в регионе, колледжей – 150%.

Прикладной бакалавриат. Уровень высшего образования, дающий, наряду с фундаментальными знаниями в определенной предметной области, квалификацию для работы со сложными технологиями и с несколькими смежными технологиями. Этот вид обучения ликвидирует социальный разрыв между рабочими профессиями и присущим выпускникам вузов повышенным социальным статусом. К 2020 году программы ПБ могут охватить до 30 % студентов вузов, в них также могут быть преобразованы до 50 % существующих программ СПО.

Программы прикладных квалификаций продолжительностью от нескольких месяцев до года предполагают обучение «на рабочем месте». Масштаб потенциального рынка ППК к 2015 г. – 20% сектора формальной занятости (8 млн чел.), к 2020 г. он может охватить до 20 млн чел. (одна треть рынка труда). При этом реальный масштаб ППК может к 2015 г. составить около 1–1,25 млн чел. в год, в том числе 50% за счет средств бюджетов всех уровней; к 2020 г. – до 3–4 млн чел. в год, в том числе за счет бюджетов – не более 1 млн чел.

Обеспечение прозрачности образовательных учреждений и отдельных программ профессионального образования. Для этого необходимы:

а) мониторинг карьеры и доходов выпускников всех образовательных программ профессионального образования,

б) система рейтингов образовательных учреждений и образовательных программ, основанных на достоверных, проверяемых показателях,

в) законодательная норма, обязывающая каждое образовательное учреждение обеспечить размещение на своем сайте полной и достоверной информации, необходимой для абитуриентов и обучающихся.

Независимая государственная аттестация – внешняя оценка качества остаточных знаний и освоения профессиональных компетенций. Изменение существующей практики аккредитации образовательных программ и процедуры государственных (выпускных) экзаменов, направленное на повышение достоверности оценки качества и создание эффективного инструмента определения программ и результатов неудовлетворительного качества.

Введение минимального порога качества знаний абитуриента для получения бюджетного финансирования обучения (выше минимального балла ЕГЭ). Для участия в конкурсе на бюджетные места балл ЕГЭ по профильным предметам должен составлять 50 (55) из 100. Мера приведет к снижению приема на целый ряд технологических направлений на 30% за счет абитуриентов, входящих в «группу риска». Результат – снижение технологических рисков и связанных с этим потерь в экономике. Экономический эффект можно оценить в десятки миллиардов рублей, имея в виду только риски техногенных катастроф, вызванных человеческим фактором.

Образовательные кредиты, доступные для основной части студентов. Они должны охватывать до 30% студентов платной формы, обеспечивая возможность получения качественного профессионального образования выходцами из малоимущих семей.

Повышение стипендий для нуждающихся студентов до размера прожиточного минимума. Эта мера охватывает до 50% студентов бюджетной формы, обеспечивая возможность получения качественного профессионального образования выходцами из малоимущих семей. Она противодействует тенденции работы студентов за счет занятий.

Обеспечение **конкуренции вузов** при распределении государственного задания. Переход к финансированию вузов по модели «деньги следуют за студентом». Государственное задание оформляется по итогам зачисления на образовательную программу, при этом абитуриенты с высокими показателями ЕГЭ и победители олимпиад приносят вузу в 1,5–2 раза большие бюджетные средства, чем абитуриенты со средними результатами. Абитуриенты с низкими показателями профильных ЕГЭ могут приниматься только на платную форму.

Нормативное финансирование, помимо качества абитуриента учитывает приоритетность образовательной программы и уровень вуза

(ИУ и вузы с высокими показателями НИР получают более высокое финансирование).

Оптимизация сети образовательных учреждений профессионального образования. Присоединение слабых вузов, потерявших связь с рынками труда и с низкими показателями исследовательской активности, к ИУ и другим сильным вузам. Включение колледжей в состав профильных вузов. Ликвидация региональных филиалов государственных вузов, не имеющих государственного задания, или их передача региональным вузам.

Увеличение почасового норматива программ дополнительного образования (профессиональной переподготовки и повышения квалификации) для гражданских госслужащих (с 75 руб./час в 2011 г. до 500 руб./час в 2020 г.) с целью повышения качества программ дополнительного образования.

Создание сети сертификационных центров, независимых от системы образования и конкретных работодателей, в рамках которых граждане смогут получать подтверждение наличия у них определенной профессиональной квалификации. Сертификация квалификаций должна проводиться независимо от типа образования: формального, неформального, информального. К прохождению сертификации допускаются и граждане РФ, и трудовые мигранты.

Принятие нормативных актов, которые дадут возможность коммерческим организациям реализовывать программы обучения взрослых с выдачей государственных документов о повышении квалификации и профессиональной переподготовке, а также с возможностью получения государственных заказов на обучение наряду с образовательными учреждениями.

Развитие массового предпринимательского образования для среднего и малого бизнеса (в т. ч. ваучерное софинансирование обучающихся курсов для начинающих предпринимателей в «приоритетных» отраслях: телеком, биотехнологии, энергетика).

Создание сети обучающих центров в странах – донорах рабочей силы (СНГ) и их интеграция в российскую систему профессионального обучения для повышения квалификации мигрантов.

Выделение государственных субсидий на переобучение безработной молодежи (поколение «навеса высшего образования»).

Регулируемый допуск в систему образования взрослых зарубежных операторов в тех

областях, где РФ имеет очевидное технологическое отставание.

Приведенные выше положения позволили Калужскому государственному университету сформировать программу развития, миссия которой была определена в утверждённой министерством образования стратегии. Первой задачей было преодоление признаков неэффективности, определённых по результатам мониторинга вузов.

Было продекларировано, что образовательной системы Калужской области должен стать университет. Развитие университета должно проходить в соответствии с тенденциями реформирования государственной системы управления и образования, на основе инновационных процессов, реализуемых в обществе, в науке и технике, в экономике и образовании [3].

КГУ им. К.Э. Циолковского, опираясь на свой уникальный исторический опыт, должен служить гармоничному развитию личности и общества, сочетая научные исследования и образование. основополагающим в своей деятельности КГУ стал считать:

- позиционирование вуза как центра интеграции образования, научной и культурной жизни региона, лидера в области классического образования;

- развитие универсального научно-исследовательского и образовательно-культурного центра инновационного типа по приоритетным для региона направлениям и специальностям подготовки;

- реализацию широкого спектра качественных интеллектуальных и сервисных услуг.

Достижение этих целей позволило университету эффективно выполнять свою **миссию**, а именно: способствовать формированию и реализации инновационного сценария развития региона, как на внутреннем, так и на внешнем рынках; обеспечить удовлетворение потребностей предприятий и организаций в высококвалифицированных кадрах; обеспечить возможность получения качественного высшего образования; обеспечить опережающую подготовку и переподготовку кадров для инновационного развития экономики региона; проводить фундаментальные и прикладные исследования по приоритетным направлениям; обеспечить работникам, высвобождающимся в результате реформирования промышленности, возможность переподготовки и постоянного совершенствования своих профессиональных зна-

ний; обеспечить желающим возможность реализации принципа «обучение через всю жизнь»; способствовать повышению престижа российского высшего образования за рубежом.

Территориальное расположение и специфика направления деятельности университета позволили выделить **стратегические цели** образовательной, научной и инновационной деятельности КГУ:

1. Обеспечение высококачественного образования для жителей Калужского региона и сопредельных территорий через систему подготовки конкурентоспособных специалистов, бакалавров и магистров, через создание инновационной системы непрерывного образования;

2. Создание новых и развитие существующих научных школ для реализации фундаментальных и прикладных научных исследований в рамках стратегического развития региона;

3. Развитие кадрового потенциала и формирование качественного контингента обучающихся;

4. Развитие материально-технической базы, научно-образовательной инфраструктуры университета;

5. Совершенствование организационной структуры университета;

По итогам двухлетней реализации программы можно констатировать, что включенные в настоящую Программу мероприятия, связанные с техническим оснащением производственным и исследовательским оборудованием, соответствуют приоритетным направлениям науки и техники, целям национальных проектов и важнейших правительственных программ. В связи с этим Программа развития Калужского государственного университета приобрела важное значение и для региона, т.к. направлена на ускоренное развитие как региональной, так и российской экономики.

По итогам реализации Программы формируется качественно новый облик инновационной инфраструктуры университета. Впервые сфера инфраструктурной поддержки науки представляется как целостная организационная система с характерной для нее элементной базой, функциональными подсистемами, внешними факторами, определенными видами работ и услуг. Системная основа построения инновационной инфраструктуры университета позволяет представить последнюю в экономике региона как реальную производительную силу, располагающую широкими возможностями для выполнения работ и оказания услуг

в сфере наукоемкого бизнеса и высоких технологий. Предварительные расчеты показали, что общий объем работ и услуг, оказанных в инновационной среде университета, станет соизмеримым с объемом образовательных услуг, предоставленных вузом. Формируемой чертой создаваемого образа системы инфраструктурной поддержки науки является его нацеленность на интересы региона и выполнение важной функции – научно-методического и коор-

динационного центра развития инновационной инфраструктуры территории.

В дальнейших исследованиях мы планируем определить основные направления стратегического взаимодействия в области методологии развития образовательных систем региона федеральных и региональных органов управления, роль и уровень программно – целевого подхода в реализации этого взаимодействия, более подробно проанализировать успехи и неудачи реализации программы.

Список литературы

1. Итоговый доклад рабочей группы «Стратегия 2020».
2. Кожитов Л.В., Косушкин В.Г., Шерейкин М.Л. Реализация образовательного и научно-инновационного потенциала Калужской области для подготовки инноваторов. Инновации. 2012, №8 (166). – С. 11-19.
3. Кожитов Л.В., Косушкин В.Г., Верхович В.С. Подготовка инноваторов в вузах. Инновации №2 (172), 2013. – С. 77-87.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 1.091.470

В.В. Лыткин
ПРОБЛЕМА SETI И «КОСМИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»
К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

В статье рассматриваются взгляды основоположника современной теоретической космонавтики и ракетостроения К.Э. Циолковского на проблему эволюции человечества и возможного места в этом внеземных цивилизаций. Ученый приходит к выводу о неизбежности перехода эволюции человечества к космической эволюции. Представители русского космизма рассматривают антропологическую эволюцию человечества как их восхождение по пути к нравственному, духовному, интеллектуальному и физическому совершенству. Рассматривается аспект адекватности данных взглядов К.Э. Циолковского представлениям современных ученых и философов. Делается вывод о прогрессивном характере «Космической философии» К.Э. Циолковского и ее прогностической направленности.

Ключевые слова: человечество, цивилизация, эволюция, эволюция человечества, космическая эволюция, Циолковский, космическая философия, русский космизм, SETI.

Проблема изучения антропологических взглядов ученого имеет определенную историографию. Уже на II и III Чтениях К.Э. Циолковского И.А. Кольченко начинает затрагивать вопрос о космическом будущем человечества, приходя к выводу о том, что это наиболее оригинальная часть философии К.Э. Циолковского. [4]. В своих работах А.П. Огурцов говорит об антропологизме у К.Э. Циолковского, как «неадекватной части мировоззрения ученого» и считает, что этот раздел его философии надо называть как-то иначе. [9, С. 5].

Определяющий вклад в понимание и оценку антропологических взглядов К.Э. Циолковского внес своими работами академик Д.А. Урсул, который вполне справедливо полагал, что противоречивые философские взгляды К.Э. Циолковского несли в себе огромный эвристический заряд, принципиально новые идеи, в частности, в постановке проблемы космического будущего человечества. [12, С. 17-18]. Безусловно значимыми были исследования Е.Т. Фадеева, считавшего идеи К.Э. Циолковского в области космической эволюции разума безусловно важными с точки зрения попытки объяснить проблему саморазвития материи. [13]. В 80-е годы XX века начинаются определенные переосмысления антропологических взглядов К.Э. Циолковского. С одной стороны, это было связано с развитием пилотируемой космонавтики, увеличением длительности полетов космонавтов. Космическая биология и медицина стали получать новые данные, позволившие говорить об изменении наших представлений о возможности дальнейшей биологической эволюции человека в космосе. В связи с этим начали изме-

няться и взгляды на антропологические идеи К.Э. Циолковского. К ним стали относиться со все большим и большим вниманием. [5, С. 80-90].

Изменилась и общеполитическая оценка взглядов К.Э. Циолковского на проблему космического будущего человека. Она стала рассматриваться в двух основных аспектах: общеполитическом и антропо-эволюционном. Здесь необходимо отметить яркие работы Л.В. Лескова, где особо отмечается эволюционный оптимизм К.Э. Циолковского, антифаталистские оценки им перспектив цивилизационного развития человечества, все возрастающую активную роль человека и разума во вселенной. [6]. Необходимо высоко оценить направление исследований В.М. Мапельман, постоянно и адекватно анализирующей этические взгляды К.Э. Циолковского и полагающей, что в антропологической составляющей философии К.Э. Циолковского видна попытка ученого определить место человека в объективном и неизбежном процессе освоения им космического пространства. [8].

Особое значение для понимания философии К.Э. Циолковского в настоящее время имеют работы В.В. Казютинского. Неоднократно анализируя антропологические взгляды ученого, В.В. Казютинский приходит к нескольким принципиальным выводам. С течением времени он все более и более высоко оценивает место К.Э. Циолковского среди русских космистов, отмечая в тоже время, что для К.Э. Циолковского характерно было рассматривать современного человека как средний вариант его развития, от человека первобытного, к человеку

совершенному (будущему), имеющему иную биологию. [2, С. 337, 345]. Принципиальным критерием для В.В. Казютинского было признание того, что философия К.Э. Циолковского не носила антропоцентрического характера, ибо была направлена не на человека, а на «атом-дух», поэтому антропокосмизм К.Э. Циолковского не имел антропоцентрического значения. [3, С. 418].

С нашей точки зрения, в центре этики и философии К.Э. Циолковского находится человек и счастье человека. Идеалом социальным и антропологическим для К.Э. Циолковского является совершенный, идеальный человек и совершенное общество. Ибо счастливый атом – дух не нужен сам по себе, он не имеет никакого смысла, аксиологического значения. Но оно появляется и все становится на свои места, когда мы становимся на позиции антропоцентрические в отношении взглядов К.Э. Циолковского. Для человека современного интерес самого человека (разумный эгоизм) всегда будет стоять на первом месте. Например, те же экологические подходы имеют то же значение – сохранение среды обитания. Для кого? Для инопланетян? Конечно нет, для нас самих, наших потомков. Возможно, термин «антропоцентризм» не вполне верен по отношению к антропокосмизму. Если мы допускаем, что человечество встретится с иным разумом, то эта позиция сразу станет ущербной. Может быть, позиции К.Э. Циолковского было бы более разумно назвать «интеллектотенризмом», подразумевая, что ученый не отрывал земную цивилизацию от других вероятных цивилизаций космоса. Он полагал, что в будущем они объединятся, образовав «космический разум», который и станет той «волей вселенной», определяющей космический порядок силы, которая всем и будет распоряжаться (уже распоряжается, учитывая разницу во времени образования цивилизаций во вселенной, согласно взглядам К.Э. Циолковского). Подобная позиция нам представляется рациональной и учитывающей взгляды и К.Э. Циолковского, и большинства представителей русского космизма.

В значительной мере вся «космическая философия» К.Э. Циолковского была устремлена в будущее, обращена в него. Мотивация настоящих и прошлых моментов в жизни вселенной была лишь той необходимой, неизбежной основой, без которой невозможно было выстроить философию будущего. [7, С. 268-269]. Именно поэтому К.Э. Циолковский наиболее ярок в своих описаниях, наиболее красноречив и ста-

рается быть наиболее убедительным именно тогда, когда речь идет о будущем. Будущая жизнь, будущее счастье, близкое и более отдаленное – наиболее интересны для ученого, дают максимальный простор его фантазии, открывая невиданные ранее оптимистические горизонты. [10].

Прогностические работы, связанные с выяснением будущего человечества и человека, его развития в разных частях развивающейся монистической вселенной – это та принципиально новая отрасль научного знания, одним из основателей которой по праву можно считать именно К.Э. Циолковского. И, пожалуй, одной из главных задач для ученого здесь был вопрос выяснения места человечества во вселенной, роли разума в ее эволюции, а, если быть еще более точным, ученый пытался выяснить предназначение человечества и разума во вселенной.

Автор статьи уже касался проблемы SETI (Searching of Extraterrestrial Intelligence – Поиска внеземных цивилизаций) в творческом наследии К.Э. Циолковского, но эти исследования носили ограниченный, начальный характер и требуют своего углубления и дальнейшего исследования. [27, 28, 29]. В решении этого вопроса, весьма непростого, сложного и противоречивого, К.Э. Циолковский предстает перед нами истинным пионером в решении проблемы. Именно здесь он максимально современен нашему времени, а, подчас, значительно опережает его, предлагая варианты ответа на вопрос, казалось бы, совершенно фантастические, и, тем не менее, он до конца остается глубоко научным, истинным исследователем проблемы.

По мнению К.Э. Циолковского, Земля, как и вся Солнечная система, как и Галактика, и вселенная в целом, образовались естественным путем, как один из закономерных этапов в развитии космоса. Путь эволюции земли из протопланетного облака – это естественный и закономерный, обычный путь возникновения и развития всех иных планетных систем во вселенной, которые появились вокруг своих звезд – Солнц.

Различным здесь является лишь время образования планетных систем и то, что определенные параметры у этих систем различаются (количество планет, их близость к центральному телу, наличие у планет спутников, удаленность от ядра Галактики и т.д.). Часть солнечных систем возникает раньше, другая позднее, некоторые уже погибли, иные находятся лишь в процессе своего зарождения, формирования. Земля,

как считает ученый, возникла относительно недавно, по космическим меркам. [22, Л.2]. Поэтому, вполне вероятно, что многие солнечные системы возникли ранее, и ряд планет во вселенной появился ранее Земли. Естественно, что на планетах со сходными условиями (такими же параметрами, как и на Земле), жизнь и разум появились раньше, чем на Земле, они значительно обогнали Землю и земной разум в своей эволюции. В то же время, как считал К.Э. Циолковский, несмотря на то, что возраст земли и человека незначительны, это не должно было становиться поводом для нашего огорчения. [24, Л.2 об.]. Дело в том, что человеческая цивилизация находится лишь в самом начале своего долгого периода развития, своей жизни. Пройденные ею этапы эволюции – это лишь самое начало пути. [14, С. 24]

К.Э. Циолковский полагал, что на человеке эволюция не остановится, но последует далее. Современный уровень развития цивилизации, который нам самим представляется высшим и совершенным, на самом деле, является лишь одним из начальных этапов в поступательном развитии интеллекта. Это его начальная ступень развития. Для того, чтобы быть последовательным и логичным в своих рассуждениях, ученый должен был решить сложный и важный вопрос: разум возникает в живой природе, но как же появляется сама жизнь? Вопрос не праздный. Он важен методологически. Ведь от его верного решения, от решения вопроса о том, как возникла жизнь на Земле, зависело решение вопросов о том, как возникла жизнь (и возникает ли жизнь вообще?) на других подобных планетах в монистической вселенной.

Ученый указывал на два принципиально возможных пути появления жизни на Земле (и, следовательно, на планетах вообще). Наиболее логичным и естественным, а, значит, и наиболее возможным, вероятным, был путь самозарождения жизни на планете из её вещества. В результате сложных естественных (природных) физико-химических процессов, реакций и взаимодействий, на протяжении миллионов лет эволюции, из неживой природы возникают первые простейшие живые образования. К.Э. Циолковский не называет их, но говорит о неких “комочках живого вещества”. В любом случае, по его мнению, это наиболее вероятный, объективный и закономерный процесс возникновения жизни на планете. [15, Л.3 об.].

Второй вероятный путь появления жизни на планетах – занос живого вещества в виде неких спор или зародышей жизни, из космоса. Попа-

дая на поверхность планет, эти споры, дают начало жизни. Красивая идея панспермии, выдвинутая шведским ученым Сванте Аррениусом, в принципе не отвергается и К.Э. Циолковским. Но она не удовлетворяет его научного подхода к проблеме. Поэтому, объективно, К.Э. Циолковский выступал против этой идеи. Гипотеза панспермии не удовлетворяла ученого, т.к. не давала объяснения появлению самих спор жизни, источника их происхождения. Эта гипотеза, следовательно, могла объяснить лишь вторичные этапы развития жизни, её расселения по планетам (вероятностное). Поэтому, по мнению К.Э. Циолковского, наиболее приемлемым вариантом возникновения жизни во вселенной (т.е. на планетах), был вариант самозарождения её естественным путем.

Таким образом, ученый приходит к выводу о естественном характере развития жизни и разума на Земле и в космосе, о его закономерном развитии, прогрессивном, поступательном характере развития разума. При этом К.Э. Циолковским особая роль уделяется развитию цивилизаций во вселенной. Цивилизации во вселенной — закономерный этап развития разума, одна из ступеней, один из этапов в его развитии. Как уже говорилось ранее, главной целью бытия Вселенной К.Э. Циолковский считал достижение вселенной счастья. И здесь большая и активная роль принадлежала цивилизациям, разуму, порожденному Вселенной. Порожденный Вселенной, прогрессивно развивающийся, разум, на этапе своего космического цивилизационного развития, начинает активным образом познавать Вселенную. Исследуя законы, управляющие её бытием, разумные цивилизации, в конечном итоге, способны воздействовать на процессы, протекающие во вселенной, устраняя вредные для разума, а, значит, и для всей вселенной, (ведь разум – часть вселенной) влияния, порождая добро и счастье, распространяя его по вселенной.

Таким образом, вселенная у К.Э. Циолковского оказывалась потенциально счастливой (за счет того, что вечно “счастливые” атомы эфира пронизывали всю вселенную) и активно счастливой, за счет активной деятельности в космосе разумных цивилизаций.

Вопрос о возможности (и вероятности) существования иных цивилизаций был очень важен для К.Э. Циолковского и разрешался им положительно. Да иначе и быть не могло! В монистической вселенной ученого было сколько угодно места для жизни и активной деятельности многих и многих цивилизаций, возник-

ших в разное время, или же одновременно (они возникают на основании единых законов, подобно появлению земной цивилизации). К.Э. Циолковский был глубоко убежден в том, что разумная жизнь на Земле не уникальна. В формулировании самой проблемы бытия иноцивилизаций для ученого большую роль сыграло знакомство с творчеством Дж. Бруно. В представлениях Дж. Бруно и у К.Э. Циолковского вселенная – мир безграничный, не имеющий пределов, а, следовательно, в таком безграничном, беспредельном мире теоретически возможна реализация любой вероятности, включая и вероятность появления еще одной или некоторого количества цивилизаций. Поэтому, подобно своему великому предшественнику, К.Э. Циолковский делал вывод о населенности планет иных солнечных систем во вселенной. [19, Л.1 об.].

Ученый считал, что основополагающий закон, действующий во вселенной – закон монизма, так же ведет к повсеместному появлению разума (при определенных условиях). Разум же, по достижении определенной ступени своего развития, неизбежно осуществляет выход в космос, с целью познания законов вселенной, расширения своих горизонтов, овладения новым пространством. Цивилизация неизбежно вступает в космический этап своего развития. На определенном этапе различные цивилизации космоса соединяются, вступая в союзы с тем, чтобы совместно и более эффективно использовать вселенную, познавать ее законы, управлять процессами, происходящими в ней. Так космические цивилизации достигают в своем развитии уровня астроцивилизаций. [21, С. 18].

Таким образом, К.Э. Циолковский приходил к неизбежному выводу о том, что более чем вероятно, что на других планетах распространена разумная жизнь. Он писал о том, что “во вселенной единая материя”, планеты возникают по единым законам планетообразования, на них “единые условия, единое строение солнечных систем”, – все это ведет к появлению органической жизни на их поверхности, причем, некоторая разность условий “не исключает закономерности жизни”. [25, Лл.1-2].

Следовательно, единство вселенной, ее монистическая закономерность, ведет к ее всеобщей заселенности. Рассматривая процессы, происходящие на поверхности планет во вселенной, К.Э. Циолковский, следуя своему методу, берет за основу опыт земной эволюции жизни, экстраполируя его, по аналогии, на иные, возможные сходные по условиям, планеты во

вселенной. На планетах этих – единое вещество, единые условия развития. Жизнь на них развивается по единому закону эволюции, восходя ко все более сложным формам и видам, достигая постепенно своего высшего уровня, разумной жизни. Все это давало К.Э. Циолковскому возможность говорить о всеобщей распространенности жизни и разума в космосе. [22, Лл. 1-2].

Единство представления ученого о бесконечной материи и вселенной и принципы монизма, приводят ученого к обоснованию им антропного принципа. Важной частью его является убежденность в существовании внеземных цивилизаций. При этом особое внимание ученый уделял доказательству возможности бытия различных по уровню развития цивилизаций. [18, Л.1]. В общем виде это объяснялось им различными сроками возникновения планет, похожих на Землю по своим условиям, различными темпами их эволюции, что зависело от множества внешних и внутренних факторов.

Обобщая все выше сказанное, мы приходим к неизбежному выводу о том, что существование внеземных цивилизаций было для К.Э. Циолковского самоочевидной идеей, носившей характер “абсолютной истины”. Не случайно поэтому ученый считал, что среди миллиардов планет (а в бесконечной вселенной их должно быть бесконечное количество), имеющих подходящие условия для жизни, хотя бы на некоторых из них должна быть жизнь, достигающая уровня космической цивилизации в своем развитии. [20, Л.1]. Этот вывод ученого совпадает, в основном, со взглядами современной науки по этому вопросу. Можно привести высказывания многих современных ученых, занимающихся проблемой внеземных цивилизаций. В целом их можно свести к одному из наиболее характерных выводов: “Наш окончательный вывод мало отличается от точек зрения К.Э. Циолковского. Мы по-прежнему считаем, что внеземные цивилизации, вероятно, есть, но у нас пока нет свидетельств того, что внеземная жизнь существует”. [1, С. 11].

При общей постановке проблемы внеземных цивилизаций, по всей видимости, наиболее важной, основополагающей и исходной становится дилемма, заключающаяся в следующем: логическая вероятность существования разумных цивилизаций во вселенной очень высока, но в настоящее время мы не наблюдаем каких-либо явных проявлений их космической деятельности (так называемый «Парадокс Ферми»). Мимо этого противоречия не прошел в свое время и К.Э. Циолковский. Отсутствие

прямых контактов космических цивилизаций с нашей, земной цивилизацией, он объяснял рядом возможных причин. Главной из них он считал недостаточность уровня развития земной цивилизации.

Можно условно предположить, что уровень развития земной цивилизации - некая середина (условно допуская, что темпы развития цивилизаций могут быть различны, а планетообразование имеет разные сроки в рамках бесконечной вселенной). В этом случае логично предположить, что часть цивилизаций во вселенной отстает в своем развитии от земной, а часть опережает ее. Раз так, раз многие цивилизации в своем развитии опередили землю, а некоторые из них – значительно, значит их уровень, следы их деятельности, видимые проявления их активности, едва ли доступны нашему восприятию, следовательно, и нашему сознанию. Мы едва ли сможем осознать, что какое-либо явление, наблюдаемое нами, на самом деле является видимым действием иноцивилизации, далеко обогнавшей в своем развитии землю. Более того! Едва ли возможен контакт с этими цивилизациями. По крайней мере, со стороны земной цивилизации он более чем проблематичен. [22, Л.1 об; 25, Л.1 об.].

Но, предположим, что подобный контакт все-таки произошел. Почему он не только нежелателен, но и опасен? Дело в том, что, по мнению К.Э. Циолковского, преждевременный контакт может вызывать на Земле (где среди подавляющего большинства населения царит невежество) ужас и панику, приведет к религиозному фанатизму, непониманию. В целом, результат может стать обратным желаемому. [17, С. 9]. Вместо ускорения темпов прогресса, рационального использования новых знаний, земля может быть отброшена назад в своем развитии. Невежество может захлестнуть планету, погубив, отторгнув новые знания, новую культуру, и уничтожив культуру собственную. К.Э. Циолковский полагал, что контакт с иноцивилизациями произойдет позднее, благодаря мудрости и дальновидности инопланетного разума. Это случится, когда человечество, благодаря техническому, социальному и нравственному прогрессу достигнет более высоких этапов в своем развитии. Говоря точнее, произойдет это после выхода человечества в космос, после того, как космическая деятельность человечества достигнет больших масштабов. Когда наше познание вселенной и законов космоса станет более глубоким. Именно там, в глубинах космоса произойдет встреча двух родственных цивили-

заций, их взаимообогащение, и затем их совместное, ускоренное движение по пути прогресса, вступление в эпоху астрокосмической цивилизации.

Таким образом, по мнению ученого, человечество Земли должно самостоятельно пройти все этапы своего развития, без какого бы то ни было вмешательства извне. Оно должно естественным образом дорасти до уровня развитых космических цивилизаций. И первым шагом на этом великом, грандиозном пути, станет выход человечества в космос при помощи реактивного летательного аппарата. Это станет началом новой эры в развитии человеческой культуры.

Со времени исследований, которые проводил К.Э. Циолковский, прошло не так уж и много исторического времени. Но путь, пройденный наукой и техникой, оказался значительным. Человечество уже вышло в космос. И, хотя это проникновение пока еще очень ограничено, тем не менее, по мнению некоторых ученых, современный уровень развития человечества уже позволяет вплотную заниматься проблемой поиска внеземных цивилизаций. Более того, проблема SETI (Searching of Extra Terrestrial Intelligence – Поиск Внеземных Цивилизаций) и установление контактов с иноцивилизациями уже стали самостоятельными научными дисциплинами. “Сейчас мы стоим на пороге эпохи, когда мы сможем установить контакт с другими цивилизациями, если они относительно многочисленны в нашей галактике”. [1, С. 30].

Не случайно, что именно в работах К.Э. Циолковского, написанных в 20-е годы XX века, находим мы много важных, не утративших и сейчас своего значения, мыслей и выводов по проблемам существования внеземных цивилизаций. Объясняется это той пионерской, эвристической методологией, которая лежала в основе большинства разработок ученого в этой области. Для ученого не было сомнений в истинности вывода о том, что внеземные цивилизации существуют. Именно поэтому для него не существовало строгой необходимости безусловного доказательства этого положения. Он мог, как писали А.Д. Урсул: “... углубляться в разработку самой проблемы, менее всего заботясь о ее научном статусе, отсюда противоречие между внешней бледностью истины и богатством выводов в его работах”. [12, С. 29].

Что же именно думал К.Э. Циолковский о других цивилизациях в космосе, что он думал об их роли во вселенной? Ученый полагал, что чем дальше и выше цивилизации отстоят по уровню своего развития от земной цивилиза-

ции, тем они менее понятны нам. Их коллективный разум, их наука и техника намного опередили по уровню своего развития Землю. [18, Л.1 об.; 22, Л.2 об.]. Действительно, нам невозможно будет представить назначение того или иного прибора инопланетян, так же, как жителям первобытных племен Амазонии, например, очень сложно представить в полном объеме назначение компьютера. Еще сложнее обстоит дело с пониманием духовных ценностей. Многие ли из современных образованных европейцев могут адекватно оценить, почувствовать ценность и глубины духовного мира представителей восточных культур. Насколько доступны для нас нравственные ценности буддизма, эзотеризм зороастризма или синтоизма? А ведь это культуры земные, человеческие.

Главную задачу, стоящую перед цивилизациями космоса, нравственный императив, К.Э. Циолковский видел в уничтожении ими несовершенной жизни на других планетах и распространение там разумной, а, значит, и совершенной жизни. [20, Л.2]. Ученый видел основную нравственную, культурологическую, эволюционную задачу высокоразвитых цивилизаций космоса в распространении ими, насаждении, подчас и насильственном (но весьма своеобразном в отношении насилия) совершенной жизни, т.е. такой, где отсутствует страдание. Этот способ, прежде всего, освоение космического пространства, активное проникновение разума во вселенную, не менее активное изменение самой вселенной познающим и высоконравственным разумом цивилизаций. Так сама вселенная, породив разум, передает себя в его власть, развивается и совершенствуется за счет его развития и совершенствования. Более того, благодаря активному творчеству цивилизаций вселенная может окончательно и полностью освободиться от всего несовершенного, от зла и страданий.

Высшие, разумные цивилизации, по мнению К.Э. Циолковского, уже господствуют во вселенной. Они колонизировали (но не захватили!) большинство пригодных для жизни планет. Там уже нет страданий, нет зла. Все несовершенные формы жизни, т.е. несущие в себе страдание, зло, уступили место совершенным, высшим формам. Произошло это искусственным путем, под прямым влиянием высших цивилизаций. Зло на таких планетах устранено, нет страданий, на них оставлены лишь те формы растительной и животной жизни, которые полезны местной цивилизации. Более того, сами цивилизации подверглись определенному воздействию так, что отдельные представители цивилизаций,

несущие горе и страдания своим соплеменникам (люди, ущербные нравственно, духовно или физически), потеряли способность к воспроизведению своего рода.

Так постепенно и безболезненно, по мнению К.Э. Циолковского, без страданий, “омоложенная” цивилизация начинает свое шествие по пути прогресса. Она вооружается новыми знаниями о природе, становится совершенной нравственно и физически, она не способна уже продуцировать зло, горе, несовершенство. Развивая неимоверно свои технические возможности, цивилизация сама становится космической цивилизацией, начиная оказывать помощь своим братьям по разуму на иных, менее развитых планетах, избавляя их от зла и страданий. По мере своего прогрессивного развития, вступая на этап астроцивилизаций, все новые и новые цивилизации присоединяются к великому братству всемирного разума. И это все более и более увеличивает силы разума во вселенной. [20, Л.3 об.; 23, с.22-24].

По мнению К.Э. Циолковского, разум во вселенной может быть представлен в разных видах. Единый на субстанциальном уровне, он различается (может различаться) структурно, особенно в своих биологических видах. Из-за разных условий развития, разумные существа во вселенной формируются различно. Вместе с тем, наиболее вероятная и наиболее распространенная их форма – антропоморфная (человекообразная). Доказательство верности этого, действие закона монизма.

Но на высших ступенях развития разума не прекращается и его биологическая эволюция. Более того, высшие цивилизации космоса способны направлять ее в необходимое для них русло. Существенное влияние здесь может оказать то, что цивилизации, став космическими, будут стараться максимально приспособить свою биологию для жизни в космосе. Может быть, считал ученый, со временем, живые существа смогут жить непосредственно в космическом пространстве, приобретая жесткую внешнюю оболочку, пронцаемую лишь для лучей света, который становится единственным источником энергоснабжения организма. За счет этого поддерживаются все внутренние процессы в организме, круговорот веществ в нем оказывается замкнутым. В результате, разумное существо становится независимым от среды своего обитания, может жить в любых условиях, свободно передвигаясь в межпланетном и межзвездном пространстве. Время его жизни, как биологической единицы, неограни-

ченно возрастает, люди, наконец, получают долгожданное бессмертие. [23, С. 5; 16, Л.1 об.]. Смелая научная мысль К.Э. Циолковского идет еще дальше. Раз подобны солнечные системы и атом, то, быть может, жизнь существует и на атомарном уровне. Параллельно с нашей, могут существовать иные вселенные, в микрокосмосе, например. Теоретически возможно и какое-то взаимодействие, взаимовлияние этих вселенных, а, значит, и разумов, обитающих в них. [16, Л. 5 об.].

Так, в общих чертах, ученый представлял себе роль иноцивилизаций во вселенной, возможные пути эволюции разума в космосе. Но не менее важным вопросом здесь становилась и следующая проблема: как взаимодействуют иноцивилизации космоса и цивилизация Земли. Существуют ли между ними какие-либо контакты? Ведь видимых проявлений этого не наблюдается. И как можно объяснить, что во вселенной, где уже (по мысли ученого) господствует разум и совершенство, где отсутствует горе и страдание, существует Земля, где все эти пороки все еще присутствуют.

К.Э. Циолковский был убежден в том, что более высоко развитые космические цивилизации контролируют развитие земной. Они не вмешиваются в естественный ход ее эволюции, наблюдая лишь за ней, осуществляя постоянный мониторинг. Вмешательство произойдет лишь в том случае, если цивилизации земли будет грозить реальная гибель. В чем же тут дело? В поисках ответа на этот вопрос, К.Э. Циолковский разработал специальную теорию “исключительности земной цивилизации” (в современной западной и американской научной литературе это объяснение получило название «Гипотеза Зоосада». Необходимо отметить, что и здесь К.Э. Циолковский намного опередил своих коллег). Он считал, что некоторые, очень редкие из цивилизаций в космосе, развиваются естественным образом, безо всякого вмешательства извне, со стороны высокоразвитых иноцивилизаций. В ходе своего развития, своей самостоятельной эволюции, они проходят все возможные страдания и испытания на пути самостоятельного достижения полного счастья. Именно по этому пути развития и следует Земля - одна из очень немногих планет во вселенной. Без вмешательства извне, но под постоянным присмотром, она самостоятельно, медленно, но верно, следует по пути прогресса, по пути достижения счастья. Земля оставлена, сохранена высокоразвитыми иноцивилизациями, как своеобразный “заповедник разума”.

Успешный естественный итог развития земной цивилизации может привести во вселенское содружество космического разума свежую струю. Земная цивилизация может передать свой оригинальный, неповторимый культурно-исторический опыт, свои оригинальные, не измененные внешним влиянием нравственные ценности. К.Э. Циолковский писал: “Почему существа счастливых планет не снизойдут к нам, не пожалеют нас и не заменят высшими, чтобы мы разрушились и возникли в их совершенном образе?!... Если бы не ждали от нас высокого, то и не мучили бы столько времени. Видно, есть надежда, что из нас что-то выйдет... Мы можем дать новую прекрасную струю жизни, подновляющую и пополняющую уже готовую совершенную жизнь”. [22, Л.1].

Подавляющее большинство цивилизаций в космосе на низких (докосмических) ступенях своего развития, искусственным образом, при помощи высших цивилизаций, ускоренно достигли счастья, т.е. высших этапов в своей эволюции. На них была распространена модель развития уже имеющихся астроцивилизаций. Судьба же Земли сложна, уникальна, но, в то же время и замечательна. Это – цивилизация-страдалец, мессианская цивилизация, порождающая, вырабатывающая в ходе своей эволюции, на собственном опыте, уникальные нравственные ценности, созидаящая уникальный культурный опыт, который в будущем войдет в сокровищницу космического разума. Земная цивилизация как бы вырабатывает собственный иммунитет против зла и горя, формирует самостоятельный опыт борьбы с ними. В этом то и заключается уникальное предназначение Земли во Вселенной. Подобные Земле “заповедники разума” есть еще во вселенной, но их очень немного, по мнению К.Э. Циолковского.

Человечество XX века обрело для себя новые границы, найдя, увидев их в изучении и освоении космического пространства. Подобно каравеллам Колумба в космос отправились первые космические корабли с теми же целями - расширить сферу бытия человеческой цивилизации, расширить сферу познания человечества, сделав его более мудрым и могущественным. К.Э. Циолковский был одним из первых, кто не только мечтал об этом, но и научно обосновывал. Он хотел видеть человечество могущественным, не нуждающимся ни в чем, но, прежде всего – счастливым, не испытывающим никаких страданий. Именно поиски счастья породили своеобразную и оригинальную теорию К.Э. Циолковского о роли иноцивилизаций во все-

ленной и месте Земли в космосе. Смелые, иногда и неожиданные антропокосмические идеи ученого о космическом разуме, его возникновении, эволюции, роли и месте во вселенной – одна из важнейших и наиболее ценных составных частей его философского наследия.

По нашему мнению, К.Э. Циолковского можно считать основоположником космической антропологии, предметом которой становится изучение вероятных форм жизни во вселенной, изучение космического будущего человечества. Итогом этого процесса преобразований, по мнению ученого, станет, в результате космиче-

ской экспансии человечества, его расселения в космосе, возникновение нового человеческого вида, Номо Cosmicus, космического человека, антропологического идеала далекого будущего, антропологического императива. В центре интересов, объектом космической антропологии, является человек и интеллектуальные формы жизни вообще. Космическая антропология К.Э. Циолковского является оригинальным разделом его философии, направленным на изучение будущих этапов развития человечества, изучение космоса и космических цивилизаций.

Список литературы

1. Голдсмит Д., Оуэн Т. Поиски жизни во вселенной. – М.: Мир, 1983. – 485 с.
2. Казютинский В.В. Ценностные ориентации современного космизма и прогнозы будущего техногенной цивилизации. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 367 с.
3. Казютинский В.В. Космическая философия К.Э. Циолковского в контексте русского космизма. К.Э. Циолковский. Космическая философия. – М.: УРСС, 2001. – С. 418.
4. Кольченко И.А. К.Э. Циолковский о судьбе человечества в космосе. Труды II Чтений К.Э. Циолковского. Исследование научного творчества К.Э. Циолковского. – М.: АН СССР, 1969. – С. 17-29.
5. Коробков А.В., Космолинский Ф.П., Хазен И.М. Проблема адаптации в космической биологии и медицине. Труды XIV Чтений К.Э. Циолковского. К.Э. Циолковский и философия проблемы освоения космоса. – М.: АН СССР, 1980. – С. 80-90.
6. Лесков Л.В. Феномен человека по Циолковскому. Труды XXX – XXXI Чтений К.Э. Циолковского. Циолковский и философские проблемы освоения космоса. – М.: ИИЕиТ РАН, 1998. – С. 12-18.
7. Лыткин В.В. Проблема возможных перспектив космической эволюции человечества в творческом наследии К.Э. Циолковского. Научные проблемы гуманитарных исследований. Научно-теоретический журнал. Выпуск 3. – Пятигорск: Институт региональных проблем Российской государственности на Северном Кавказе, 2012. – С. 268-277.
8. Мапельман В.М. К.Э. Циолковский о будущем человечества. XXXV Чтения К.Э. Циолковского. Тезисы докладов. – М.: ИИЕиТ РАН, 2000. – С. 116-117.
9. Огурцов А.П. К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский. Сравнительный анализ философских идей. Труды X Чтений К.Э. Циолковского. Исследование научного творчества К.Э. Циолковского. – М.: АН СССР, 1977. – С.3-19.
10. Римский В.П., Филоненко Л.П. Судьба термина «русский космизм». Идеи К.Э. Циолковского: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы XLVII научных чтений памяти К.Э. Циолковского. – Калуга: Эйдос, 2012. – С. 47-51.
11. Рубцов В.В., Урсул А.Д. Проблема внеземных цивилизаций. – Кишинев, Штиница, 1984. – 261 с.
12. Урсул А.Д. Человечество, Земля, Вселенная. – М.: Мысль, 1977. – 264 с.
13. Фадеев Е.Т. Проблема бессмертия человечества у К.Э. Циолковского и в марксизме. Труды IX Чтений К.Э. Циолковского. К.Э. Циолковский и философия проблемы освоения космоса. – М.: АН СССР, 1975. – С. 7-10.
14. Циолковский К.Э. Атлас дирижабля из волнистой стали. – Калуга, 1931. – 24 с.
15. Циолковский К.Э. Библия и научные тенденции Запада. Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. ф.1, оп.1, д.163.
16. Циолковский К.Э. Блуждание материи при жизни одного существа. Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. ф.1, оп.1, д.141.
17. Циолковский К.Э. Воля вселенной. Неизвестные разумные силы. – Калуга, 1928. – 23 с.
18. Циолковский К.Э. Есть ли бог. (1 вариант, 2 редакция). Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. ф.1, оп.1, д.60.

19. Циолковский К.Э. Конспект космической философии. Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского, ф.1, оп.1, д.171.
20. Циолковский К.Э. Космическая философия. Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. ф.1, оп.1, д.164.
21. Циолковский К.Э. Монизм вселенной (конспект). – Калуга, 1925. – 84 с.
22. Циолковский К.Э. Натуральные основы. Архив РАН. ф.555, оп.1, д.510.
23. Циолковский К.Э. Научная этика. - Калуга, 1930. – 54 с.
24. Циолковский К.Э. Непрерывность высшей жизни. Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. ф.1, оп.1, д.107.
25. Циолковский К.Э. Планеты заселены живыми существами. Архив РАН, ф.555, оп.1, д.505.
26. Циолковский К.Э. Род или характеристика познания. Архив РАН. ф.555, оп.1, л.492.
27. Alepko L., Finney B., Lytkin V. Tsiolkovsky, Russian Cosmism And Extraterrestrial Intelligence. The Quarterly Journal Of The Royal Astronomical Society. – London: Vol.36, # 4, December, 1995. – p. 369-376.
28. Finney B., Lytkin V. Tsiolkovsky And Extraterrestrial Intelligence. Abstracts. 47-th International Astronautical Congress. IAA. 9.2. SETI : Interdisciplinary Aspects. Beijing, 7-11 October, 1996.
29. Finney B., Finney L., Lytkin V. Tsiolkovsky and Extraterrestrial Intelligence. Acta Astronautica. – Great Britain: Elsevier Science Ltd. Vol.46, No.10-12, 2000. – p. 745-749.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 4414

А.И. Решетникова**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ,
БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЛЕЧЕБНЫХ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

В статье дана краткая характеристика личности осужденных, больных туберкулезом, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Ключевые слова: личность осужденного, больной туберкулезом, места лишения свободы.

Личность осужденного является одним из объектов криминологического внимания, а на практике главным объектом психолого-педагогического воздействия. Одной из главных задач исправительных учреждений Службы по исполнению наказаний является исправление осужденных, но решить эту задачу невозможно без изучения их личности.

Криминологическое изучение личности осужденного ориентированы на выявление тех особенностей, которые привели его в места лишения свободы, особенностей, которые будут детерминировать после освобождения, а также его способность адаптироваться к условиям жизни после освобождения из мест лишения свободы.

В литературе отмечается проблема слабой изученности личности осужденных, больных туберкулезом.

Среди факторов изучения личности осужденных, больных туберкулезом, важное место занимает возраст. Возраст определяет поведение человека, его интересы, потребности, жизненные планы, возможности создания семьи, получения специальности и образования.

Как показывают данные проведенного исследования, в лечебных исправительных учреждениях основную массу осужденных, больных туберкулезом, составляют лица в возрасте 18-39 лет (64,9%), больные в возрасте 40-49 лет составляют 24,3%.

У осужденных молодого и среднего возраста туберкулез чаще отягощен ВИЧ-инфекцией, алкоголем, наркоманией. Эта категория осужденных в наибольшей мере нуждается в интенсивном лечении, воспитательном и психологическом воздействии в период отбывания наказания. Из общего числа осужденных, больных туберкулезом, 4,6% ВИЧ-инфицированы, 8,9% – страдают алкоголизмом, 8,9% – наркоманией, 1,5% – имеют психические расстройства.

Семья, как известно, оказывает интенсивное воспитательное воздействие на личность и явля-

ется важным фактором ее формирования. Наличие семьи и сохранение семейных и родственных отношений в период отбывания наказания может оказать на осужденного положительное влияние, помочь в процессе социальной адаптации после освобождения, облегчить задачу вхождения в новую социальную среду, решить проблемы жилищного и трудового устройства.

Данные свидетельствуют о ряде неблагоприятных тенденций, касающихся семейного положения осужденных. На момент ареста 67,2% осужденных, больных туберкулезом, не состояли в браке. К причинам этого следует отнести: злоупотребление спиртными напитками, употребление наркотиков, уклонение от трудовой деятельности. У 16,2% – брак распался во время отбывания наказания.

Высокий показатель распада семьи осужденных, больных туберкулезом, вызван, по всей видимости, негативными личностными качествами осужденных и сложностью контактов в связи с их инфекционной болезнью.

Данные, полученные в результате исследования, показали, что каждый пятый осужденный, больной туберкулезом до ареста не имел постоянного места жительства, занимался бродяжничеством. Основными причинами отсутствия жилья являлись неоднократные судимости и разрыв социально полезных, семейных и родственных связей. Нищенское существование, отсутствие жилья, несоблюдение элементарных санитарно-гигиенических правил является одной из ведущих причин распространения туберкулеза.

Разрушение семейных связей, отсутствие жилья, желания и возможности в связи с заболеванием работать являются основными причинами асоциального образа жизни больных туберкулезом, освободившихся из мест лишения свободы. Эта категория лиц относится к основным источникам пополнения отряда бездомных.

Проведенное исследование показывает, что каждый второй осужденный, больной туберкуле-

зом недооценивает серьезность своего заболевания и необходимость продолжения лечения в условиях свободы. Среди возрастных групп наибольшую долю больных с указанным отношением к болезни и лечению составляют лица в возрасте 18-24 года.

У осужденных, страдающих туберкулезом, нередки отказы от лечения, а также случаи сознательного нарушения правил личной и общественной гигиены, целенаправленные попытки заражения других лиц.

Недооценка больным туберкулезом серьезности своего заболевания и необходимости лечения является негативным фактором в их последующей социальной адаптации к новым условиям.

Характеристика личности в значительной мере определяется и характером совершенного преступления. В зависимости от того, какое совершено преступление, можно судить о морально-психологическом облике осужденного. Уголовно-правовая характеристика осужденных имеет значение для организации воспитательно-го процесса в местах лишения свободы.

Как показало исследование, большинство осужденных, больных туберкулезом отбывают наказания за особо тяжкие и тяжкие преступления: 14,5% осужденных отбывают наказание за

убийство, 37% – за кражу; 9% – за грабеж, 10% – за разбой, 5% – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Основное число осужденных, больных туберкулезом, составляют лица, неоднократно отбывавшие наказание в местах лишения свободы. Более половины осужденных, больных туберкулезом, имеют более трех судимостей, а каждый пятый – более пяти. Общий срок нахождения в местах лишения свободы (в течение жизни) у 19% больных туберкулезом – 10-14 лет, а у каждого четвертого (25,8%) – более 15 лет.

Лица, осужденных неоднократно к лишению свободы отличает повышенная степень общественной опасности и социально-нравственной запущенности. Наказание в виде лишения свободы с одной стороны защищает общество от преступных посягательств, а с другой исключает осужденных из нормальной жизни, разрушает их положительные связи, затрудняет или делает невозможным вхождение в нормальную жизнь на свободе. Отбытие наказания в виде лишения свободы ставит перед освобожденными множество вопросов и проблем, связанных с бытовым и трудовым устройством. В связи с этим им нужна помощь и контроль со стороны государственных учреждений.

Список литературы

1. Гуськов В.И. «Характеристика осужденных, освобождаемых из исправительно-трудовых учреждений и проблема их социальной адаптации»//Тр./ВШ МВД СССР, 1975.-№3. –С. 101.
2. Кузнецов А. А., Санников А.Л. «Социальная характеристика больных туберкулезом в пенитенциарных учреждениях»//Проблемы туберкулеза.1998, №5. –С. 12.
3. Антонян Ю.М. «Исследование личности осужденного» // Исправительно-трудовые учреждения. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – №20. – С. 48.
4. Аванесов Г.А., Дурлыназаров Т. «Социально-правовая характеристика личности осужденных к лишению свободы» // Тр./ ВНИИ МВД СССР.– М., 1969. №14.– С. 27.
5. Решетникова А.И. «Правовые вопросы подготовки к освобождению осужденных больных туберкулезом и их социальная адаптация» Автореферат. дис. канд. юр. наук. – ВНИИ МВД.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9+ 616.89

**И.Ю. Ахмерова, Н.Р. Тулбаева, А.М. Прокопьева
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
К ОКАЗАНИЮ КОМПЛЕКСНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ
С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА**

В статье приведена информация об оказании специализированной помощи детям с психическими расстройствами аутистического спектра в Республике Башкортостан. Аутизм – усиливающееся нарушение развития, проявляющееся с первых трёх лет жизни. Большинство детей, страдающих аутизмом похожи на других детей, но совершают непонятные действия, тем самым заметно отличаются поведением от типичных детей. В менее тяжелых случаях спектра нарушения развития у детей, как правило, развита речь и даже могут быть интеллектуально одаренные, но они имеют один или более "аутистические" социальные и поведенческие проблемы. Существовало общепринятое мнение, что аутизм был необратимым заболеванием. Однако в настоящее время существует целый ряд процедур и подходов к его коррекции и излечению.

Ключевые слова: психические расстройства аутистического спектра, детский аутизм, помощь детям с аутизмом.

Термин «аутизм» введен в медицину более ста лет назад известным философом и психиатром Э. Блейлером. Термин «autismus» он использовал при описании симптомов шизофрении. В основу этого неолатинизма, означающего «ненормальное самолюбование», положено греческое слово αὐτός – «сам», намереваясь подчеркнуть «аутистический уход пациента в мир собственных фантазий, любое внешнее воздействие на который воспринимается как нестерпимая назойливость. Л. Каннер, описывая сходство черт поведения нескольких больных детей, употребил словосочетание «ранний детский аутизм», отметив их «аутистическое уединение» и «стремление к постоянству», которые в наше время считаются типичными проявлениями аутистического спектра. То, что слово «аутизм» было позаимствовано Каннером из терминологии, относившейся к другому расстройству, внесло путаницу в описания, привело к расплывчатому использованию понятий вроде «детская шизофрения». При этом увлечённость психиатрии явлением материнской депривации привела к ложной оценке аутизма как реакции малыша на холодную, отвергающую мать. Однако, сейчас аутизм рассматривается как самостоятельное заболевание. Выделяют четыре основных группы признаков и симптомов: ранний аутизм (у детей до двух лет), детский аутизм (у детей от двух до одиннадцати лет), подростковый аутизм (у тинейджеров от одиннадцати до восемнадцати лет) и аутизм взрослых. Аутизм сильно влияет на ра-

нее развитие ребенка, а последствия этого влияния, как правило, отражаются на всей жизни человека [1; 2; 3; 4] «Ребенком дождя» называют ребенка, который болен аутизмом. Такие дети создают свой внутренний мир и не контактируют с окружающим миром, либо контактируют с ним частично, но главным и более интересным для них остаётся свой "мир". Нарушения социальных взаимодействий отличают расстройства аутистического спектра от остальных расстройств развития. Человек с аутизмом неспособен к полноценному социальному общению и зачастую не может, подобно обычным людям, интуитивно почувствовать состояние другого человека. Т. Грандин, известная женщина-аутист, описала неспособность вникнуть в социальные взаимодействия нейротипиков, или людей с нормальным нейроразвитием, как ощущения «антрополога на Марсе» [5].

Ранний детский аутизм (РДА) – общее расстройство развития, определяющееся наличием аномального или нарушенного развития, которое проявляется в возрасте до 3 лет, и аномальным функционированием во всех сферах социального взаимодействия, общения и ограниченного повторяющегося поведения. Аутизм, симптомы которого включают неспособность выражения собственных переживаний и неспособность их понимания по отношению к другим людям, сопровождается затруднениями разговорной речи и в некоторых случаях снижением интеллектуальных способностей. При аутизме большее час-

то используют избыточное, навязчивое повторение, касающееся определенной модели поведения, игр и интересов: аутостимуляцию. Однако, «типичного» поведения у больных аутизмом не существует, обобщение и создание единого образа больных является невозможным. Люди с аутизмом могут вести себя по-разному, что определяет конкретная форма этого заболевания в каждом из случаев. Родители больных аутизмом детей выделяют такую их особенность, как избегание ими контакта, предпочтение играм в одиночку. Для определения диагноза аутизм необходимо присутствие характерной аутической триады:

- трудности с социальными коммуникациями,
- трудности с социальным воображением,
- трудности с социальным взаимодействием.

Большая часть людей, у которых поставлен диагноз аутизм, (диагностирован у взрослых или у детей), проблемы, связанные с организацией и регуляцией адекватных, разносторонних и глубоких взаимоотношений с окружающими людьми, переживает трудности отношений и общения всю жизнь, однако, диагностика и коррекция аутизма в пределах ранней стадии его проявления у больного, а также последующее лечение – все это позволяет все большему количеству людей постепенно реализовать собственный потенциал.

Многие родители полагают, что их ребенок не начал разговаривать в три года и не идет на контакт со взрослыми людьми и сверстниками только потому, что он индивидуальность. Однако, это лишь затрудняет коррекцию состояния ребенка. Члены семьи принимают на себя поведение ребенка, это проявляется в замкнутости самой семьи и не желании взаимодействовать с социумом. Часто в семьях, воспитывающих «особого» ребенка, у родителей появляется излишняя требовательность и нормативность по отношению к остальным членам семьи, в том числе и к самим себе. Иногда считается, что аутичному ребенку нужна нормативность и правильность, псевдоуважение и ориентация на проблему, однако, в первую очередь ему нужны живые, свободные, естественные, пусть и не всегда позитивные, реакции и люди, которые будут учитывать его особенности. Зачастую у матери возникает некая коалиция с аутичным ребенком, и все остальные члены семьи идут «побок», что не полезно ни аутисту, ни остальным членам

семьи [6; 7; 8; 9; 10; 11]. Состояние аутичного ребенка напрямую зависит от «поля», в котором он живет, а этим полем является вся семья. Поэтому очень важно всем членам семьи сохранять равные отношения друг с другом, не подчиненные аутичному ребенку.

Бессознательное нежелание преодолеть аутизм у ребенка может быть связано и с нарушением доверия к миру у его матери. Аутичный же ребенок не доставит матери тревоги за его жизнь, которую она будет постоянно испытывать, если он будет отделен [12; 13; 14; 15; 16; 17]

В отличие от детей симптомы аутизма у взрослого очень заметны. Признаки аутизма у взрослых

- У больного скуден словарный запас. Он повторяет слова и фразы много раз.
 - Речь однообразна, отсутствуют интонации.
 - Велика привязанность к определенным предметам, привычкам. Может возникнуть сильный испуг при переменах.
 - Равнодушен к чувствам и намерениям других людей. Человек живет в мире собственных иллюзий.
 - Не может обратиться первым к кому-либо.
 - Не воспринимает элементарные правила принятые в обществе. Может слишком тихо или громко разговаривать, пристально смотреть в глаза или, наоборот, не контактировать взглядом с собеседником.
 - Некоторые взрослые, страдающие аутизмом, совершают множественные бессмысленные движения.
 - У больных могут возникнуть припадки, которые могут привести к различным отрицательным, непредсказуемым последствиям.
 - Человек неспособен к нормальному общению. Он не может почувствовать интуитивно состояние человека, находящегося рядом с ним.
 - Объятия и близость для них попытка ограничения их движений в пространстве.
- Согласно современной классификации, пациентов, страдающих от аутизма, разделяют на пять групп.
- Первая группа – пациенты, которые не взаимодействуют с окружающим миром.
 - Вторая группа – замкнутые в себе люди; любят часами заниматься любимым занятием. Могут длительное время не испытывать желания спать, есть, отдыхать.
 - Третья группа – люди, не воспринимающие нормы общества.

- Четвертая группа – больные аутизмом взрослые, не умеющие бороться с проблемами, часто обижаются на кого-либо.

- Пятая группа – люди, страдающие аутизмом, которые становятся успешными программистами, музыкантами, писателями, то есть независимо от заболевания, адаптируются в обществе [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Лечение аутизма у взрослых связано с его адаптацией в обществе, прекращением прогрессирования заболевания. Чем раньше будет начата борьба с заболеванием, тем лучших результатов можно достигнуть [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31].

Дети с аутизмом и их семьи нуждаются в комплексной этапной межведомственной и междисциплинарной лечебно-реабилитационной помощи с участием врачей-педиатров, психиатров, неврологов, генетиков, медицинских психологов, логопедов, дефектологов, специалистов функциональной диагностики, педагогов и психологов. в настоящее время остро стоит проблема вторичной аутизации семьи, воспитывающей аутичного ребенка, остается не решенной; в современном обществе только начинают развиваться программы коррекционного обучения и терапии для семей воспитывающих «особых детей». Им нужна целая система медико-психолого-педагогической реабилитации детей с аутизмом, основанная на дифференциальном подходе в зависимости от возраста и тяжести состояния, когда на ее различных этапах можно было бы задействовать учреждения образования, здравоохранения и социальной защиты населения. К сожалению, с течением времени количество расстройств аутистического спектра не становится меньше, это связано, в том числе с тем, что появляются специалисты, способные диагностировать данное расстройство. При этом все же остается огромное число маленьких пациентов, которые за помощью к врачу-психиатру обращаются поздно, в связи, с чем и прогноз становится неблагоприятным [32; 33; 34; 35; 36; 37; 38]

Важнейшим прогностическим фактором является уровень интеллектуального и речевого развития в возрасте 5-6 лет. Если дети к этому возрасту имеют относительно развитую речь и достаточный уровень интеллектуального развития, можно рассчитывать на сравнительно благоприятный, долгосрочный прогноз [39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48]. 1-5% больных аутизмом практически не имеют отклонений во взрослом возрасте, 5-15% имеют пограничные

психопатологические отклонения, 16-25% сохраняются психические отклонения, которые хорошо поддаются терапии.

Б. Беттельхейм [49] писал, что аутизм может возникнуть как следствие травматических переживаний, происходящих в трех различных критических периодах. Первый период приходится на шестимесячный возраст, который предшествует формированию «базового доверия» и появлению «страха незнакомцев». Дети, у которых аутизм был обнаружен именно в этом возрасте, не могли завязывать отношения с другими из-за жестокого разочарования в этом мире. Второй период длится от шести до девяти месяцев и захватывает стадию формирования «базового доверия». Ребенок начинает осознавать других людей как индивидов. Если он попытается в этот момент установить контакт с другим, но интересующий его человек окажется безучастным к его попыткам, то ребенок может отказаться от дальнейших попыток завязывать отношения. Не найдя другого, ребенок не может найти и себя. Третий период приходится на возраст от восемнадцати месяцев до двух лет. Возникновение аутизма в этот период автор теории обуславливает тем, что теперь ребенок может идти на контакт или избегать его не только эмоционально, но и физически. Выход из аутизма возможен только при изменении фрустрирующей ребенка семьи. В своих работах он подчеркивал необходимость теплого отношения к ребёнку, попыток понять его, чтобы даже дети с наиболее тяжёлой формой расстройства чувствовали, что могут развиваться в соответствии со своими внутренними побуждениями.

С 2001 года, когда проблема аутизма была объявлена Всемирной организацией здравоохранения одной из ведущих в психиатрии, по всей России начали формировать программы помощи детям с аутистическими расстройствами. Не исключением стала и Республика Башкортостан.

В целях совершенствования организации оказания психиатрической помощи детскому населению Республики Башкортостан, формирования базы данных и в связи с подготовкой к реализации целевой программы оказания специализированной помощи детям с психическими расстройствами аутистического спектра в Республике Башкортостан, издан приказ Минздрава Республики Башкортостан «О маршрутизации детей с психическими расстройствами аутистического спектра», утверждающий алгоритм выявления, обследования, лечения, реабилитационных ме-

роприятий и последующего наблюдения за детьми и подростками с расстройствами аутистического спектра. Ежеквартально организационно-методическим отделом Республиканской клинической психиатрической больницы №1 Министерства здравоохранения Республики Башкортостан осуществляется сбор статистических показателей районов и городов республики для формирования базы данных по Республике Башкортостан детей, страдающих расстройствами аутистического спектра.

С целью проведения генетического обследования детей с подозрением на ранний детский аутизм налажено межведомственное взаимодействие с Академией наук Республики Башкортостан. Совместно с Ресурсным центром по обучению людей с ограниченными возможностями педагогического колледжа образования и профессиональных технологий города Салават осуществляется обучение специалистов для работы с детьми, страдающими расстройствами аутистического спектра.

За последние три года в условиях детского отделения Республиканской клинической психиатрической больницы №1 Минздрава Республики Башкортостан пролечено 54 ребенка с диагнозами ранний детский аутизм и атипичный аутизм (11 и 43 соответственно).

В процессе стационарного обследования и лечения дети с аутистическими расстройствами получают комплексную квалифицированную помощь. После диагностических мероприятий проводимых врачом-психиатром, педиатром, врачом-неврологом, реабилитологом, логопедом-дефектологом, медицинским психологом, определяется тактика лечения и последующая реабилитация.

В условиях детского отделения широко используется метод иппотерапии. У детей, страдающих аутизмом, лошадь становится связующим звеном между внутренним миром ребенка и окружающей реальностью. Во время занятий иппотерапией ребенок остается внутри своего, безопасного и привычного мира, но в тоже время взаимодействует с окружением. Занятия иппотерапией требуют концентрации внимания, что повышает способность ребенка с аутистическими расстройствами адекватно реагировать на внешние раздражители. Иппотерапия становится психотерапевтическим и психокоррекционным методом реабилитации, так как не требует использования речи. На занятиях дети путем под-

ражания и многократных повторений одного и того же движения, управления прикосновением к телу обучаются общению.

Врач-психотерапевт перед занятием проводит тщательный отбор маленьких пациентов, беседуя с ребенком и его родителями, объясняя методику терапии, ее частоту и планируемые результаты, а также преодолевая страх и сомнение родителей перед новым методом лечения. Во время занятий врач-психотерапевт и иппотерапевт всегда находятся рядом с ребенком.

Средний курс иппотерапии составляет 10-12 сеансов два раза в неделю по 30 минут. Каждому ребенку подбирается индивидуальный курс и дозировка нагрузки в зависимости от особенностей заболевания и общего состояния организма с постепенным наращиванием в процессе лечения. Интенсивные нагрузки чередуются с относительно отдыхом – катанием на лошади. Программа лечебного курса иппотерапии составляется таким образом, чтобы 15% упражнений обновляются, а 85% повторяются для закрепления достигнутых успехов. Зачастую при последующих поступлениях на стационарное лечение проводятся повторные курсы.

В течение года лечение методом иппотерапии проходят около 47-50 пациентов детского отделения в возрасте от 5 до 15 лет.

Медицинский психолог детского отделения широко использует в работе с детьми, страдающими аутистическими расстройствами, элементы метода АВА (прикладной анализ поведения), который оказывает влияние на поведение. Применение прикладного поведенческого анализа формирует у детей моторные, речевые, познавательные навыки, социализирует, приучает к самостоятельному обслуживанию, а также уменьшает проявления агрессивных, аутоагрессивных форм поведения. В процессе лечения и реабилитации пациентов проводятся занятия с родителями, которые помогают сформировать навыки по уходу и продолжением реабилитационных занятий с ребенком после завершения стационарного лечения.

Дополнительно планируется расширение лечебно-реабилитационных мероприятий введением в курс терапии метода микрополяризации.

Проблема расстройств аутистического спектра является ключевой в детской психиатрии и требует поиска новых реабилитационных подходов и профилактической стратегии в оказании помощи.

Список литературы:

1. Блейлер Е. Аутистическое мышление // Хрестоматия по общей психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 112-125.
2. Ремшмидт Х. Аутизм. Клиническое проявление, причины и лечения. М.: Медицина, 2003. – 126 с.
3. Расстройства аутистического спектра у детей /. Под ред. Н.В.Симашковой. – М.: Авторская академия, 2013.
4. Ткачева В.В. Гармонизация внутри семейных отношений: Мама, папа, я – дружная семья. Практикум по формированию внутри адекватных отношений. – М.: Гном и Д, 2000. – 153 с.
5. Sacks O An Anthropologist on Mars: Seven Paradoxical Tales. – Knopf, 1995.
6. Аутизм / Под.ред. проф. Э.Г. Улумбекова. – М.: Гэотар-мед, 2002.
7. Аутичный ребенок: пути помощи. – М.: Теревинф, 1997. – 342 с.
8. Баенская Е.Р. Особенности раннего аффективного развития аутичного ребенка в возрасте от 0 до 1,5 лет // Дефектология. – 1995. – № 5. – С. 76-83.
9. Башина В.М. Ранний детский аутизм // Исцеление. – М., 1993. – С. 154-165.
10. Хаустов А.В. Основные этапы и особенности развития игровой деятельности в норме и при аутистических нарушениях // Аутизм и нарушение развития. – 2004. – № 3. – С. 18-24.
11. Scahill L., Bearss K. The rise in autism and the mercury myth // J. Child. Adolesc. Psychiatr. Nurs. 2009. Vol. 22, N 1. P. 51-53.
12. Szpir M. Tracing the origins of autism: a spectrum of new studies // Environ. Health Perspect. 2006. Vol. 114, N 7. P. 412-418.
13. Trottier G., Srivastava L., Walker C.D. Etiology of infantile autism: a review of recent advances in genetic and neurobiological research // J. Psychiatry Neurosci. 1999. Vol. 24, N 2. P. 103-115.
14. Wazana A., Bresnahan M., Kline J. The autism epidemic: fact or artifact? // J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry. 2007. Vol. 46, N 6. P. 721-730.
15. Williams J.G., Higgins J.P.T., Brayne C.E.G. Systematic review of prevalence studies of autism spectrum disorders // Arch. Dis. Child. 2006. Vol. 91, 1. P. 8-15.
16. Wing L., Potter D. The epidemiology of autistic spectrum disorders: is the prevalence rising? // Ment. Retard. Dev. Disabil. Res. Rev. 2002. Vol. 8, N 3. P. 151-161.
17. Zafeiriou D.I., Ververi A., Vargiami E. Childhood autism and associated comorbidities // Brain Dev. 2007. Vol. 29, N 5. P. 257-272.
18. Бойченко А. Заколдованные принцы. А вы боитесь быть счастливыми? // Московский комсомолец. – 1999. – 5 августа. – С. 3.
19. Веденина М.Ю. Использование поведенческой терапии аутичных детей для формирования навыков бытовой адаптации. Сообщение I // Дефектология. – 1997. – № 2. – С. 31-40.
20. Вейс Т.Е. Ранний детский аутизм // Как помочь ребенку: опыт лечебной педагогики в Кэмпхилл общинах. – М.: Московский Центр вальдорфской педагогики, 1992.
21. Bolte S., Poustka F., Holtmann M. Trends in autism spectrum disorder referrals // Epidemiology. 2008. Vol. 19, N 3. P. 519-520.
22. Caronna E.B., Milunsky J.M., Tager-Flusberg H. Autism spectrum disorders: clinical and research frontiers // Arch. Dis. Child. 2008. Vol. 93, N 6. P. 518-523.
23. Fombonne E. The prevalence of autism // JAMA. 2003. Vol. 289, N 1. P. 87-89.
24. Fombonne E., du Mazaubrun C. Prevalence of infantile autism in four French regions // Soc. Psychiatr. Psychiatr. Epidemiol. 1992. Vol. 27, N 4. P. 203-210.
25. Freitag C.M. The genetics of autistic disorders and its clinical relevance: a review of the literature // Mol. Psychiatry. 2007. Vol. 12, N 1. P. 2-22.
26. Gardener H., Spiegelman D., Buka S.L. Prenatal risk factors for autism: comprehensive meta-analysis // Br. J. Psychiatry. 2009. Vol. 195, N 1. P. 7-14.
27. Hertz-Picciotto I., Delwiche L. The rise in autism and the role of age at diagnosis // Epidemiology. 2009. Vol. 20, N 1. P. 84-90.
28. Honda H., Shimizu Y., Rutter M. No effect of MMR withdrawal on the incidence of autism: a total population study // J. Child. Psychol. Psychiatry. 2005. Vol. 46, N 6. P. 572-579.
29. Levisohn P.M. The autism-epilepsy connection // Epilepsia. 2007. Vol. 48, Suppl. 9. P. 33-35.

30. Rutter M. Incidence of autism spectrum disorders: changes over time and their meaning // *Acta Paediatr.* 2005. Vol. 94, N 1. P. 2-15.
31. Гилберг К., Питерс Т. Аутизм: медицинские и педагогические аспекты. - СПб.: ИСПиП, 1998.
32. Грэндин Т., Скариано М.М. Отворяя двери надежды. Мой опыт преодоления аутизма. - М.: Центр лечебной педагогики, 1999.
33. Детский аутизм: Хрестоматия / Сост. Л.М. Шипицына. - СПб.: Дидактика плюс, 2001. - 368 с.
34. Дилигенский Н. Слово сквозь безмолвие. - М.: Центр лечебной педагогики, 2000. - 96 с.
35. Егорова Е. Человек дождя не вырастет в России // *Московский комсомолец*. 1998. - 13 октября. - С. 4.
36. Жуков Д.Е. Центральные личностные функции у родителей детей с синдромом РДА // *Биопсихосоц. парадигма медицины и её влияние на развитие психоневрологич. науки и практики: Мат-лы науч.-практ. конф. молодых ученых, СПб, 28 февраля – 3 марта 2002 г.* - СПб.: Изд. НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2004. - 244 с.
37. Карвасарская И.Б. В стороне. Из опыта работы с аутичными детьми. - М.: Теревинф, 2003. - 70 с.
38. Карвасарская И.Б. Психологическая помощь семье с аутичным ребенком // *Коррекционная педагогика, специальная психология.* - Курск: Курск. гос. ун-т, 2003. - 271 с.
39. Лебединская К.С., Никольская О.С. Дефектологические проблемы раннего детского аутизма. // *Дефектология.* - 1994. - № 2. - С.3-8.
40. Либлинг М. М. Холдинг-терапия как форма психологической помощи семье, имеющей аутичного ребенка // *Дефектология.* - 1996. - № 3. - С. 56-66.
41. Мастюкова Е.М., Московкина А.Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.И. Селиверстова. - М.: ВЛАДОС, 2003. - 408 с.
42. Никольская О.С. Проблемы обучения аутичных детей // *Дефектология.* - 1995. - № 2. - С. 8-17.
43. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Костин И.А., Веденина М.Ю., Аршатский А.В., Аршатская О.С. Дети и подростки с аутизмом: психологическое сопровождение.- М.: Теревинф, 2008. - 224 с.
44. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок: пути помощи. - М.: Теревинф, 2000. - 336 с.
45. Победить аутизм. Метод семьи Кауфман / Сост. Н.Л. Холмогорова. - М.: Центр лечебной педагогики, 2005.
46. Подготовка к обучению детей с ранним детским аутизмом // *Дефектология.* - 1997. - №4. - С.80-86, 1998. - №1. - С. 69-80.
47. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. - М.: МГУ, 1990. - 197 с.
48. Янушко Е.А. Игры с аутичным ребенком. Установление контакта, способы взаимодействия, развитие речи, психотерапия. Изд.2-е. - М.: Теревинф, 2007. - 136 с.
49. Беттельхейм Б. Пустая крепость. Детский аутизм и рождение Я / Пер. с англ. - М.: Академический проект: Традиция, 2004. - 784 с.

ГБУЗ Республиканская клиническая психиатрическая больница №1 МЗ РБ, Уфа

УДК 159 955

О.Н. Бакурова
ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ПРОБЛЕМЕ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ

В статье раскрывается сущность феномена «чувствительность к проблеме», обосновывается актуальность его изучения в связи с модернизацией системы высшего профессионального образования и необходимостью критериальной оценки компетентностей, определяющих готовность студентов к ведению профессиональной деятельности. Описаны показатели проявления, критерии и уровни развития чувствительности к проблеме. Представлен опыт разработки диагностической методики рассматриваемого феномена, стимулирующим материалом к которой выступают учебные задачи с профессиональным содержанием.

Ключевые слова: компетентность, чувствительность к проблеме, учебные задачи с профессиональным содержанием (квазипрофессиональные задачи), студенты-психологи, критерии чувствительности к проблеме, уровни чувствительности к проблеме, методика диагностики чувствительности к проблеме.

В настоящее время в условиях развития новой экономики, в которой основным ресурсом становится мобильный и высококвалифицированный человеческий ресурс, в России проводится активная модернизация системы образования. Термины «Федеральный государственный образовательный стандарт», «системно-деятельностный подход в обучении», «инновационные технологии», «компетенции» и «компетентности» стали неотъемлемой частью общения всех субъектов образовательного процесса: от административных работников до обучающихся и их родителей.

Главными целевыми установками в реализации внедрения Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения являются компетенции, полученные учащимися в ходе обучения, при этом под термином «компетенция» понимается способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области.

В понятие «компетенция» в качестве составных частей входят и знания, умения и навыки, и личностные качества (инициативность, целеустремленность, ответственность, толерантность и т.д.) и социальная адаптация (умение работать как самостоятельно, так и в коллективе) и профессиональный опыт. *В совокупности все эти компоненты формируют поведенческие модели – когда выпускник способен самостоятельно сориентироваться в ситуации и квалифицированно решать стоящие перед ним задачи (а в идеале и ставить новые)* [15]

Таким образом, «...компетентностный под-

ход предусматривает иную роль студента в учебном процессе. В его основе – работа с информацией, моделирование, рефлексия. Студент должен уметь не просто воспроизводить информацию, а самостоятельно мыслить и быть готовым к реальным жизненным ситуациям» [15]. Вместе с тем, профессиональная подготовка будущего специалиста определяет специфику тех компетенций (другими словами – профессионально важных качеств), которыми он должен овладеть (приобрести) в процессе обучения в вузе.

Педагоги высшего образования (как и любого другого направления современного образования) на сегодняшний момент столкнулись с необходимостью выделения достижимых на практике и измеряемых критериев оценки сформированности компетенций у обучающихся в рамках учебного процесса, а также с необходимостью поиска инструментов подобного измерения.

Так получилось, что описанные выше кардинальные изменения в образовании, сделали востребованным проводимое нами с 2006 по 2010 гг. исследование, представленное в результатах диссертационной работы [5]. Исследование как раз было направлено на возможность диагностики уровня развития одного (одного!) из основных профессионально важных качеств личности (формулировка 2010 г.) студента выбранного нами (одного!) направления профессиональной подготовки. Целью данной статьи является, помимо раскрытия содержания конкретного феномена, – демонстрация того, насколько сложно будет операционализировать большинство компетенций, прописанных в ос-

новых образовательных программах высшего профессионального образования (ООП ВПО).

На самом деле достаточно трудно из всего многообразия личностных и профессиональных качеств студентов отдельного направления подготовки выделить те, которые являются определяющими. Например, изучаемая нами категория студентов – будущие психологи-консультанты. Каким должен стать психолог-консультант в процессе вузовской подготовки? Он должен обладать следующими, обеспечивающими эффективность его профессионального становления, качествами: продуктивное, словесно-логическое и наглядно-действенное мышление, оперативная память, избирательное внимание, воображение, социальное восприятие, рефлексия, конгруэнтность, безоценочность, эмоциональная устойчивость, терпимость и мн.др. [8].

С одной стороны, рассматриваемые характеристики студентов-психологов (включенные в те или иные общекультурные, профессиональные и проч. компетентности), определяющие успешность их будущей профессиональной деятельности, должны быть диагностируемыми на стадии выбора профессии, в связи с чем возникает ряд трудностей: как определить доброту человека, чем измерить его альтруизм, гуманизм? С другой стороны, отдельные характеристики должны обязательно учитывать специфику мышления в нашем случае психолога-консультанта, которое, начиная с работ вюрцбургских психологов, трактуется как процесс решения задач и проблем, неразрывно связанный (в рассматриваемом случае) со сферой возрастно-психологического консультирования.

Эффект самостоятельного обнаружения и постановки мыслительных задач долгое время оставался не исследованным. Изучались прежде всего закономерности поиска решения задачи. «Мышление как бы начиналось от задачи и завершалось ее решением» [10, С. 15]. Успешность процесса решения задач и проблем обуславливалась в том числе и чувствительностью к проблеме, рассматриваемой Дж. Гилфордом в числе факторов интеллекта [7] и разрабатываемой другими исследователями как одной из основных черт творческой личности [6]. В научной литературе можно встретить многочисленные ссылки на то, что до сих пор психология «... лишь констатировала факты усмотрения проблемы и постановки вопроса...» и «... не

объясняла смысл усмотрения проблемы и постановки вопроса...» [13, С. 125].

Чувствительность к проблеме можно рассматривать как отдельный компонент в списке инициативных проявлений в мышлении, изучаемых рядом отечественных и зарубежных психологов (А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, В.В. Заботин, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, И.А. Петухов, Н.Л. Элиава, К. Duncker, R.S. Feldman и др.). Так, А.Г. Асмолов и В.А. Петровский ввели в обиход понятие «надситуативной активности» [2, С. 64], Д.Б. Богоявленская рассматривала в своих работах «социальную детерминированность» и «свободную инициацию мышления» [6, С. 121], Д.Н. Узнадзе и Н.Л. Элиава пользуются понятием «акт объективации» [10, С. 10], А.М. Матюшкин приводит термин «познавательная активность» [12, С. 16], И. Функе и П.А. Френш обращают внимание на факторы, определяющие успешность решения комплексных задач [14, С. 44-46], В.Ф. Спиридонов рассматривает эвристики как базовый компонент при анализе возникающих проблемных ситуаций [13, С. 78]. Несмотря на различие используемой терминологии для обозначения рассматриваемого феномена, все приведенные авторы признают, что любая задача призвана инициировать мыслительную активность решающего ее субъекта. Сущность этой активности заключается в обнаружении исходного противоречия в условиях задачи, которое удовлетворяло бы ее требованиям. «Усмотрение» противоречия в задаче призвано указать направление выбора релевантных способов действий по дальнейшему решению задачи. Такого рода релевантный выбор Е.В. Кочетовская и обозначает термином «чувствительность к проблеме» [10, С. 13].

Анализ «чувствительности к проблеме» не сводится к сумме элементов, представляющих собой целостную систему, а особенности проявления «чувствительности к проблеме» определяют ее место в структуре когнитивного компонента инновационной деятельности. «Чувствительность к проблеме» связывает между собой такие элементы когнитивного компонента как творческие способности, новые знания, инновационное мышление, возможности познающего субъекта [7, С. 59].

Исследования проводимые Е.В. Кочетовской (1999), С.С. Лифановой (2003), О.М. Куколевой (2004) представляют собой развернутый теоре-

тический анализ содержания феномена чувствительности к проблеме как свойства личности и рассмотрение отдельных случаев его проявления в искусственно создаваемых условиях. Разработанный в общепсихологических исследованиях и в рамках педагогической психологии конструкт «чувствительность к проблеме» изучался, в основном, на решении творческих задач искусственной природы (Д. Дернер, 1997) или житейской практики (Е.В. Кочетовская, 1999; С.С. Лифанова, 2003), оставляя образовательный процесс за рамками исследований. Чувствительность к проблеме представлялась в контексте данных исследований как некая черта личности, наличие которой обеспечивает положительный или отрицательный результат решения задачи; верное или ложное конструирование эвристик. Можно в качестве примера привести разработанные методики, изучающие особенности функционирования данного феномена. Среди них методика В.Е. Ключко «Золотоискатели», в которой испытуемым предлагалось проанализировать литературный текст художественного содержания, заключающий в себе в скрытом виде противоречие, на основе которого может быть сформулирована задача физического содержания [9, С. 67] и методика «Видение проблемы» О.М. Краснорядцевой, в которой испытуемый должен был определить логически обоснованную последовательность действий при анализе и решении проблемы, возникшей на этапе очередного нововведения. Перед испытуемым ставилась задача представить решение проблемы в виде алгоритма (т.е. в определенной последовательности умственных действий, приводящих к решению управленческой проблемы). При выполнении задания испытуемый должен был проранжировать последовательность заранее предложенных действий, обозначенных в бланке. При обработке данных использовался такой критерий оценки как правильность решения задачи. Вывод делался на основе анализа допущенных ошибок: чем меньше ошибок, тем выше уровень «видения проблемы» [11, С. 18-21]. Указанные методики представляют собой практически полный перечень попыток диагностики чувствительности к проблеме у испытуемых и апробированы на менеджерах как на отдельной категории испытуемых.

Приведенные авторы демонстрировали значимость феномена на примере успешности решения практических задачах предметного или

логического типов, в оторванности от особенностей профессиональной деятельности мыслящего субъекта (в нашем случае – решении психологических задач возрастно-психологического консультирования, т.е. житейских проблем), освоение которой является наиболее значимой в настоящее время активного экономического и социального прогресса в общественной жизни отечественных и зарубежных стран. По нашему мнению, не обязательно полностью решать задачу для выявления качественного уровня развития чувствительности к проблеме, которая проявляется уже на начальных этапах решения задачи и значима именно на них.

Приходится признать, что до некоторого времени малоизученными, но актуальными оставались вопросы содержания феномена, его структуры, а также различных факторов, которые могли бы определять особенности его становления.

Каким образом диагностировать чувствительность к проблеме у человека? Как это сделать в условиях образовательного процесса? Обусловлена ли подобная избирательность в определении сущности проблемы или способа ее решения когнитивными и личностными особенностями студента или она определяется структурными характеристиками предлагаемых проблемных ситуаций? И, наконец, можно ли в условиях вузовской подготовки обеспечить качественный анализ студентами-психологами проблемных ситуаций будущей профессиональной деятельности?

Все поставленные вопросы получили свой однозначный, в настоящее время, к сожалению, единственный, ответ в ходе диссертационного исследования «Развитие чувствительности к проблеме у студентов-психологов в решении учебных задач с профессиональным содержанием» [5] и разработки методики «Диагностика уровня чувствительности к проблеме у психолога-консультанта» [4, С. 51-65].

Проведенное нами эмпирическое исследование, в котором на сегодняшний день приняло участие более 250 человек, позволило:

- определить содержание феномена «чувствительность к проблеме» как избирательность в отношении предметно релевантных признаков задачи, связей между ними и смыслового контекста, расширяющего ее проблемное поле [5, С. 77],

- вычленил и описать пять уровней развития чувствительности к проблеме у студентов-

психологов на последовательных этапах вузовского обучения (нечувствительность, псевдо-чувствительность, фрагментарная, достаточная и высокая чувствительность к проблеме);

- выделить показатели проявления чувствительности к проблеме, позволяющие обнаруживать ее у обучающихся в решении учебных задач, моделирующих ситуации возрастнопсихологического консультирования (избирательность в выделении признаков задачи, связей между ними, смыслового контекста ситуации, расширяющего ее проблемное поле);

- определить критерии развития чувствительности к проблеме, раскрывающие динамику изменений чувствительности к проблеме у студентов при обучении в вузе (мера релевантности выделенной информации значимому предметному содержанию проблемной ситуации и характер сопряженности этой информации с исходным противоречием в проблемной ситуации);

- установить взаимосвязи развития чувствительности к проблеме с когнитивными характеристиками (сформированность приемов практического мышления, мера усвоения значимых профессиональных знаний, характер мыслительных стратегий) и личностными характеристиками будущих психологов (уровень профессиональной направленности, зрелость мотивации выбора профессии, предпочитаемая сфера деятельности в профессии);

- разработать оригинальную методику, основанную на применении учебных задач с профессиональным содержанием, которая позволяет дифференцировать студентов-психологов с разными уровнями развития чувствительности к проблеме на различных этапах вузовской подготовки [4, С. 51–65].

В настоящей статье мы постараемся кратко изложить наиболее значимые из полученных результатов, хотя самый главный продукт нашей исследовательской деятельности – методика изучения чувствительности к проблеме – останется за рамками статьи в связи с ограничениями объема печатного текста.

Планируя исследование, мы руководствовались **целью** – выявить особенности развития чувствительности к проблеме в зависимости от сформированности у студентов общего способа ориентации в условиях учебных задач. Такими задачами, выступившими как средство диагностики рассматриваемого феномена, стали учебные задачи с профессиональным содержанием

(или квазипрофессиональные задачи возрастнопсихологического консультирования). В психолого-педагогической литературе подобный тип задач занимает особое место в образовательной подготовке будущих специалистов, поскольку в них, в отличие от учебных (обеспечивающих передачу и усвоение знаний) и учебно-профессиональных (подчиненных нормам профессиональных и социальных отношений) моделируются целостные фрагменты профессиональной деятельности, отражающие ее предметно-технологическое и социально-ролевое содержание. Квазипрофессиональные задачи «добавляют» в образовательный процесс такие моменты как: возможности динамической развертки содержания обучения, интериоризацию профессиональных функций и обязанностей, использование технологий будущей профессиональной деятельности.

Изучив, имеющиеся научные взгляды на понимание «задачи» и «проблемы» [3; 5, С. 15-48] мы сформулировали следующие выводы, которые легли в основу планирования и разработки методики диагностики чувствительности к проблеме:

- основными образовательными средствами, обеспечивающими трансляцию и усвоение знаний будущими специалистами-психологами выступают разного рода учебные задачи. На начальных этапах образовательной подготовки активно используются учебно-академические задачи, обеспечивающие операционализацию профессионально-значимых понятий. Однако, этот тип задач не позволяет сформировать у студентов способы ориентации в предметном содержании будущей профессиональной деятельности. Для этого в образовательный процесс активно внедряются *учебные задачи с профессиональным содержанием*, которые в педагогической психологии принято разделять на учебно-профессиональные и учебные задачи с профессиональным содержанием (так называемые, *квазипрофессиональные задачи*). Квазипрофессиональные задачи позволяют моделировать ситуации будущей профессиональной деятельности, открывая тем самым возможности для студентов-психологов осознать типичные ошибки начинающих специалистов и определиться со смыслами будущей профессии.

- структуру квазипрофессиональной задачи психологического консультирования можно представить через *признаки задачи, связи между ними и смысловой контекст*, раскрывающий

проблемное поле задачи. При анализе подобной задачи внимание должно сосредотачиваться на ее элементах, отличающихся по *мере релевантности* выделенной информации предметному содержанию проблемной ситуации (иррелевантные элементы ситуации представляют собой информацию, не имеющую отношения к проблеме клиента, либо оценочные суждения по проблеме; релевантные элементы ситуации отражают смысл проблемной ситуации: ее «поверхностный смысл» или ее суть) и *характеру сопряженности* выделенной информации исходному противоречию в проблемной ситуации (текст-сопряженные элементы ситуации представляют собой элементы, непосредственно включенные в текст ситуации; контекст-сопряженные элементы ситуации выражаются в элементах, непосредственно не включенных в текст ситуации, но которые можно извлечь из ее контекста).

– при наличии уточненной нами структуры квазипрофессиональных задач (на примере задач психологического консультирования), проведении аналогии в решении подобного рода задач с процедурой, положенной в основу развивающего обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова [5, С. 22-23] и разработанных нами критериях оценки продуктивности студентов в решении учебных задач, моделирующих условия будущей деятельности, обучающие функции квазипрофессиональных задач полностью возможно реализовать лишь при условии, что при их решении студенты активно осуществляют направленный мыслительный поиск, отвечающий за развитие у студентов умения «обнаруживать» проблемы в содержании ситуаций будущей деятельности, формулировать их на языке профессиональных знаний и осуществлять их анализ с точки зрения специалиста. Подобный мыслительный поиск в психологических исследованиях принято обозначать как «чувствительность к проблеме».

– существующие подходы к изучению чувствительности к проблеме раскрывают ее связь со способами ориентации субъекта в предметном содержании задачи: субъект выделяет из недифференцированного проблемного поля некое «видение» проблемы, но не может ее сформулировать и приступить к решению; «увидев» проблему, субъект способен ее оформить в рамках некой пропозициональной системы (сформулировать); субъект «чувствует» возможность решения проблемы и решение может

содержать не просто способы разрешения проблемной ситуации, но и ее преобразования (например, разбиение проблемы на ряд задач). Подобное видение феномена позволяет рассматривать «чувствительность к проблеме как избирательность в отношении предметно релевантных признаков задачи, связей между ними и смыслового контекста, расширяющего ее проблемное поле» [5, С. 77].

– диагностические возможности разработанных отечественными авторами методик не позволили осуществить перенос возможностей методик на сферу «субъект-субъектных» отношений, тем более не представлялось возможным использовать их в условиях вузовского обучения для определения степени сформированности релевантных способов действий у студентов. Изучение чувствительности к проблеме, как механизма инициации самостоятельной мыслительной активности испытуемых, целесообразно продолжить в рамках образовательной подготовки специалистов к будущей профессиональной деятельности. При этом необходимо обратить внимание, что чувствительность к проблеме может быть непосредственно связана с когнитивными и личностными характеристиками обучающихся, а также со способами их ориентации в условиях учебных задач с профессиональным содержанием [5].

Далее, исходя из логики предметно-содержательного подхода к мышлению [4, С. 18-77], раскрывающего механизмы избирательности мышления в решении различных категорий задач, мы разработали методику, позволяющую диагностировать уровень чувствительности к проблеме у студентов-психологов в решении квазипрофессиональных задач возрастно-психологического консультирования. В качестве таких задач выступили проблемные ситуации клиентов, пришедших на прием к практикующему психологу-консультанту.

Не останавливаясь на подробном описании методики [4, С. 51-65], выделим ее основные составляющие. Предлагаемые студентам задачи были разделены нами на две группы по структурно-содержательным характеристикам:

– *по типу структурирования предметного содержания в задаче*: в условии задачи приводятся а) сначала факты ситуации, затем оценочные суждения клиента о ситуации; б) сначала оценочные суждения клиента о ситуации, затем факты; в) в задачах факты и оценочные суждения клиента о ситуации перемешаны;

– по объему предметного содержания в задаче: в условии задачи указано а) много информации, поступившей от клиента; б) мало информации, поступившей от клиента.

Таким образом, любая проблемная ситуация клиента представляла собой один из возможных типов учебных задач с профессиональным содержанием (всего 6 вариантов – комбинация перечисленных выше типов задач). При прохождении методики студент должен был решить не менее одной задачи каждого типа, но приветствовалось решение не менее двух задач каждого типа, что способствовало более полному анализу полученных данных.

Для объективности оценки степени сформированности значимых профессионально-релевантных способов действий студентов по результатам решения квазипрофессиональных задач, мы посчитали целесообразным использовать мнения группы экспертов, которые провели собственный анализ предложенных проблемных ситуаций.

Сравнение ответов профессиональных психологов-консультантов и студентов помогло подтвердить выделенные теоретическим анализом показатели проявления и критерии развития чувствительности к проблеме.

Показатели проявления чувствительности к проблеме:

➤ *избирательность в выделении признаков задачи;*

➤ *избирательность в обнаружении связей между ними;*

➤ *избирательность в обнаружении смыслового контекста, расширяющего проблемное поле ситуации.*

Учитывая, что психологи-консультанты при работе с любой проблемной ситуацией фиксируют в ней отвечающие специфике профессиональной деятельности элементы, мы выделили **критерии развития чувствительности к проблеме**, среди которых:

➤ *мера релевантности* выделенной информации предметному содержанию проблемной ситуации: *иррелевантные* элементы ситуации представляли собой информацию, не имеющую отношения к проблеме клиента, либо оценочные суждения по проблеме; *релевантные* элементы ситуации отражали смысл проблемной ситуации: ее «поверхностный смысл» или ее суть.

➤ *характер сопряженности* выделенной информации исходному противоречию в про-

блемной ситуации: *текст-сопряженные элементы ситуации* (элементы, непосредственно включенные в текст ситуации); *контекст-сопряженные элементы ситуации* (элементы, непосредственно не включенные в текст ситуации, но которые могут быть извлечены из ее контекста).

Приведенные критерии развития чувствительности к проблеме, таким образом, предполагали возможность избирательного выделения испытуемыми в проблемной ситуации клиента: 1) *иррелевантных элементов* проблемной ситуации; 2) *релевантных текст-сопряженных элементов* ситуации (достоверная информация, включенная в текст, «лежащая на поверхности»); 3) *релевантных контекст-сопряженных элементов* ситуации, которые и являлись ее профессионально-маркированными элементами (информация, напрямую не включенная в текст, но отражающая исходное противоречие в проблеме клиента).

Надежность методики определялась методом ретеста через шесть месяцев на той же выборке студентов-психологов факультета переподготовки кадров в составе 65 человек. Значения коэффициента корреляции Спирмена по результатам выполнения студентами теста и ретеста составили от 0,77 до 0,83 ($p \leq 0,01$) как при соотнесении общего уровня чувствительности к проблеме, так и при соотнесении продуктивности избирательного анализа отдельных элементов ситуации: признаков, связей между ними и смыслового контекста.

Критериальная валидность методики подтверждалась сопоставлением данных студентов по полученным уровням чувствительности к проблеме с экспертной оценкой преподавателей учебного курса «Психологическое консультирование». Эксперт оценивал успехи студентов в обучении по специальной шкале, отражающей уровни усвоения студентами-психологами знаний и релевантных способов реагирования в ситуациях обозначенной профессиональной деятельности (в сфере консультирования подростков) Преподавателю предлагалось составить списки наименее и наиболее успешных студентов в сфере возрастнo-психологического консультирования (по результатам семинарских и практических занятий). Сопоставление результатов диагностической методики и баллов, набранных студентами по экспертной шкале, показало 85% совпадений в продуктивности решения студентами-психологами квазипро-

фессиональных задач. Коэффициент корреляции, рассчитанный по критерию Спирмена, составил 0,92 ($p < 0,01$).

Конвергентная валидность методики подтверждалась значимыми корреляциями с результатами теста «Практическое мышление взрослых», разработанного и апробированного Акимовой М.К., Козловой В.Т. и Ференс Н.А.: стандартизированной методикой, хорошо себя зарекомендовавшей на практике [1, С. 18-32]. Выбор методики для сравнения обуславливался характеристиками практического мышления, заложенными авторами в ее диагностические возможности: общая осведомленность испытуемого и умение использовать нестандартные подходы к решению практических задач; уровень социального интеллекта; возможность воссоздания из фрагментов ситуации логического целого; качество детального анализа испытуемой ситуации, умение находить ее ключевые моменты.

Таким образом, можно констатировать, что разработанная методика «Диагностика чувствительности к проблеме у студентов-психологов» относится к типу критериально-ориентированных диагностических инструментов, предназначенных для определения уровня индивидуальных способностей испытуемых относительно неких критериев проявления чувствительности к проблеме и основана на логико-функциональном анализе содержания заданий.

По результатам методики мы смогли выделить **уровни развития чувствительности к проблеме у студентов-психологов**:

1) *нечувствительность к проблеме* (неспособность или ошибочное представление ситуации на всех этапах работы);

2) *псевдочувствительность* (выделение в ситуации лжемаркеров, акцентирование внимание на незначительных элементах, ложное генетически-исходное отношение в задаче);

3) *фрагментарная чувствительность* (верных анализ отдельных профессионально-маркированных элементов ситуации; смысловое совпадение с генетически-исходным отношением в задаче);

4) *достаточная чувствительность* (верное выделение элементов текста; генетически-исходное отношение строится с учетом лишь «явных» элементов задачи) – уровень, которого студенты должны достичь по результатам обучения в вузе;

5) *высокая чувствительность* (верное выделение элементов текста; генетически-исходное отношение строится с учетом «явных» и «скрытых» элементов задачи с опорой на последние) – уровень высокопрофессионального психолога-консультанта.

Определив содержание феномена «чувствительность к проблеме», выявив показатели проявления, критерии и уровни ее развития, мы перешли к следующему интересующему нас вопросу о характере различий в уровнях чувствительности к проблеме у студентов-психологов с разными когнитивными и личностными характеристиками. Поиск ответа способствовал проведению ряда общеизвестных дополнительных психологических методик, направленных на диагностику когнитивных и личностных характеристик студентов-психологов: среди них: «Предпочитаемая сфера деятельности психолога», «Исследование мотивации выбора профессии»; методика М.К. Акимовой, В.Т. Козловой, Н.А. Ференса «Практическое мышление взрослых», методика Дж. Брунера «Изучение мыслительных стратегий в процессе решения задач», тест-опросник Т.Д. Дубовицкой «Определение уровня профессиональной направленности студентов».

Результаты статистической обработки полученных эмпирических данных (в том числе и по авторской методике) и соотнесение их друг с другом привели нас к определенным выводам относительно готовности студентов-психологов на разных этапах обучения в вузе (учитывая уровень развития у них чувствительности к проблеме) к ведению профессиональной деятельности в сфере возрастнo-психологического консультирования.

1. Чувствительность к проблеме у студентов-психологов развивается на последовательных этапах вузовского обучения, что определяется освоением ими общего способа ориентации в условиях учебных задач с профессиональным содержанием. На начальном этапе студенты демонстрируют преимущественно низкие уровни чувствительности к проблеме, ориентируясь на иррелевантные элементы ситуации в процессе ее анализа; студенты-выпускники преимущественно демонстрируют достаточную и оптимальную чувствительность к проблеме.

2. Развитие чувствительности к проблеме опосредуется когнитивными и личностными характеристиками студентов, причем характер этого опосредствования имеет свою специфику

на различных этапах профессионально-образовательной подготовки. Если на первом курсе развитие чувствительности к проблеме, в основном, обусловлено уровнем зрелости у студентов-психологов мотивации в выборе профессии, то на третьем курсе доминирующую роль начинают играть последовательная стратегия мыслительного поиска в решении задач и высокий уровень развития практического мышления. На заключительном этапе весомый вклад в развитие чувствительности к проблеме вносят сложившиеся предпочтения в сфере психологического консультирования. Такая когнитивная характеристика обучающихся, как «мера усвоения профессиональных знаний», значимо связана с развитием чувствительности к проблеме на всех этапах вузовского обучения.

3. Включение обучающего тренинга, основанного на вариативности предъявления задач с разными структурно-содержательными характеристиками, в образовательный процесс способствует развитию у студентов-психологов фрагментарной, достаточной и высокой чувствительности к проблеме. При этом увеличивается теснота связей между общим уровнем чувствительности к проблеме у студентов и избирательным выделением ими различных элементов в условиях задач, а также снижается зависимость продуктивности избирательного анализа от структурно-содержательных характеристик самих задач.

Последний вывод был сделан по окончании формирующего этапа нашего исследования, на котором была сконструирован и апробирован в условиях образовательного процесса обучающий тренинг «Работа психолога-консультанта с клиентом» [5, С. 27-137]. Тренинг способствовал решению следующих задач: 1) актуализировать знания студентов об основных этапах решения задач возрастно-психологического консультирования психологом-консультантом, а также о специфических особенностях консультационной работы с клиентами разных возрастных групп; 2) операционализировать у студентов-психологов понятие «задача возрастно-психологического консультирования» средствами квазипрофессиональных задач; 3) сформировать у студентов общий способ ориентации в условиях задач возрастно-психологического консультирования с опорой на применение критериев проявления и развития чувствительности к проблеме при анализе содержания задачи на начальных этапах ее решения.

При разработке тренинга мы руководствовались тем, что по его итогам студенты-психологи должны приобрести «... не рыбу, а удочку»: не способность выполнять какую-то конкретную деятельность (правильно решать задачи), а качественно иной способ обращения с объектами (общий способ ориентировки в условиях задач возрастно-психологического консультирования), который они смогут применять вне зависимости от возникшей задачи и ситуации, ее спровоцировавшей.

Структура и содержание занятий обучающего тренинга по развитию у студентов уровней чувствительности к проблеме «Работа психолога-консультанта с клиентом» еще нуждаются в доработке и дополнениях, также как и авторская психологическая методика «Диагностика чувствительности к проблеме у студентов-психологов» может быть пополнена и усовершенствована «проработанными» проблемными ситуациями клиентов. Но несмотря на объем проведенного и представленного в настоящей статье исследования, феномен «чувствительности к проблеме» нуждается в более детальном изучении, в большем количестве вопросов по особенностям его становления и раскрытию его природы. В наши намерения входит продолжить изучение чувствительности к проблеме средствами психолого-педагогических наук и в свете компетентностного подхода у нас есть новые актуальные сегодня ориентиры для целеполагания.

В заключении остается сказать, что содержание данной статьи, наряду с раскрытием сложной природы феномена «чувствительность к проблеме», является нашей попыткой осознать и оценить возможности модернизации имеющейся системы образования в условиях развития современной психолого-педагогической науки. Мы постарались показать, насколько долгий процесс исследований, осмысления, принятия и разработок научно обоснованных решений лежит в основе всего одной из возможных компетенций, формируемых у студентов-психологов на последовательных этапах обучения в вузе. Операционализация ВСЕХ разработанных и утвержденных компетенций по каждому из направлений вузовской подготовки возможна, но... Для удачной реализации этого процесса необходима опора на разработанную научную теорию (не только психолого-педагогическую) или даже комплекс теорий.

Список литературы:

1. Акимова, М.К., Козлова, В.Т., Ференс, Н.А. Диагностика практического мышления взрослых // Психологическая диагностика. 2004. № 2. – С. 3-13.
2. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с.
3. Бакурова О.Н. Анализ содержания понятий «задача» и «проблема» // Операционализация психологических понятий в мышлении студентов: сущность, механизмы, технологии: коллективная монография / под ред. Е.И. Горбачевой. – Москва–Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. – С. 69-83.
4. Бакурова О.Н. Методика «Диагностика уровня чувствительности к проблеме у психолога-консультанта» // Психология педагогической деятельности. Учебно-методическое пособие для студентов факультета психологии / Е.К. Климова. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2009. – С. 51-65.
5. Бакурова О.Н. Развитие чувствительности к проблеме у студентов-психологов в решении учебных задач с профессиональным содержанием: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Калуга, 2010. – 186 с.
6. Богоявленская Д.Б. Метод исследования интеллектуальной активности: автореф. ... канд. психол. наук. – М., 1971 – 20 с.
7. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Прогресс, 1965. – С. 433-456.
8. Гопкало А.А. Динамика структуры и содержания субъективной модели профессии психолога на разных этапах профессиональной подготовки: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03. – Казань, 2003. – 157 с.
9. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – 154 с.
10. Кочетовская Е.В. Системная детерминация чувствительности к проблемам как развивающего свойства личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Барнаул, 1999. – 177 с.
11. Краснорядцева О.М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности (на материале педагогического труда): дис. ... доктора психол. наук. – М., 1997 – 341 с.
12. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. – М.: Педагогика, 1972. – 208 с.
13. Спиридонов В.Ф. Функциональная организация процесса решения мыслительной задачи: дис. ... доктора психол. наук. – М., 2006. – 207 с.
14. Функе И., Френш П.А. Решение сложных задач: исследования в Северной Америке и Европе // Иностранная психология. 1995. Т. 3, № 5. – С. 42-47.
15. <http://www.it-edu.ru/obrazovatelnie-standarti/fgos-3-go-pokolenija/>

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 373.1.02

**Э.П. Гинсар, С.А. Кирдяшкин,
А.А. Котов, Е.А. Цуканов**

АНАЛИЗ КОМПЛЕКСНОГО НАУЧНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА СО СТУДЕНТАМИ ВОЕННЫХ КАФЕДР ГРАЖДАНСКИХ ВУЗОВ

В статье проведен анализ комплексного научного подхода к исследованию эффективности учебного процесса со студентами военных кафедр гражданских ВУЗов, осуществляющих подготовку специалистов – офицеров, сержантов и рядовых запаса, составляющих мобилизационный резерв видов и родов войск Вооруженных Сил Российской Федерации. Дано понятие логичности мышления, нечеткой логики как простого и мощного инструмента современного программирования.

Ключевые слова: условия, эффективность, учебный процесс, специальная подготовка, военная кафедра, связь, образование, обстоятельства, правила.

Говоря о комплексном научном подходе к изучению реальной действительности или конкретных процессов (предметов, объектов, явлений), который является одним из основных среди существующих научных подходов (а их в настоящее время известно более 20-ти) [1], было бы целесообразно отметить, что данный подход основан на логичности и всесторонности мышления. Именно логичность комплексного научного подхода наряду с системным лежит в основе эффективности научных исследований различных процессов (предметов, объектов, явлений), в том числе образовательных процессов. Логика (от греч. Logos – слово, понятие, разум) – сложная наука о формах и законах правильного мышления. Механизм мышления исследуется рядом наук: общей психологией, социальной психологией, кибернетикой, гносеологией и т.п. Мышление – это процесс опосредованного отражения реальности в виде идеальных образов. Нечеткая логика (англ. fuzzy logic) – раздел математики, являющийся обобщением классической логики и теории множеств, базирующейся на понятии нечеткого множества. Нечеткая логика – это одно из величайших достижений математики 20-го века, если критерием брать практическую пользу. Это простой и мощный инструмент программирования.

Новые комбинированные (комплексные) математические модели как раз основаны на логичности перехода одной из них в другую, когда выходные данные первой модели служат исходными данными для второй базовой модели. В результате получается более точный, достоверный и универсальный результат исследо-

вания, который целесообразно применить в практической деятельности [2].

Чтобы грамотно и результативно управлять учебным процессом на военной кафедре гражданского ВУЗа, необходимо достоверно и точно оценивать эффективность подготовки военных студентов и принимать меры к её повышению. Для этого надо разработать и обосновать показатели эффективности специальной подготовки, проанализировать и создать (выбрать) педагогические условия учебного процесса, провести педагогический и статистический эксперименты, подтверждающие повышение эффективности обучения студентов.

Комплексность преподавания на военной кафедре подразумевает синхронизацию и гармонизацию программ лекционных курсов, рабочих программ практических занятий и выполнения нормативов на технике. Так, общая программа обучения студентов на военной кафедре связи должна быть согласована с основными базовыми курсами по общевойсковой, военно-технической, тактико-специальной подготовке и др.

Было бы целесообразно в дальнейшем с целью реализации комплексности и эффективности преподавания на военной кафедре связи ввести в программы базовых учебных дисциплин выполнение курсовых работ (проектов).

Этот вид работы будет обязателен для каждого студента и включает несколько этапов. Первым из них является написание обзора литературы по теме курсовой работы, что побуждает к углубленному изучению первоисточников, например, по военно-технической подго-

товке, а также некоторым другим основным учебным дисциплинам.

Комплексный научный подход к управлению эффективностью учебного процесса со студентами военных кафедр гражданских ВУЗов предполагает применение методов, процедур, алгоритмов и аппаратов нескольких существующих учебных дисциплин:

- Общей теории эффективности;
- Военной педагогики и психологии;
- Прикладной высшей математики;
- Разработки управленческих решений;
- Нечеткой логики;
- Системного анализа;
- Исследования систем управления;
- Информационных технологий.

Например, общая теория эффективности позволяет разработать и обосновать показатели эффективности учебного процесса по специальной подготовке военных связистов. При этом целесообразно оценивать эффективность старой и новой усовершенствованной учебных программ, а также превышение результативности новой программы над старой.

Военная педагогика и психология применяет и развивает педагогические методы, приемы и способы преподавания и обучения студентов, методы оценки и контроля знаний (успеваемости) студентов в течение каждого учебного семестра, проводит педагогические эксперименты, а также статистический эксперимент, подтверждающий повышение эффективности учебного процесса по специальной подготовке студентов военной кафедры гражданского ВУЗа. При этом, в настоящее время необходимо обратить внимание на воспитание у обучаемой молодежи чувства патриотизма и любви к своей Родине как объединяющего начала, основы взаимопонимания людей различных национальностей и вероисповедания, проживающих постоянно на территории Российской Федерации и являющихся гражданами РФ.

Прикладная высшая математика, её разделы матричной алгебры, теории вероятностей, математической статистики, нечеткой логики, экспертно-аналитического моделирования позволяют разработать комбинированную (комплексную) экспертно-математическую модель оценки эффективности специальной подготовки военных студентов, алгоритм и компьютерную программу расчета уровней знаний по специальной подготовке, а также порог разделения этих уровней, позволяющий определить два

подмножества: подмножество студентов, удовлетворяющих требованиям программы специальной подготовки, и подмножество студентов, не удовлетворяющих государственным квалификационным требованиям.

Аппарат математической статистики позволяет осуществить статистический эксперимент, подтверждающий повышение эффективности обучения по новой учебной программе в количественной форме с помощью разработанных и обоснованных показателей.

Разработка управленческих решений позволяет определить и обосновать оптимальный путь повышения эффективности обучения военных студентов по выбранным критериям оптимизации учебного процесса и педагогическим условиям.

Исследование систем управления на базе общей теории управления и системный анализ позволяют выявить рациональную систему управления учебным процессом и специальной подготовкой на военной кафедре, основными функциями которой являются планирование специальной подготовки военных студентов, организация специальной подготовки и контроль качества обучения (уровня теоретических знаний и практических навыков и умений студентов) [3].

Использование возможностей современных информационных технологий позволяет, например, создать реализацию алгоритма оценки эффективности подготовки студентов военной кафедры на любом современном языке программирования. В частности, для обработки табличных структур данных хорошо подходит язык VBA, используемый для написания прикладных приложений в офисном программном обеспечении. К преимуществам данной программной реализации можно отнести высокую масштабируемость относительно объема обрабатываемых данных, хорошую скорость работы, удобство корректировки текстовых и числовых значений параметров. Универсальность метода позволяет задействовать данную реализацию не только для описанной задачи, но и для ряда аналогичных, например, для отбора кандидатов на вакансию или для поступления в ВУЗ. Реализованный метод имеет научную новизну и практическую значимость.

В целом, комплексный научный подход, приведенный выше, дает возможность глубокого исследования учебного процесса по специальной подготовке студентов военной кафедры

гражданского ВУЗа, оценить эффективность этого процесса и произвести расчет повышения эффективности при применении модернизированных учебных программ с помощью разработанной компьютерной программы и проведенного статистического эксперимента.

Таким образом, комплексный научный подход к исследованию эффективности учебного

процесса при обучении специалистов на военных кафедрах гражданских ВУЗов позволяет подготовить компетентного квалифицированного офицера, сержанта и рядового запаса, который достойно пополнит ряды мобилизационного резерва видов и родов войск Вооруженных Сил Российской Федерации.

Список литературы:

1. Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент. Учебник. – М.: «Дело», 2005.
2. Баканов М.И., Шеремет А.Д. Теория экономического анализа. Учебник. «Финансы и статистика». – М., 2002.
3. Смирнов Э.А. Теория организации. Учебное пособие. «Инфра-М». – М., 2006.

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал), Калуга

УДК 159.923+378.124+37.015.3+371.26

М.И. Казанжи
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-ФАСИЛИТАТОРА

В статье представлены результаты комплексного эмпирического исследования фасилитативного потенциала личности. Установлены наиболее характерные взаимосвязи параметров фасилитативности и показателей целого спектра психологических черт личности. Приведены основные психологические характеристики лиц с выраженной фасилитативностью. Показано важность ценностно-смысловой сферы в совершении фасилитативных действий.

Ключевые слова: фасилитация, ингибция, фасилитативный потенциал, психологический портрет личности.

В контексте изменений, происходящих в общественной, социально-политической и экономической сферах жизнедеятельности человека, особая необходимость возникает в гуманизации отношений между людьми, поэтому несомненной актуальностью обладает изучение фасилитативности как феномена, проливающего свет на специфику развивающего, а не подавляющего влияния одного человека на другого.

Научное сообщество откликнулась на такой социальный запрос и на сегодня можно констатировать активную разработку данной проблематики (в основном в пределах педагогики и психологии). Отметим, что основная масса научных трудов касается непосредственно самого процесса фасилитации, техник, приемов, способов и технологий, которые применяются (И.Н. Авдеева, А.С. Андреев, Г.А. Балл, Т. Бентли, М. Берри, А. Брокбэнк, Е.Г. Врублевская, С. Даунинг, И. Бенс, Е.Ю. Комарова, О.А. Кондрашихина, К. Крампекер, П.В. Лушин, Р.В. Овчарова, Д. Хантер, Дж. Хирон, Р. Шварц и др.). Вместе с тем, следует констатировать сложности, возникающие при внедрении фасилитации во многие сферы жизнедеятельности, что связано со множеством факторов, среди которых личностный (в широком его понимании) является достаточно весомым.

Поэтому изучение психологического портрета человека, который применяет в своей деятельности техники и приемы фасилитации, сам должен быть фасилитативной личностью и развивающе влиять на своих учеников, представляется нам важной исследовательской задачей.

Рассмотрим в данном контексте предложенную нами концепция фасилитативного потенциала личности, сквозь призму которой и изучается фасилитативность будущего педагога.

Итак, фасилитативный потенциал личности представляет собой единство двух интегральных составляющих: ресурсной и актуализационной. Соответственно, фасилитативность – психологическое качество человека, являющееся проявлением его фасилитативного потенциала. Это качество отличается от черты, свойства личности, меньшей устойчивостью, так как актуализируется в период осознанной, целенаправленной фасилитативной деятельности. Оно может «сворачиваться», становиться латентным, т.е. переходить в потенциал в те периоды, когда нет запроса на помощь в развитии другого. То же самое можно отметить относительно ингибитивности, которую мы рассматриваем как характеристику личности, имеющую противоположную направленность. Фактически и фасилитативность, и ингибитивность могут находиться в потенциальном состоянии. Ингибитивность – это также временно актуализированная потенция. Следовательно, и фасилитативность, и ингибитивность могут находиться в виде потенциала и качества. Хотя речь идет о противоположных сторонах одного и того же явления, суть которого сводится к воздействию одного человека на другого, в исследовании сосредотачиваемся на одной грани проявления – фасилитативности как на более востребованной в практическом отношении.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского». Всего в исследовании приняло 400 человек в возрасте 18-25 лет. Репрезентативность выборки обеспечивалась отбором по свойствам генеральной совокупности, то есть стратифицированным случайным отбором. Узконаправленной выборка является относительно профессиональной принадлежности испытуемых - представи-

тели профессии типа «человек-человек», а именно - будущие учителя. Такая специфика выборки продиктована необходимостью более глубокого изучения особенностей фасилятивности человека. Ведь большинство исследователей, такие как: К. Роджерс, О.А. Кондрашина, Н.А. Аминов, М.В. Молоканов, И.В. Жижина, Л.И. Тимонина, С.Я. Ромашина, О.В. Козина, Е.Г. Врублевская, Р.С. Димухаметов и др. указывают на выраженность фасилятивности именно у лиц, избирающих профессию, связанную с оказанием помощи человеку – в развитии, приобретении знаний, личностном росте и пр.

В исследовании был применен комплекс методик, который включал как общеизвестные диагностические инструменты, так и разработанные специально для исследования фасилятивности.

Проявления фасилятивности изучались с помощью «Тест-опросника фасилятивного потенциала личности» [1], методик «Исследование смысловой мотивации помощи» [1] и «Диагностики индивидуальных различий фасилятивности личности по сферам проявления» [1], таким образом, были изучены как потенциальные, так и актуальные ее характеристики. Диагностика психологических особенностей, связанных с фасилятивностью проводилась с привлечением «16-факторного личностного опросника» (Р.Кеттелл), методик: «Диагностика уровня эмпатических способностей (В.В. Бойко), «Оценка уровня самоактуализации» (Э. Шостром, адаптация Л.Я. Гозмана), «Исследование нравственной сферы личности» (Е.К. Веселова), «Определение индекса удовлетворенности жизнью» (А. Neugarten, Havighurst & Tobin, адаптация Н.В. Паниной), «Измерение ценностных ориентаций» (М. Рокич), «Семейно-обусловленные состояния» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), а также «Шкала социально-психологической адаптированности» (К. Роджерс, Р. Даймондом, адаптация А.К. Осницкого), «Тест смысловых ориентаций личности» (Д. Крамбо, Л. Махолик, адаптация Д.А. Леонтьева).

Был применен количественный (корреляционный) и качественный анализ данных.

Итак, по результатам исследования очерчен круг личностных черт, которые составляют устойчивые паттерны, выраженность которых свидетельствует в пользу склонности к фасилятивности. Так, преобладание фасилитации

как смысла помощи взаимосвязано с радикализмом, критичностью мышления, различными интеллектуальными интересами, открытостью, общительностью, чувствительностью, склонностью к эмоциональной включенности. Смещение акцента в помощи на другого человека (децентрация) коррелирует с легкостью в общении, эмоциональностью, сердечностью, открытостью, гибкостью, адаптивностью, жизнерадостностью, энергичностью, ответственностью, нравственностью, личностной зрелостью, социабельностью.

Выраженность фасилятивного потенциала личности не зависит от актуального семейного климата, однако эта зависимость является относительно проявления фасилятивности в семейной среде, то есть фасилитаторы могут быть достаточно эффективными даже при наличии собственных семейных проблем, но не в сфере семейного консультирования и помощи. Параметры фасилятивного потенциала не зависят от влияния актуальной семейной среды, хотя на его формирование и развитие семья влияет на более ранних этапах становления (период детства). Напряженность, тревожность и неудовлетворенность в семейной среде связана со смещением в помогающих действиях акцента на себя и собственные проблемы, то есть мотивирующим фактором помощи другому является решение собственных проблем.

Проявление фасилятивности связано с социальной адаптивностью во всех сферах жизнедеятельности, эмоциональным комфортом и выраженностью стремления к познанию себя и других. Соответственно, адаптивность может способствовать фасилятивности человека, что вовсе не исключает проявление фасилятивности недостаточно адаптированной личностью. Важным, на наш взгляд, является адаптированность человека на момент совершения фасилитации. Период дезадаптации не исключает возможности осуществления фасилятивных воздействий, но, скорее всего, человек от этого не станет автоматически адаптированным, хотя косвенно фасилитация может положительно повлиять на адаптированность. Проявление фасилятивности может продлить, пролонгировать период адаптированности фасилитатора на определенный промежуток времени, ведь фасилитация как и любая социально одобряемая деятельность способствует адаптированности.

По результатам качественного анализа, лица с выраженным фасилитивным потенциалом характеризуются интересом к жизни, энтузиазмом, положительным отношением к обычной повседневной жизни. Они решительны, направлены на достижение целей, уверены в своих силах, положительно оценивают себя и свои поступки, оптимистичны, удовлетворены своей жизнью в целом, эмпатичны, способны действовать в условиях дефицита исходной информации, опираясь на подсознательный опыт; создавать атмосферу доверия, открытости, душевности, сопереживания. Самоактуализация прежде всего проявляется в способности целостно воспринимать мир и людей, осмысленно связывать противоречивые жизненные явления, в понимании человеческой природы обнаруживается преобладание в человеке добра, выраженное стремление к приобретению знаний об окружающем мире, спонтанность в выражении своих чувств, умение быть самим собой, преобладание ценностей самоактуализирующейся личности, поступки совершаются согласно собственных взглядов и желаний.

Смыслоразнозначные ориентации лиц с развитым фасилитивным потенциалом указывают на насыщенность их жизни, удовлетворенность и наличие целей в будущем, придающих осмысленность и перспективу, то есть прошлое, настоящее и будущее одинаково выступают источником смысла жизни. Присутствует внутренний локус контроля и общая мировоззренческая уверенность в том, что контроль возможен, вера в собственную способность осуществить такой контроль. Наиболее яркими характеристиками лиц, склонных к фасилитивности, является достаточно высокая самооценка, богатство и яркость эмоциональных переживаний, общительность, склонность к сотрудничеству, успешность и удовлетворенность в профессиях, главной особенностью которых является межличностный контакт. Имеют широкие интеллектуальные интересы, быстро учатся, высокие общие мыслительные способности. Это эмоционально зрелая личность, хорошо приспособленная, спокойная, реалистичная относительно жизни, жизнелюбивая, энергичная, гибкая, ответственная, добросовестная, придерживается моральных принципов.

Представители этой группы хорошо ориентируются в социальных ситуациях, прони-

тельно относительно мотивов поступков других людей, у них выражена экстраверсия. У лиц с выраженными всеми показателями фасилитивного потенциала моральные нормы играют значительную роль в регуляции поведения, особое значение приобретают внутренние мотивы принятия решения в ситуации морального выбора с опорой на смысл жизни как основу, управляющий поведением человека. Они склонны к конструктивным решениям, предоставления конкретных советов. Актуальная семейная ситуация оценивается характеризуется ими как благоприятная. Лица с выраженным фасилитивным потенциалом характеризуются как адаптивные, оптимистичные, уравновешенные, чувствуют эмоциональный комфорт, легко принимают других такими, какие они есть, руководствуются внутренним контролем.

Установлено, что ценностная сфера личности находится в динамической связи с ее фасилитивным потенциалом. Область их пересечения касается тех ценностей, которые способствуют оказанию помощи другому человеку в развитии. В исследовании, проведенном О.А. Кондрашихиной, также отмечается важность ценностно-смысловой сферы в формировании фасилитивности человека [2]. Сравнительный анализ ценностных приоритетов различных групп испытуемых показал их взаимозависимость со степенью сформированности отдельных составляющих фасилитивного потенциала и характером взаимосвязей некоторых его показателей. Именно ценности являются теми латентными ресурсами личности, которые в определенных ситуациях активно взаимодействуют с компонентами фасилитивного потенциала, «подключаясь» к его структуре.

Проведенное исследование подтвердило специфическую роль фасилитивности в формировании психологического облика человека. Наиболее существенный вклад в актуализацию фасилитивного потенциала личности вносит ее ценностно-смысловая сфера. Учет и верификация сведений относительно психологических характеристик учителей-фасилитаторов позволит повысить эффективность практической работы по психологическому сопровождению деятельности учителя, а также поможет оптимизировать учебный процесс, ведь именно учитель является одной из ключевых фигур, определяющих не только реферму образования, но и облик подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Казанжи М. И. Особенности создания комплекса методик, диагностирующего фасилитивность человека / М. И. Казанжи : материалы Междунар. научн. конфер. [Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии], (Россия, С-Петербург, 19–21 октября 2010 г.) / МОН России, Санкт-Петербургский гос. ун-т – – Часть 1. [отв. ред. Л.А. Цветкова]. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. – С. 170-172.
2. Кондрашихіна О. О. Формування здатності до фасилітаційних впливів у майбутніх практичних психологів: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Оксана Олександрівна Кондрашихіна. – К., 2004. – 239 с.

Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Одесса, Украина

УДК 378.147

Н.В. Кирюхина
О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ
ФИЗИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье рассматриваются особенности формирования физических понятий у студентов вуза при изучении курса общей физики. Предлагается подход, интегрирующий приемы технологии развития критического мышления с технологией формирования физических понятий А.В. Усовой, основанной на обобщенных планах.

Ключевые слова: формирование понятий в процессе обучения, технология формирования физических понятий, технология развития критического мышления, приемы обучения.

Понятия составляют базис любой научной системы знаний. Не меньшую роль играют они и в учебном познании. Овладение понятийным аппаратом учебной дисциплины является одним из важнейших результатов обучения.

Сам термин «понятие» многозначен. Понятие определяется как одна из форм мышления (наряду с суждением и умозаключением); как «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними» как «единица знания о наиболее общих, существенных и закономерных признаках явлений действительности», и даже как синоним понимания «сути дела» [1].

Процесс формирования понятий в процессе обучения, тесно связанный с процессами формирования и развития мышления, является предметом многочисленных исследований психологов и педагогов.

В основе формирования понятий лежит сложный процесс интеграции частных когнитивных механизмов, в котором задействованы все формы познавательной активности – от психомоторной до абстрактно-логической. Этот вывод в той или иной форме представлен в классических трудах по психологии познания (Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, П.Я. Гальперин, Дж. Брунер).

В современной когнитивной психологии распространены сетевые модели процесса понимания, описывающие его как движение по сети. Узлы этой сети в наиболее известной модели Дж. Андерсона и Г. Бауэра представляют собой пропозиции – структуры, связывающие идеи и понятия [3].

По данным М.А. Холодной [2] понятийные структуры входят в состав когнитивного опыта как результат интеграции базовых механизмов переработки информации. Она выделяет в них словесно-речевой, визуально-пространственный, чувственно-сенсорный, операционно-

логический, мнемический (память) и attentionный (внимание) компоненты.

Таким образом, в процессе обучения вокруг понятий происходит концентрация анализируемой информации, превращающая ее в систему знаний.

Проблема формирования понятий в процессе обучения физике подробно рассматривалась в работах А.В. Усовой, С.Е. Каменецкого, В.Г. Разумовского, Т.Н. Шамало, Н.С. Пурышой и других. В работах А.В. Усовой, в частности, разработана модель формирования учебно-познавательных умений, важнейшей составляющей которой является обобщенный план, раскрывающий структуру понятия. В соответствии с концепцией деятельностного подхода в обучении, такой план служит ориентировочной основой при работе с учебной информацией.

Физика как наука оперирует понятиями различного уровня общности (философские, общенаучные, естественнонаучные собственно физические). В учебных курсах физики выделяют понятия об объектах, о явлениях, о физических величинах и т. д.

В пособии [4] выделены следующие этапы формирования физических понятий:

- обоснование необходимости введения понятия;
- определение понятия;
- применение понятия;
- развитие понятия.

Процесс формирования понятия может охватывать значительный промежуток времени, поскольку учебный курс физики имеет нелинейную структуру, близкую к концентрической. Компоненты содержания изучаются несколько раз, но на разных уровнях. Два концентрических охватывают соответственно основную и старшую школу. Такая структура обусловлена возрастными особенностями познавательных возможностей, обучающихся и спецификой физики как

науки (для изучения материала на необходимом уровне требуется развитое абстрактно-логическое мышление и владение математическим аппаратом). Курс общей физики представляет собой новую ступень. В нем присутствуют понятия, введенные в общеобразовательной школе. В вузе реализуется этап их развития. Наряду с известными, имеются и абсолютно новые, впервые вводимые понятия. Эти обстоятельства определяют специфику процесса формирования понятий у студентов.

Одна из проблем состоит в том, уровень владения понятиями, введенными в общеобразовательной школе, недостаточен для успешного продолжения обучения в вузе. Особенно актуальна эта проблема для тех направлений и специальностей, где физика не входит в число вступительных испытаний.

Развитие понятия на новом этапе возможно только при условии достижения и поддержания необходимого уровня усвоения на предыдущем этапе. На практике это не всегда выполняется. Для решения этой проблемы нужна коррекционная работа по устранению недостатков подготовки, для чего необходимо их точно, но оперативно диагностировать.

Вторая проблема, касающаяся в первую очередь вновь вводимых понятий, связана с тем, что процесс обучения в вузе интенсифицирован в большей степени по отношению к школе. За короткий срок (на некоторых направлениях подготовки весь курс физики ограничен одним семестром и имеет объем 3 зачетных единицы) требуется освоить большой объем информации. Эта проблема усугубляется отсутствием навыков работы с учебной информацией. Сегодняшняя доступность информационных ресурсов порождает у ряда студентов иллюзию, что использовать рекомендованные преподавателем учебно-методические материалы необязательно, что всю необходимую информацию можно найти в сети по прямому поисковому запросу. При этом не учитывается ни контекст запроса, ни достоверность источников.

Для формирования навыков работы с большими потоками информации в процессе обучения в конце 20 века была разработана технология развития критического мышления (далее ТРКМ), основанная на научно-обоснованных закономерностях взаимодействия личности с информационным потоком ([5], [6]).

Модель учебного процесса в этой технологии состоит из трех фаз, которые могут быть соотнесены с этапами формирования понятий.

1. «Вызов» (актуализация имеющейся информации, соотнесение ее с личным опытом, формирование индивидуального познавательного запроса, пробуждение интереса и исследовательской активности): обоснование необходимости введения (для вновь вводимых понятий) или развития понятия (для введенных на предыдущем этапе).

2. «Осмысление» (критическое осмысление новой информации): определение понятия; применение понятия для анализа конкретных физических ситуаций.

3. «Рефлексия» (переработка и обобщение, выработка собственных суждений, оценок, навыков самостоятельной деятельности) - развитие понятия, обогащение его содержания, перенос понятия на другие группы объектов и явлений, установление связей с другими понятиями.

Заслугой западных создателей ТРКМ (К. Мередит, Д. Стил, Ч. Темпл и др.), а также их российских последователей (М.В.Кларин, С.И.Заир-Бек, И.О.Загашев, И.В.Муштавинская и др.) является то, что каждая из этих фаз обеспечена эффективным и гибким инструментарием – системой методов и приемов, адекватных задачам каждой фазы. ТРКМ в сущности и представляет собой открытую целостную систему таких приемов, техник и стратегий, позволяющих эффективно работать с информацией в процессе обучения.

Большинство понятий, вводимых в курсе общей физики, обладают максимальной степенью общности и являются предельно абстрактными. Наполнение их конкретным содержанием, установление связей с другими понятиями (в т.ч. междисциплинарных) происходит в процессе выполнения упражнений, решения задач, лабораторных работ и других форм практической деятельности. В дополнение к традиционным приемам возможно применение некоторых приемов синтеза сложной информации и оценки понятийного багажа из арсенала ТРКМ, таких как синквейн и ментальная карта.

Слово синквейн происходит от французского «cinq» – "пять". Это стихотворение (не обязательно рифмованное) из пяти строк, которое строится по определенным правилам. В первой строке тема называется одним словом – существительным. Вторая строка – описание темы двумя словами-прилагательными. Третья строка

– описание действия в рамках темы двумя глаголами. Четвертая строка – фраза из четырех строк, показывающая отношение к теме. Наконец, последняя, пятая строка – синоним-метафора, повторяющая суть темы одним словом. В процессе написания синквейна происходит интеграция действенного, образного и словесно-символического способов представления информации, заключенной в понятии. При этом ключевым звеном является функциональное употребление слова.

Апробация приема «Синквейн» проводилась в процессе учебных занятий со студентами двух учебных групп, обучающихся по естественно-научным направлениям бакалавриата. Для одной из них (направление подготовки «Физика», профиль «Медицинская физика») физика определяла направление и профиль образовательной программы, для другой физика входила в базовую часть образовательной программы как дисциплина естественнонаучного цикла.

Входное тестирование, проводимое в начале изучения курса и включавшее стандартные задания на диагностику усвоения системы понятий курса физики средней школы, выявило, что студенты не всегда понимают разницу между терминами, близкими по звучанию и написанию, но имеющими различный смысл (например, «напряжение» и «напряженность»). Студенты непрофильной группы показали слабое понимание математической природы физических величин.

Для коррекционной работы в отношении уже знакомых понятий, а также для работы с новыми понятиями, в число заданий для самостоятельной работы было включено составление понятийно-терминологического словаря по каждому разделу курса и написание синквейнов для некоторых понятий (по выбору студента из предложенного преподавателем списка). Студентам было сообщено, что такое синквейн, указаны правила их составления, приведены примеры синквейнов. В формулировке задания была отражена рекомендация отразить в синквейне элементы информации, представленной в понятии. Для каждой группы понятий эти элементы были оговорены заранее. Для выделения и конкретизации этих элементов использовались обобщенные планы «Что нужно знать о физических понятиях?», разработанные А.В. Усовой [2].

Например, в синквейне о физической величине рекомендовалось представить следующие элементы:

1 строка (существительное) – термин, обозначающий величину;

2 строка (два прилагательных) – свойства, которые характеризует величина, математическая природа величины (скалярная, векторная);

3 строка (три глагола) – способы измерения величины;

4 строка (фраза из четырех слов) – физический смысл величины, явления или свойства, которые она характеризует;

5 строка – единица измерения.

Синквейн о явлении:

1 строка (существительное) – термин, обозначающий явление;

2 строка (два прилагательных) – признаки явления, условия, при которых оно протекает;

3 строка (три глагола) – использование явления на практике,

4 строка (фраза из четырех слов) – объяснение явления на основе научной теории; примеры учета и использования его на практике;

5 строка – связь данного явления с другими.

В синквейне о модели материального объекта рекомендуется отразить название модели, определение модели, примеры объектов, которые замещает модель, свойства объектов, которыми обладает модель, границы применимости модели.

Синквейны составлялись каждым студентом индивидуально. Это задание позволило выявить, какие элементы знаний о явлениях, величинах, моделях усвоены лучше, какие хуже, также выявить ошибки, заблуждения, неверные трактовки понятий. Коррекция выявленных недостатков проводилась в конце семестра в процессе коллективной групповой работы.

Примеры синквейнов, составленных студентами:

Энтропия

Термодинамическая, статистическая.

Рассеивает, превращает, не убывает.

Функция состояния термодинамической системы.

Необратимость.

Флуктуация

Случайная, нестабильная.

Отклоняется, колеблется, колышится.

Отклонение от среднего значения.

Шумы.

Фононы

Акустические, оптические.

Распространяются, колеблются, взаимодействуют.

Кванты колебаний атомов в кристаллах.

Квазичастицы.

Кроме синквейнов, при работе по формированию у студентов физических понятий можно использовать и другие приемы ТРКМ. Очень эффективны ментальные карты, в которых представлен визуальный образ понятия, что позволяет задействовать визуально-пространственный и чувственно-сенсорный механизмы.

Список литературы:

1. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – СПб.: Питер, 2002.
2. Когнитивная психология. Учебник для вузов./ Под. Ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЭР СЭ, 2002.
3. Усова А.В. Формирование у школьников научных понятий в процессе обучения. – М.: Издательство Ун-та РАО, 2007.
4. Каменецкий С.Е. и др. Теория и методика обучения физике в школе: Общие вопросы. – М.: Издательский центр «Академия», 2000.
5. Муштавинская И.В. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 2004.
6. Загашев И.О., Заир – Бек С.И. Критическое мышление: технология развития: Пособие для учителя – СПб; Альянс “Дельта”, 2003.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 37

Е.В. Козлова
ПРИБЛИЖЕНИЕ ДЕТЕЙ К ТРАДИЦИЯМ
РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Статья посвящена художественно-творческому развитию детей средствами русской народной песни. Особую роль в творческом становлении человека играет именно музыкальное искусство.

В настоящее время осуществляется переосмысление главных и важных направлений в области образовательной политики, которое напрямую связано с изменениями в социально-экономической и культурной жизни России. Первостепенными задачами современного образования являются: сохранение, распространение и развитие национальной культуры.

В статье описывается так же возрождение народных традиций массового музыкально-эстетического воспитания, организации досуга детей средствами русской народной песни. Продуктивность художественно-творческого процесса во многом обуславливает освоение русской народной песни в условиях системы дополнительного образования.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, традиция, художественное творчество, русская народная песня, художественно-творческие способности, задатки, восприятие и воображение ребенка, импровизация.

Дети значительно чувствительнее взрослых к восприятию звука, ритма, цвета и света. Ребенок со многими явлениями сталкивается впервые, поэтому его восприятие свежо, ярко и индивидуально. Именно эти качества детского восприятия востребованы в художественном творчестве.

Ребенок младшего школьного возраста не адаптирован к окружающему миру. И лишь постепенно, по мере своего роста и развития, он учится познавать мир вокруг себя. Целенаправленное формирование процесса восприятия окружающей действительности у детей младшего школьного возраста, происходит только при участии взрослых. Эмоции детей чрезвычайно выразительны, поэтому подходить к развитию ребенка нужно очень аккуратно. Легко можно как рассмешить, так и расстроить, или даже напугать ребенка. В учреждении дополнительного образования следует обращать внимание на «хрупкую» эмоционально-чувственную природу учащихся младших классов

«Воспитание должно обязательно соответствовать истории, характеру и особенностям данной народности, так же быть в духе той религии и государственных устоев, где живет данная народность», – писал известный русский педагог И.П. Корнилов (1811 – 1901) [1].

Обучение детей песенному фольклору может продуктивно вестись на основе синтеза основных форм художественной деятельности – музыка, хореография, народный танец, фольклорный театр, изобразительное искусство.

Важно понимать, что «традиция – это нечто изменяющееся во времени, она не только динамична, но обладает конкретным содержанием, которое передается культурой, а так же оценочным компонентом, то есть традиция – это то, что активно, оценочно отбирается и избирательно осваивается, и тем самым развивается, а не просто хранится» [2].

В фольклор входят старинные народные песни и сказки, древние легенды и былины, хитрые загадки, неожиданные считалки и прибаутки, веселые пляски и наигрыши, мудрые пословицы и поговорки, затейливая вышивка и резьба по дереву, яркие народные костюмы и игрушки, деревянное зодчество и многое другое.

Основной чертой фольклора является исполнение (рассказ) песни, где задействованные исполнительские элементы не бывают главными или второстепенными; здесь абсолютно все важно и значимо – и пение, и танец, и игра, и различные жесты. Старинная русская народная песня никак неотделима от других видов народного искусства. Например, исполнение календарных песен, включает в свое сопровождение игру, пляску, жесты, так же могут присутствовать любые «магические» действия (волшебство или колдовство). Если пели качельные песни, то их исполняли только сидя на качелях; подблюдные – исключительно с магической силой, действием, где всегда было присутствие блюда; если были хороводные – то обязательно с вождением хороводов; и так далее.

Русская народная песня имеет огромное значение в развитии и воспитании детей. Современные исследователи считают, что погружение ребенка в стихию народно-художественного творчества, обязательно закладывает некий фундамент, где формируется эстетические, социальные и нравственные идеалы – главные жизненные ценности.

Песня – это распространенная форма вокальной музыки, которая объединяет поэтический текст с мелодией. Песни отличаются по жанрам, складу, формам исполнения. Исполняются как сольно, так и хором, с сопровождением и без [3].

Старинная русская народная песня – это древний жанр вокальной музыки. Свои песни есть у всех народов мира.

Среди русских народных песен встречаются такие, как и «древние» (если песню судить по возрасту), так и «молодые» (возникшие недавно). Однако автора той или иной песни мы не знаем, так как в старину их никто специально не сочинял. Песня сопровождала человека всю жизнь – от рождения до смерти. Песня сопровождала человека практически везде, и в горе, и в радости, при рождении младенца, в обрядовых действиях, при выполнении трудовых будней, и так далее.

Раньше песни слагали, слушали и пели все вместе. Концертных залов не было, так же как и разделение на авторов и слушателей. А одних из самых лучших, ярких и звонких певцов называли – запевалами и заводилами. Они с задором начинали песню, а остальные их подхватывали.

Песня передавалась устно, от человека к человеку, из уст в уста, от старшего поколения к младшим. Ребенок слышит голоса, находясь еще в утробе матери. Пока ребенок не появился на свет, у него уже активно развивается слух. А после рождения, наяву слышит и узнает голос своей мамы, как она говорит и поет – сначала это нежная колыбельная; потом рассказ интереснейшей и захватывающей сказки; веселые, забавные прибаутки, и так далее. Подрастая, он начинал запоминать разные тексты песен и даже подпевать – это были и календарные песни, и бытовые, и семейные. И так из года в год песня запоминалась наизусть.

Так и живет русская народная песня, переходя от одного поколения к другому, олицетворяющая собой «кладясь нашей истории и культуры».

Импровизация была для исполнителей обычным явлением, потому что каждый пытался внести свою «изюминку», придать песне личную красоту. Импровизация придавала песне некую особенность, индивидуальность. Бывало, что песню одного содержания могли исполнять на абсолютно непохожие мотивы.

Старинная русская народная песня передавалась бесписьменным путем, у которых не было конкретных авторов, являясь безымянными. Все эти песни были великим достоянием народа, где каждый участник – исполнитель был так же и соавтором общего дела.

Выдающийся русский мыслитель И.А. Ильин (1882 – 1954) писал: «Воспитать ребенка – значит заложить в нем основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания...» [4].

Песни вносят огромное свое значение в воспитательную направленность детей. В русских народных песнях отражаются не только традиции нашего народа, историческое прошлое, элементы крестьянского труда, а так же и национально – психологические черты.

Ребенок живет больше чувствами, нежели разумом – различные предметы, с которыми он соприкасается, воспринимаются им, прежде всего, эмоционально, формируя способность к сопереживанию. Этот факт дает развитие эстетических чувств ребенка.

У каждого ребенка есть свои задатки, которые педагог в начале своей работы должен выявить, определить. И чем раньше это сделать, тем раньше начнется развитие и формирование способностей.

Способность ребенка к чему либо – это возможность человеческой природы совершать то или иное действие на качественном уровне [5]. А с увеличением качества можно говорить об уровне развития конкретной способности. Б.У. Такман обращает внимание на то, что «способность к творчеству используется для того, чтобы расширить возможности, тогда как интеллект – чтобы сузить их» [6]. Всегда хорошо, когда методологические вопросы стоят раньше, в основе. Дальше на их базе можно рассматривать уже другие моменты, касающиеся дальнейшего процесса в формировании творческого потенциала ребенка.

Художественно-творческие способности – это элемент эстетическо-художественного сознания. Они бывают общие, частные, специальные и специфические способности. Общие спо-

способности – это те способности, которые наиболее значимы, важные, доминантные, определяющие развитие других способностей.

Необходимые способности, которые применимы в любом виде музыкально-творческой деятельности – это *слух* (гармонический, мелодический, тембральный, и тд.); *ритм* (слушаем ли музыку, воспринимаем ли, поем в ансамбле, либо сольно); для воспроизведения и совершенствования нужно это помнить, запоминать и на этой базе творить – *память*.

Восприятие – важный и нужный процесс. Если обучающийся ребенок воспринимает музыку плохо, то он не сможет осознать, воспроизводить и развивать через нее себя. Получается, что восприятие во многом определяет развитие его слуха, чувства ритма и музыкальной памяти. Если не работает восприятие учащегося, он – не воспринимает, не слышит, либо слышит только некую поверхностную часть музыкального материала – в результате ребенок не погружается, не слышит гармонию, переходы, соединения. Итог – отсутствие целостного восприятия, работы памяти.

Значимость развития восприятия в рамках детского музыкального образования очевидна и требует пристального внимания со стороны всех участников педагогического процесса. Ребенок только начинает воспринимать мир, у него нет опыта в восприятии окружающей действительности, нет практики – поэтому здесь нет права на ошибку. И мы должны это восприятие делать комфортным, ярким, динамичным, разнообразным, делать посильным (в рамках содержательного плана, в рамках временных, то есть это должно быть не растянуто).

Восприятие развивается в контексте с общими способностями – совершенствуя слух, мы сможем остроту восприятия увеличить. Если память уже работает, тогда восприятие тоже работает, «загружает» память. Память позволяет работать восприятию.

Делая вывод из выше изложенного, восприятие детерминирует с общими способностями, с одной стороны слух, ритм, память – влияет на развитие восприятия; а с другой стороны – само восприятие обостряет и развивает слух, формирует чувство ритма более тонко, которое позволяет осваивать все новые ритмические структуры и активизировать память. В результате получаем опыт восприятия. Нужно детей учить

«воспринимать» музыку и работать над глубиной восприятия.

Для воссоздания того или иного художественного образа, необходима работа творческого воображения (фантазия). Воображение необходимо каждому музыканту. Нужно представлять, что искать, как обучаться, к чему двигаться. Чем совершеннее модель, тем глубже и шире процесс его освоения того или иного художественного образа. Без воображения мы не разовьем слух. Особенно для вокалиста, над внутренним слухом идет постоянный интонационный контроль.

Существует несколько видов воображения – *репродуктивное* – это воображение, когда мы что то представляем, что мы уже видели или с чем то мы это ассоциируем, с уже увиденным. Другим творческим воображением, когда наше творческое сознание работает и выдает нам интересный продукт, к которому мы потом стремимся и делаем его выразительным, наполненным, обоснованным с позиции музыкальной формы – это фантазия (музыкальная форма, тот творческий процесс, который необходим детям). Здесь творческое воображение является наиболее важным процессом и важной способностью.

Художественно-творческое развитие детей средствами русской народной песни воспитывает активную личность, способность творчески мыслить и проявлять творческую инициативу; формирование художественно – эстетического вкуса у ребенка; их творческие и практические навыки пения в народной манере.

Русскую народную песню человек никогда ничем не заменит, особенно это касается начального развития ребенка. Родная речь и народная песня должны иметь свое место в воспитании, начиная с самых маленьких, и вплоть до подросткового возраста. Только тогда ребенок вырастает здоровым нравственно. Овладение родной речью должно проходить вместе с освоением родного музыкального языка. Именно развитие средствами русской народной песни воспитывает в детях характер мышления, нравственность, патриотизм, эстетическое самосознание. Даже самые маленькие колыбельные песни, пестушки и потешки – вносят свой вклад народной педагогике, где нашли наиболее доступные для младенцев слова и поэтические образы. Все это готовит ребенка к взрослой жизни.

Список литературы:

1. Корнилов И.П. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем //Сборник статей И. П. Карнилова.– СПб, 1902. – С. 21.
2. Волкова Е.В. Произведение искусства в мире художественной культуры. – М.: Искусство, 1988. – С. 131/
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – С. 36/
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления. О национальном воспитании //Ильин И.А. Собр. Соч.: в 10 т. /сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Т. 1.– М., 1993.– С. 150.
5. Блох О.А. Развитие духовно-творческого потенциала учащихся-музыкантов: Автореф. дисс....доктора пед. наук. – М., 2004.
6. Такман Б.У. Педагогическая психология: от теории к практике. – М.: Прогресс, 2002. – С. 440.

Московский Государственный Институт Культуры, Москва

УДК 159.9

Е.А. Мачехина**МОРАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПОДРОСТКА:
ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ**

В статье рассматривается понятие и основные элементы моральной компетентности личности. Отмечено, что под моральной компетентностью понимается возможность видения целостного образа ситуации и субъектов морального выбора. Описана исследовательская процедура реконструкции ситуаций морального выбора и ее показатели – полнота и нравственная релевантность. Описаны и проанализированы показатели полноты и содержательной релевантности у подростков в разных типах дилемм.

Ключевые слова: моральная компетентность, моральный выбор, полнота реконструкции, содержательная релевантность.

В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос о моральном развитии личности, условий и факторов, способствующих его становлению в соответствии с принятыми нормами общества.

Ключевым компонентом, по мнению ряда авторов, в моральном развитии принадлежит моральной компетентности личности, которая выражается и проявляется через осуществление морального выбора [1],[2]. Способность человека осуществлять моральный выбор, воспринимать ситуации с таким содержанием приобретают особую важность в функционировании общества, которое задает нравственные ориентиры, без которых затруднительно принять то или иное моральное решение, причем знание и понимание моральных норм и правил составляет один из важных аспектов моральной компетентности. Особую важность этот вопрос приобретает в подростковом возрасте, когда подросток с его формирующимся мировоззрением нуждается в определении собственных ценностей и четких моральных ориентиров [1].

О важности формирования моральной компетентности подростка указывается и во ФГОС, приоритетным в рамках которого является формирование осознанного, уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку, его мнению, развитие морального сознания и компетентности в решении моральных проблем на основе личностного выбора и т.д.[3].

Несмотря на значимость моральной компетентности, нет единого мнения относительно сущности, условий и механизмов ее развития.

В последнее время понятие моральной компетентности активно разрабатывалось в исследованиях А.В. Садовой и О.А. Подольского [2], [4].

А.В. Садова, говоря о моральной компетентности указывает, что она включает в себя характеристики компонентов общения, когнитивно-психологические аспекты процесса понимания, моральные чувства, переживания, подразумевает осознание собственной системы ценностей, своих целей, намерений и чувств, возникающих в данной ситуации, представления о моральных ценностях партнеров по общению, ориентация в их интересах, целях и чувствах, всестороннее восприятие, понимание и анализ возникающего морального конфликта [2].

Подольский определяет моральную компетентность через такие ее составляющие, как Я-компетентность, компетентность в партнере, компетентность в ситуации.

Я-компетентность рассматривается как осознание системы моральных норм, иерархии ценностей, которые сам субъект считает приемлемыми и на которые он ориентируется, совершая моральный выбор. Это понимание своих целей, мотивов, своего положения в данной ситуации, представление о том, как бы сам субъект хотел поступить в этой ситуации на месте разных ее участников и как бы следовало себя повести. Тем самым, Я-компетентность – это адекватное восприятие себя в качестве субъекта моральных действий, осознание своих интересов, чувств, намерений и возможных способов поведения в ситуации.

Следующий компонент – компетентность в партнере. Включает предположение о системе моральных ценностей всех других участников ситуации, т.е. тех норм, на которые они станут ориентироваться. Т.е. способность адекватно воспринимать всех других субъектов, понимание их целей, интересов, мотивов, системы ценностей и вероятных поступков.

Последний компонент – компетентность в ситуации. Включает в себя осознание спектра моральных норм, представленного в данной ситуации, понимание основного конфликта: того, какие нормы являются взаимоисключающими или конфронтующими, какие из них соблюдаются, какие – нарушаются, понимание содержания морального конфликта и представление о том, как следует поступать всем участникам данной дилеммы. Таким образом этот компонент предполагает возможность воспринять целостный образ ситуации [4].

По мнению О.А. Подольского, моральная компетентность является важнейшей структурой в нравственном сознании.

Можно сказать, что моральная компетентность понимается как осознание себя в качестве субъекта моральных действий, осознание не только своих чувств, ценностных ориентаций, но и чувств, поступков другого, возможность воспринять целостный образ ситуации, и главное, увидеть нравственное содержание ситуации, возможность выбора в ней.

Согласно как зарубежным так и отечественным авторам, в подростковом возрасте появляется возможность осознанного управления собственным поведением, возможность осознанного руководства своими мотивами. Следовательно, применять в полной степени моральную оценку к деятельности, поведению человека можно лишь, начиная с подросткового возраста.

Определив психологическое содержание понятия «моральная компетентность» и ее значение в подростковом возрасте, остановимся на рассмотрении основных подходов к изучению ее развития у подростков.

Зачастую особенности моральной компетентности рассматриваются в русле изучения морального сознания, морального развития личности. В рамках данного вопроса рассмотрим три основных подхода к изучению морального развития личности: психоаналитический, бихевиоральный, когнитивный.

Психоаналитический подход разработан в рамках учения З.Фрейда, его по мнению, главная инстанция в моральных вопросах личности принадлежит Супер-Эго. З.Фрейдом было выделено несколько стадий психосексуального развития, которые связаны с эрогенными зонами, являющимися местом выражения побуждений либидо [12].

Главным в формировании морального сознания является выполнение нравственных норм

ребенком связано с давлением с одной стороны «Оно» и «Я» и идентификацией со «Свер-Я» родителей, перед которыми ребенок испытывает страх, но затем принимает в себя их требования. «Таким образом, то, что было внешним родительским требованием относительно соблюдения нравственных норм, становится интрапсихическим требованием ребенка к самому себе» [5, С. 146.].

В рамках психоаналитического подхода именно на последней, генитальной стадии, которая приходится на подростковый возраст, главной задачей является установление интимных отношений или влюбленность, внесение своего трудового вклада в общество. Генитальный характер – это идеальный тип личности. Такой человек обладает зрелостью, ответственностью в социально-сексуальных отношениях, берет на себя активную роль в решении жизненных проблем, проявляет заботу в отношении других людей [6].

Таким образом, в рамках аналитического подхода именно подростковый возраст является основой формирования идеального типа личности – генитального, который способен быть ответственным в жизненных ситуациях и заботливым в отношении других людей.

В рамках бихевиорального подхода акцент с внутренних факторов перемещается на внешние. Нравственное поведение как условный рефлекс рассматривается в трудах Г. Айзенка. Нравственное поведение как результат научения рассматривается Б.Ф.Скиннером [7]. В теории социального научения А.Бандуры моральное развитие личности рассматривается в аспекте научения через моделирование. По сути, вопрос моральной компетентности подростка не рассматривается в открыто в рамках данного подхода [6].

В рамках когнитивного подхода подростковый возраст является также ведущим в формировании нравственно зрелой личности [8]. Начало исследований в рамках данного направления связано с работами Ж.Пиаже. Ученый выделяет две стадии развития морали: стадия гетерономной морали (следование этике принуждения) и стадия автономной морали (этика сотрудничества).

Важным моментом в развитии морали является переход от этики принуждения к этике сотрудничества, механизмом которого выступает сформированность мыслительных операций, а именно формально-логического мышления.

Именно в подростковом возрасте происходит формирование ведущих операций формально-логического мышления.

Наиболее широкую известность получила концепция Л.Колберга, который пришел к выводу, что с возрастом происходит и развитие морального мышления, причем операции морального мышления соотносятся с принципами построения операционального интеллекта.

В своей концепции Л.Колберг выделил три стадии развития морали, каждая из которых делится еще на подстадии. Первый уровень доконвенциональная мораль - на первой стадии для детей моральные нормы являются правилами, созданными авторитетами, эти соблюдения этих предписаний нужны для одобрения, похвалы, в противном случае их несоблюдение влечет к наказанию. На второй стадии главным для детей является ориентация на реальные последствия поступков, независимо от мотивов поступка. На этой стадии дети еще не способны встать на позицию другого человека.

Следующий уровень Колберг назвал конвенциональной моралью. На третьей стадии индивиды ориентируются на поддержание межличностных отношений, уже учитываются мотивы поступков, причем не осуждаются дурные последствия тех поступков, которые были совершены из добрых побуждений. Но отношение к нормам общественным еще не выработано. На четвертой стадии человек уже ориентируется на общественные нормы и оценивает с их точки зрения поступки других, они поддерживают эту общественную систему, если она позволяет избегать хаоса. Основной мотив поведения это стремление повиноваться общественным порядкам. Система более приоритетна, чем интересы ее членов.

Последний, высший уровень развития морали, автор называет постконвенциональная мораль. На этой стадии находятся люди, достигшие моральной зрелости. Главным здесь является рассмотрение всех поступков с точки зрения справедливости. Главный вопрос здесь состоит в том, может ли существующая система распределить все блага равноценно для каждого ее члена. Индивид является приоритетным над обществом, жизнь человека-наивысшей ценностью. Именно с этой позиции решаются моральные дилеммы.

На шестой стадии общество рассматривается с точки зрения всего человечества: каждое об-

щество должно быть открыто всем достижениям, в особенности нравственным.

По мнению Л.Колберга, только с подросткового возраста возможно достижение уровня постконвенциональной морали [8].

Таким образом, подростковый возраст во всех подходах рассматривается как возраст становления моральной компетентности.

Несмотря на то, что именно подростковый возраст является сензитивным периодом формирования моральной компетентности, зачастую характерным для подростка является снятие ответственности за происходящее, недостаточная степень осознания последствий своих поступков, неумение видеть нравственную составляющую в возникающих моральных дилеммах, ориентация в большинстве случаев на прагматическую модель поведения [4]. Все это является следствием ее несформированности, поэтому встает вопрос о более ее детальном изучении у подростков. Но это затруднительно осуществить без наличия процедуры, позволяющей определить особенности компетентности в вопросах решения моральных ситуаций.

Как уже было сказано, моральная компетентность личности играет особую роль в адаптации и ключевым моментов в ее определении является целостное видение ситуации морального выбора.

Раз моральный выбор является важным компонентов моральной компетентности и делает возможным через его рассмотрение изучение особенностей моральной компетентности, встает вопрос о методах его изучения и критериев определения его особенностей.

Для решения этого вопроса прежде всего следует обратиться к психологическому содержанию понятия ситуация морального выбора.

Сущность морального выбора, проблемы его определения и особенности раскрываются подробно В.И. Богштановским. По его мнению, категория «выбор» затрагивает все сферы жизнедеятельности человека, всех субъектов жизнедеятельности, жизненный путь человека складывается из различных ситуаций выбора и его необходимость является существенным свойством зрелой личности [1].

Данное понятие связано с такими категориями как ответственность, свобода, намерение, результат, цель, средства, принятие не только решения, сколь его исполнение. Выбор не может пониматься в отрыве от смысла деятельно-

сти и ценностной направленности, сориентированности в мире добра и зла.

Таким образом, существует достаточно много определений, но все определения подчеркивают основные характеристики морального выбора: во-первых, способность самоопределения в мире ценностей и норм, во-вторых, их воплощение в конкретном варианте поступка, в третьих, наличие нравственного противоречия.

Существенными условиями осуществления морального выбора является отсутствие внешних принуждений и запретов, рефлексия и сознательность выбирающего, наличие у него внутренних ориентиров: ценностей, идеалов, целей.

Как уже было сказано, через такой феномен как «моральный выбор» возможно изучение моральной компетентности подростка. Тем самым, моральный выбор может выступить как критериальная задача изучения особенностей моральной компетентности.

Моральный выбор проявляется в определенной ситуации – ситуации морального выбора, отличительная черта которой – «безусловная альтернативность». Разрешение данной ситуации всегда сопровождается потерями и утратой одной ценности ради другой, и их примирение, компромисс не возможны. Моральный выбор – это не только «правильный» выбор должного, который делает человек в противоречивых и многоаспектных ситуациях своего социального бытия, но еще и тот, который принимается им как собственный и ответственный выбор [9].

Традиционно исследование ситуаций морального выбора связано с именем Л.Колберга, использовавшего в своих исследованиях нравственного поведения моральные дилеммы. Вслед за Л.Колбергом, в исследованиях морального поведения, мышления используются моральные дилеммы. В основном многие подходы с их процедурами исследования в основном констатируют наличие или отсутствия того или иного качества, уровня данного исследуемого признака. Но как происходит сам процесс выбора, что за этим стоит, на что ориентируется испытуемый, не находит должного исследования.

Важным и необходимым аспектом изучения проблемы морального выбора является изучение самого процесса принятия решения, анализа ситуации. Наиболее распространенным инструментом изучения морального выбора являются моральные дилеммы, которые определяются

как задания, в которых испытуемому предлагается ситуация и ставятся вопросы [10].

В основном многие подходы с их процедурами исследования в основном констатируют наличие или отсутствия того или иного качества, уровня данного исследуемого признака. Но как происходит сам процесс выбора, что за этим стоит, на что ориентируется испытуемый, не находит должного исследования.

В связи с этим была предпринята попытка разработки процедуры реконструкции ситуации морального выбора, с целью изучения особенностей восприятия ситуаций выбора и основных категорий, представленных в сознании школьников при анализе и оценке ситуаций морального выбора.

Как показал теоретический анализ, существенной характеристикой ситуации морального выбора является ее альтернативность, возможность осуществления выбора, которое всегда сопровождается потерями и утратой, т.е. наличие нравственного конфликта является необходимым условием ситуации морального выбора.

Структура и содержание ситуации морального выбора именно в ее реконструкции позволяет определить ее существенные особенности, ход ее решения, представления.

Вводится такое понятие как «продуктивность» реконструкции, ее критериями является полнота и содержательная релевантность ответов испытуемого. Полнота реконструкции подразумевает охват всех компонентов ситуации морального выбора: участников, мотивов, ценностей, условий, последствий. Критерием определения содержательной релевантности является степень осознания и выделения нравственного содержания ситуации, которая раскрывается через способность к проблемной рефлексии индивидом конфликта интересов, мнений и ожиданий участников в ситуации, требующей нравственной оценки, обращенность к личности, ее ответственности, рассмотрению личности как субъекта морального поведения. Центральным в понятии содержательной релевантности является принятие ответственности, которая является одной из самых важных проблем в рассмотрении нравственного поведения, рассматривая ответственность как «моральный атрибут близости» [9],[11],[12].

Сама процедура реконструкции предполагает анализ испытуемыми моральных дилемм, которые предполагают решение разных моральных противоречий: задач, актуальных для

возраста и перспективных. Выбор разных типов дилемм обусловлен в первую очередь тем, что основной причиной критики использования моральных дилемм является их оторванность от жизненных реалий человека [8], [10].

Процедура исследования заключалась в следующем: испытуемым предлагалось ознакомиться с каждой из ситуаций и порассуждать на предмет происходящего. Инструкция заключалась в следующем: «Вам предлагается 6 ситуаций. Необходимо знать Ваше мнение по поводу каждой из ситуаций. В ходе нашей беседы я задам Вам несколько вопросов. Высказывайте все свои мысли, приходящие на ум, после того, как мы с Вами обсудим, я Вас попрошу оценить каждую разобранную ситуацию».

Задаваемые вопросы представлены ниже:

1. Ваше мнение по поводу данной ситуации?

2. Представьте себе, что у Вас имеется возможность что-либо узнать об этой ситуации или у участника событий. Что бы Вы спросили?

3. Как Вы думаете, чем закончится данная ситуация?

Тем самым, данная процедура позволяет определить степень выраженности полноты и содержательной релевантности реконструкции ситуаций морального выбора в целом, а также по ее компонентам.

Обработка полученных данных осуществлялась с применением процедуры контент-анализа. Как уже было сказано, основными компонентами (категориями) анализа являются участники, условия, мотивы, последствия, ценности. Рассмотрим процедуру оценки полноты реконструкции. Оценивается отдельно каждая категория, затем суммируется полученная оценка. За отсутствие в анализе испытуемого упоминания категории присваивается 0 баллов. Теперь рассмотрим по каждой категории в отдельности. Категория «участник» предполагает, что испытуемый рассматривает участников событий, упоминает о них. Как было уже сказано, если испытуемый не упоминает участников событий, ему присваивается 0 баллов, если он упоминает одного участника событий-1 балл, несколько-2 балла. Максимальную оценку в 3 балла испытуемый получает в том случае, если он рассматривает участников ситуации в их взаимодействии, взаимоотношении, их разных ролевых позиций.

Категория «мотив» – аналогично. Только 2 балла присваивается в том случае, если испы-

туемый упоминает мотивы разного вида: альтруистические, эгоистические и т.д. 3 балла испытуемый получает в том случае, если он указывает на иерархию мотивов, их соотношение.

Категория «условия», «ценности», «последствия» оцениваются аналогично с категорией мотивов. Условия в данном случае могут быть внутренние – исходящие от человека и внешние – от обстоятельств. Ценности могут быть как эгоистические, так и социальные, ориентированные на другого. Что касается категории «последствия», здесь также они могут быть разной направленности: адаптивные к требованиям окружения, и также личностные, приводящие к внутриличностным изменениям.

Что касается содержательной релевантности, как уже было отмечено выше, категории те же самые, что и в полноте реконструкции, но здесь максимальный балл равен двум. Рассмотрим более подробно данный компонент. По отношению к категории «Участники» один балл присваивается в том случае, когда в гипотетической ситуации участник выступает как субъект морального выбора, способный нести ответственность за свои поступки и действия. Также балл присваивается, когда испытуемый выносит суждения о правильности/неправильности действия участника с дальнейшим обоснованием. 2 балла присваивается, когда испытуемый выделяет всех участников ситуаций как субъектов выбора, раскрывая взаимосвязь и отношения между ними, их роли, ответственность перед другим. Аналогичная оценка по остальным категориям, т.е. учитываются только нравственные мотивы, такие как мотив взаимопомощи, заботы о другом, альтруистические мотивы. Условия рассматриваются как внутренние, зависящие от человека, например, когда говорится о совести, стыде и т.д. Что касается категории ценностей, здесь важно отметить, что испытуемый выделяет нравственные ценности, ценности взаимоотношений и ответственности перед другим. Последствия указываются относительно личности, ее внутренних ресурсов и изменений в личностном плане, исключая адаптацию в социуме. 2 балла присваивается тогда, когда испытуемый выделяет отношения между мотивами, ценностями, условиями, последствиями, т.е. он замечает противоречия между видами ценностей, мотивов и т.д.

Перейдем к анализу полученных результатов. Исходным предположением исследования явилось то, что такие показатели продуктивно-

сти реконструкции ситуаций морального выбора как полнота и содержательная релевантность взаимосвязаны, и эта взаимосвязь проявляется в ситуациях, моделирующих моральные противоречия, актуальные и перспективные для задач возраста.

Исследование было проведено на базе МБОУ «Лицей № 36 г. Калуги». В исследова-

нии приняли участие 46 обучающихся, возрастной диапазон которых 14-16 лет, среди них 30 девушек и 16 юношей.

Полученные результаты такого показателя реконструкции ситуаций морального выбора как полнота представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели степени выраженности полноты реконструкции и ее компонентов в ситуациях морального выбора, %.

	Компоненты полноты реконструкции					
	Участники	Мотивы	Ценности	Условия	Последствия	Общий
Все дилеммы	10,8%	3,2%	0,26%	6,6%	7,26%	28,1%
Дилеммы, моделирующие моральные противоречия, актуальные для задач возраста (А – дилеммы)	10%	2,46%	0,33%	5,8%	7,26%	26%
Дилеммы, моделирующие моральные противоречия, перспективные для задач возраста (П – дилеммы)	11,2%	3,26%	0,13%	7%	7,4%	29%

Как мы видим, общий показатель полноты реконструкции по всей выборке невысокий – всего 28,1%. Наиболее полно подростки раскрывают участников ситуаций морального выбора, последствия ситуаций, а также определенные условия данных ситуаций. Наибольшую трудность подростки испытывают при реконструкции ценностей.

Схожая картина наблюдается в отношении реконструкции актуальных дилемм и перспективных, но стоит отметить, что полнота выше в П-дилеммах. Также наиболее сложной категорией в восприятии ситуаций с нравственным содержанием являются ценности, но подростки наиболее полно охватывают их в А-дилеммах по сравнению с П-дилеммами.

Проанализировав степень достоверности различий между разными типами дилемм с ис-

пользованием Т – критерия Вилкоксона, было установлено, что различия значимы по общему показателю полноты реконструкции ($T=222$; $p \leq 0.002$), по мотивам ($T=176$; $p \leq 0.03$) и условиям ($T=126$, $p \leq 0.04$). Таким образом, подростки успешнее анализируют ситуации, которые перспективны в жизненном плане. Можно предположить, что они решают задачи, лежащие в зоне ближайшего развития моральной компетентности.

Перейдем к рассмотрению другого показателя реконструкции ситуаций морального выбора – содержательной релевантности.

В таблице 2 показана степень выраженности содержательной релевантности и ее компонентов в ситуациях морального выбора, %.

Таблица 2. Показатели степени выраженности содержательной релевантности и ее компонентов

	Компоненты релевантности					
	Участники	Мотивы	Ценности	Условия	Последствия	Общий
Все дилеммы	1,4%	2,3%	0,7%	0,3%	1%	5,7%
Дилеммы, моделирующие моральные противоречия, актуальные для задач возраста (А – дилеммы)	1,1%	0,8%	0,6%	0,4%	0,7%	3,7%
Дилеммы, моделирующие моральные противоречия, перспективные для задач возраста (П – дилеммы)	1,4%	3,6%	0,5%	0,3%	1,4%	7,2%

Как видно из таблицы, уровень содержательной релевантности существенно ниже, чем уровень полноты реконструкции. Как видно из таблицы, подростки успешнее анализируют нравственное содержание мотивов участников, среди которых мотивы помощи, альтруизма, заботы и участников событий, представленных в их сознании как субъекты морального выбора. Наибольшую сложность в выделении нравственного содержания подростки испытывают при анализе условий и ценностей, затрагивающихся в определенной ситуации морального выбора.

Что же касается результатов в отношении разных типов дилемм, мы наблюдаем следующее: в «А» – дилеммах, общий показатель содержательной релевантности, а также показатели в отношении таких категорий как участники ситуации, мотивы, последствия по сравнению с «П» – дилеммами ниже. Но в «А» – дилеммах подростки успешнее выявляют и понимают нравственное содержание в отношении ценностей и условий, чем в «П» – дилеммах. Статистический анализ показал, что уровень содержательной релевантности выше в «П» – дилеммах и испытуемые анализируют и понимают нравственное содержание мотивов, представленных в анализируемых ситуациях. ($T=81$; $p \leq 0.0001$ и $T=44$; $p \leq 0.00001$, соответственно).

Помимо этого был проанализирован характер связи между полнотой реконструкции и ее содержательной релевантностью. Было установлено, что существует положительная корреляционная связь между этими показателями продуктивности. содержательной релевантности и полноты реконструкции. Также наблюдаются положительные корреляционные связи между (А) – дилеммами по показателю полноты реконструкции и (А) – дилеммами по показателю содержательной релевантности ($r=0,55$, при $p < 0,05$). Аналогичная тенденция наблюдается в (П)- дилеммах ($r=0,58$, при $p < 0,05$).

Список литературы:

1. Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20/Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002. – 280 с.
2. Садокова А.В. Влияние индивидуальных характеристик эмоционально-личностной сферы на особенности развития моральной компетентности в подростковом возрасте. Канд. дис. – М., 2001. – 169 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://standart.edu.ru/> (дата обращения: 29.07.15).

Таким образом, закономерности в отношении основных показателей продуктивности реконструкции ситуаций морального выбора не противоречат друг другу: общая содержательная релевантность и полнота выше в (П) – дилеммах по сравнению с (А) – дилеммами, такая же закономерность выявлена в отношении такого показателя как мотив в ситуациях морального выбора. Анализ содержания ситуации невозможен без обращенности к мотивам ситуации. Нравственный мотив прежде всего показывает, как нужно поступать по долгу, а в подростковом возрасте это наиболее актуально.

Наибольшую сложность в анализе продуктивности реконструкции ситуаций морального выбора для подростков имеет категория ценностей. Интересен тот факт, что в отношении полноты и содержательной релевантности подростки успешнее анализируют ценности, которые представлены в ситуациях, актуальных для их возраста. Ценностная сфера в подростковом возрасте проходит первые этапы своего становления, возможно, с этим связаны полученные результаты.

В целом, подростки демонстрируют низкий уровень продуктивности реконструкции ситуаций морального выбора, что свидетельствует о низком уровне развития моральной компетентности и указывает на необходимость повышения ее уровня. Наибольшую сложность для подростка представляет нравственный анализ ситуаций морального выбора, а именно ценностей, задействованных в ситуациях.

Тем самым, предложенная процедура реконструкции ситуаций морального выбора может быть использована не только в качестве инструмента исследования моральной компетентности, но и также как инструмент по повышению ее уровня. Причем в рамках данного направления работы необходимо использовать дилеммы, в которых ставится морального противоречие для перспективных задач возраста.

4. Подольский О.А. «Моральная компетентность современных подростков: психологическое содержание и методы оценки»/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/> (дата обращения: 27.06.14).
5. Фрейд З. Психоаналитические этюды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [URL:http://modernlib.ru/](http://modernlib.ru/) (дата обращения: 29.07.15).
6. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2013. – 607 с.
7. Ким И.О. В.М. Минияров, Д.В. Иванов. Понятие моральных представлений в отечественной и зарубежной психологии//Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4. – С. 146-150.
8. Анцыферова Л.И.Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы)//Психологический журнал. 1999. № 3. – С. 69-87.
9. Горбачева Е.И. Психологический анализ феномена «Моральный выбор»// Психология в вузе. – 2013. № 3. – С. 92-103.
10. Молчанов С.В. Структура морального поведения в концепции Дж.Реста: проблема и методы исследования// Психология и школа. 2005. №1. – С. 111-132.
11. Арендт Х. Ответственность и суждение/пер.с англ. Д.Аронсона, С.Барлиной, Р.Гуляева. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013. – 352 с.
12. Бауман З.Актуальность холокоста/Зигмунд Бауман. – М.: Издательство «Европа», 2013. – 316 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 616.895

С.В. Молоткова
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОЗАВИСИМЫХ РОДСТВЕННИКОВ
В СЕМЬЕ С ХИМИЧЕСКИМ АДДИКТОМ

Созависимый человек из деструктивной семьи с проблемой алкоголизма и наркомании движется в направлении навязчивого саморазрушения и нуждается в помощи со стороны. Несмотря на убеждения некоторых пациентов, что у них в семье все в порядке, кроме проблемы алкоголизма или наркомании близкого члена семьи, но психологический статус большинства свидетельствует о душевной напряженности и неудовлетворенности, а социальный статус характеризуется материальной нестабильностью и отчужденностью окружения. А также для созависимых «спасение» аддикта является образом и постоянным смыслом жизни. Несмотря на широкий спектр исследований по данной проблеме, до настоящего момента остаются актуальными все механизмы лежащие в основе созависимого поведения, а также изучение созависимой личности в семье с химическим аддиктом.

Ключевые слова: созависимость, аддикция, семья, психологическая помощь.

Для современного российского общества всегда актуальными и особо острыми являются проблемы зависимостей во всех их многочисленных проявлениях. Они отражают нравственные, социальные, экономические, политические и иные негативные трансформации, происходящие в России, и свидетельствуют о постоянной глубине её экзистенциального кризиса.

На сегодняшний день специалисты единодушны во мнении о том, что основой профилактики и психокоррекции аддиктивного поведения наркомана или алкоголика непосредственно является работа с его семьёй. Однако практика показывает, что члены семей, где есть химически зависимый, нуждаются в отдельной и самостоятельной помощи не только по причине переживания семейных деформаций, но и по причине наличия у них созависимости (аддикции отношений) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9;].

В настоящее время существует целый ряд отечественных и зарубежных исследований, изучающих созависимые отношения в семьях с больными алкоголизмом, рассмотрены причины, механизмы, условия возникновения созависимости (М. Битти, Б.С. Братусь, Н.Н. Иванец, В.Д. Москаленко, В.Е. Рожнов, Н.В. Дмитриева, Э.Г. Эйдемиллер и др.). Однако, несмотря на общепризнанный факт возникновения в семьях с алкогольной зависимостью особого типа внутрисемейных отношений, описываемых понятием созависимость, на сегодняшний день сохраняется острая потребность дополнительных теоретических и практических исследований в этой данной области

[10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]. Где рассматриваются психологические составляющие взаимовлияния семьи и аддикта, употребляющего алкоголь, изучающих особенности личности созависимого члена семьи, составляющих его ценностно-смысловой сферы, оказание психологической помощи при созависимости [14]. Ряд авторов считают, что созависимость – это отдельная болезнь, другие авторы считают, что созависимость – это реакция на стресс, есть мнение, что созависимость – это особое патологическое развитие личности. В этой работе описывая термин «созависимость» опираемся на точку зрения В.Д. Москаленко и понимаем созависимость как такое состояние человека, которое выражается полной поглощенностью управлением поведения и состоянием другого человека, при этом совершенно игнорируются свои собственные жизненно важные потребности [13]. По сути созависимость – зеркальное отражение зависимости.

Следует отметить важный фактор риска, который имеется у созависимых, и заключающийся в том, что если алкоголизм и созависимость относятся к нездоровым, тупиковым жизненным ситуациям, то, следовательно, у созависимых лиц могут развиваться различные формы аддикций, которые, в свою очередь, приводят к созданию системы соаддиктивных отношений.

В связи с этим формируется большая основная задача по выходу из созависимости. Помощь необходима с целью восстановления и укрепления психического здоровья личности, психокоррекции произошедших в результате созависимости деформаций, восполнения её

личностного и профессионального ресурса, приобретения социально-адаптивных стратегий поведения, активизации способности к результативному и творческому труду, воспитательных функций, сохранения и оздоровления семьи.

Несмотря на широкий спектр исследований по данной проблеме, до настоящего момента остаются актуальными все механизмы лежащие в основе созависимого поведения, а также **изучение созависимой личности в семье с химическим аддиктом**. Созависимость в семье при наличии в ней алкоголика или наркомана с одной стороны, сохраняет гомеостаз (равновесие) в нарушенной семейной системе, с другой стороны – препятствует изменению деструктивного стиля жизни семьи, разрушает её нормальное функционирование и жизнедеятельность, а так же психологическое здоровье и адаптивность всех её членов, в связи с этим провоцирует химического аддикта (алкоголика и наркомана) на закрепление аддиктивного (зависимого) поведения.

Цель исследования: выявление психологических характеристик родственников алкоголиков, препятствующих их прогрессивному личностному развитию.

Объект исследования – созависимая личность из деструктивной семьи.

Задачи исследования:

1. проанализировать существующие в психологической литературе представления о теориях личности включая имплицитную теорию;
2. определить особенности созависимости в семье при наличии в ней алкоголика.

Гипотеза исследования основана на предположениях о том, что созависимость личности является сложным, специфическим субъективным проявлением человека и характеризуется патологической зависимостью от другого, с выраженными защитными психологическими механизмами, закреплёнными саморазрушительным поведением, дезадаптивными приспособительными реакциями и неэффективным способом взаимодействия с окружающими людьми.

Для решения поставленных задач в работе использовались **методы исследования**:

1. обзорно-аналитический (по изучаемой теме теоретический анализ литературы по психологии и медицине)
2. общенаучные (эксперимент, анкетирование, тестирование)

Для исследования созависимой личности, по согласию, применялись следующие **методики**:

1. Методика диагностики самооценки психических состояний по Г.Айзенку
2. Методика выявления преобладающих механизмов психологической защиты в общении (опросник В.В.Бойко)
3. Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Page.
4. Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R) {symptom check list-90-revised}

Экспериментальной базой исследования выступил ГБУ «МНПЦ наркологии ДЗМ» филиал №9 г.Москвы.

Испытуемыми были члены деструктивных семей с проблемами в них алкоголизма и наркомании.

В ходе экспериментального исследования была осуществлена комплексная диагностика, направленная на определение различных личностных и поведенческих особенностей созависимого члена из деструктивной семьи. На первичной психологической консультации после предварительной беседы предлагалось заполнить анкету. Анализ возрастных категорий показал, что в возрасте от 38 до 65 лет проблема остро стоит как у отцов и матерей, так и жён алкоголиков и наркоманов (их было 24 человека). В возрасте от 50 до 70 лет обращались матери пожилого возраста, взрослые дети которых страдают алкоголизмом. Эту категорию лиц представляли 12 человек. Их обращение к психологу вызвано невыносимыми условиями в семье из-за крайней степени запущенности алкогольной проблемы и безысходности ситуации. Эта крайняя и сложнейшая ситуация встречается реже всего, но и одновременно является наиболее критической в плане перспектив и последствий.

Также, анкетирование показало, что у 12 человек данная проблема в семье наличествует более 20 лет, у 24-х от 5 до 10 лет. Все испытуемые неоднократно обращались за медицинской и психологической помощью. Данный факт свидетельствует о крайне тяжёлой семейной ситуации, серьезных личностных затруднениях, проблемах со здоровьем у всех созависимых. Несмотря на убеждения некоторых наших пациентов, что у них в семье все в порядке, кроме проблемы алкоголизма или наркомании у близкого члена семьи, но психологиче-

ский статус большинства свидетельствует о душевной напряженности и неудовлетворенности, а социальный статус характеризуется материальной нестабильностью и отчужденностью окружения. Также следует отметить, что все обратившиеся за помощью считают решение проблем близкого своей обязанностью и даже долгом и, в большинстве случаев, «спасение» аддикта является образом и смыслом жизни. Это говорит о том, что психические и жизненные ресурсы членов семьи уходят на улаживание межличностных и внутриличностных конфликтов и переживание постоянно возникающих стрессовых ситуаций, однако мотивация на принятие психологической помощи наличествует всего у 6 человек из 36.

1. Методика диагностики самооценки психических состояний по Г.Айзенку позволила выявить высокий уровень таких психических состояний как тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность у созависимых личностей. Эти данные являются факторами нарушения равновесия между человеком и окружением, из-за которых наступает затруднения приспособиться к изменениям этого окружения. Все показатели свидетельствуют о критическом уровне изучаемых психических состояний: высокой тревожности, стремлению избегать трудности, страхе неудач, агрессивности, невыдержанности, трудностях в общении с людьми, трудностях в переключаемости, сложностях в изменении.

2. Методика выявления преобладающих механизмов психологической защиты Бойко В.В. показала преобладание стратегий избегания (65% испытуемых) и агрессии (35%) у созависимых в близких отношениях. При этом агрессия часто направленная на себя.

3. Диагностика стрессоустойчивости и социальной адаптации при помощи методики Холмса и Прае показала высокую степень зависимости эмоционально-психологического состояния созависимой личности от различных стрессогенных событий. Созависимые характеристики напрямую зависят от уровня психотравмирующего действия деструктивных взаимоотношений в семье, от их травматического потенциала. Большая часть испытуемых имеет низкую степень сопротивляемости стрессу.

Из числа всех обследуемых созависимых 60% (6 человек) находятся в кризисном состоянии, функционируют в постоянной стрессовой ситуации. Привычность к эмоциональ-

ному напряжению указывает на близость к фазе нервного истощения.

4. Диагностика выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R) позволила выявить дистресс возникающий из ощущения телесной дисфункции, нарушения вызванные соматизацией, где психогенный компонент играет большую роль во многих органических заболеваниях. Повышенную тревожность, состоящую в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях. Враждебность – проявлениями негативного аффективного состояния злости.

Фобическая тревожность определяемая как стойкая реакция страха на определенных людей, ситуации, которая характеризуется как иррациональная и неадекватная и влечет за собой избегающее поведение (синдром фобической тревожной деперсонализации).

Паранойяльные симптомы – как вид нарушения мышления, экстернализируя свои собственные эмоции используют психологическую защиту в виде проекции, приписывая окружающим собственные неосознаваемые черты, побуждения, намерения, мотивы. В силу аффективной уплощенности кажутся неэмоциональными, лишенными тепла.

Выявленные в ходе диагностики стрессовая неустойчивость, проблемы эмоционального реагирования, характер защитных механизмов созависимой личности, характер взаимоотношений внутри семьи (супруги, родители), повышенную тревожность, враждебность, стойкие реакции страха, нарушения вызванные соматизацией – показывает общий профиль созависимой личности из деструктивной семьи с проблемой в ней алкоголизма или наркомании. Это сложное деструктивное проявление личности, сопровождающееся:

1. предельно низкой степенью сопротивляемости стрессу, что свидетельствует о кризисном состоянии, близком к эмоциональному истощению

2. глубокими нарушениями в эмоциональной сфере, выраженными в неспособности определения собственных переживаний

3. крайне социально-психологической дезорганизацией, характеризующейся дезадаптивными установками на семейную проблему и жизнедеятельность в целом

4. наличием психологических защит, искажающих представления созависимой личности

о реальности и препятствующих выходу из кризиса и саморазвитию

5. когнитивным дефицитом, проявляющимся в неспособности к рефлексии, адекватной оценки ситуации, в ригидности мыслительной деятельности

6. компульсивностью—неосознанным стремлением к неконструктивному взаимодействию и травмирующему общению

7. жертвенностью, неадекватной самоотдачей и повсеместным отрицанием своих нужд и неумением заботиться о себе

8. поиском неистощимого источника самоутешения, самоуважения, нужности и значимости

9. неосознанностью вторичных выгод от навязчивой привязанности к алкоголику (наркоману), являющейся деструктивной, разрушительной и опасной для психического и физического здоровья личности и окружения

10. иллюзией своей незаменимости для близких, оправдывающей как собственную манипулятивность, так и манипулятивность со стороны близкого зависимого

На основании вышеизложенной картины, характеризующей созависимую личность, можно заключить, что созависимый человек из деструктивной семьи с проблемой алкоголизма и наркомании движется в направлении навязчивого саморазрушения и нуждается в помощи со стороны.

Таким образом, цель исследования достигнута, и гипотеза подтвердилась.

Основная поставленная психологическая задача – вскрыть основные специфические закономерности изучаемых явлений – решена.

Представлен сравнительный анализ созависимых родственников больных алкоголизмом. Результаты исследования изложены кратко.

В ходе экспериментального исследования была осуществлена комплексная диагностика, направленная на определения различных личностных и поведенческих особенностей созависимого члена из деструктивной семьи.

Кроме того, несмотря на очень широкий спектр исследований по данной проблеме ос-

таются всё же не до конца выявленными механизмы, лежащие в основе созависимого поведения, и недостаточно изучены качественные характеристики созависимой личности в семье с химическим аддиктом.

Созависимый человек из деструктивной семьи с проблемой алкоголизма и наркомании движется в направлении навязчивого саморазрушения и нуждается в помощи со стороны! Несмотря на убеждения некоторых наших пациентов, что у них в семье все в порядке, кроме проблемы алкоголизма или наркомании близкого члена семьи, но психологический статус большинства свидетельствует о душевной напряженности и неудовлетворенности, а социальный статус характеризуется материальной нестабильностью и отчужденностью окружения. А также для созависимых «спасение» аддикта является образом и постоянным смыслом жизни. Несмотря на широкий спектр исследований по данной проблеме, до настоящего момента остаются актуальными все механизмы лежащие в основе созависимого поведения, а также изучение созависимой личности в семье с химическим аддиктом. Помощь необходима с целью восстановления и укрепления психического здоровья личности, психокоррекции произошедших в результате созависимости деформаций восполнения её личностного и профессионального ресурса, приобретения социально-адаптивных стратегий поведения, активизации способности к результативному и творческому труду, сохранение и оздоровление семьи.

Анализ теорий с экспериментальной частью работы не претендует на то, чтобы досконально разобраться в поставленной актуальной проблеме.

Просто хочется в дальнейшем предположить некоторые ориентиры, показать своеобразие жизни с желаниями увидеть, услышать, ощутить распространённые предубеждения, которые мешают нам жить. И просто ради того, чтобы к мужчинам и женщинам вернулось счастье быть вместе, оставаясь разными.

Список литературы:

1. Абульханова К.А. Рубинштейн С.Л. Ретроспектива и перспектива//Проблема субъекта в психологической науке. – М.: Академический проект. 2000.– С. 13-27.
2. Ананьев Б.Г. Генетические и структурные взаимосвязи в развитии личности// Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000.

3. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности// Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб., 2000.
4. Бурно М.Е. О характерах людей. – М.: Академический проект, 2013.
5. Битти М. Алкоголик в семье, или преодоление созависимости. – М.1997.
6. Братусь В.С. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. – М., 1984.
7. Зейгарник Б.В. Теория личности К.Левина. – М., 1989.
8. Зыков О.В. Мотивационные технологии формирования резистентности. – М., 2012.
9. Холл К., Линдсей Г. Теория личности. – М., 1997.
10. Крейн У. Секреты формирования личности. – СПб.: Прайм Еврознак, 2002.
11. Левин Курт Динамическая психология. – М.: Смысл, 2001.
12. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1980.
13. Макаров В.В. Первичная профилактика наркологических заболеваний у подростков//Вопросы психологии.1991.№3
14. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. – М.: МГУ, 1982.
15. Мерлин В.С. Очерк Интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986.
16. Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека// Психология отношений. Избранные психологические труды. – М., 1995.
17. Москаленко В.Д. Дети больных алкоголизмом (возраст от 0 до 18лет) Серия: Обзоры по важнейшим проблемам здравоохранения и медицины.//Обз.инф.НПО. – М., 1990.
18. Москаленко В.Д. Жёны больных алкоголизмом // Вопросы психологии. 1991. №5.
19. Москаленко В.Д. Зависимость семейная болезнь. – М., 2004.
20. Никитин Ю.В. Первичная профилактика и лечение алкоголизма. – Киев, 1999.
21. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 2002.
22. Русалов В.М. Природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности//Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.Питер, 2000.
23. Мадди С. Теории личности: Сравнительный анализ. – СПб., 2002.

ДНС ГБУ «МНПЦ наркологии ДЗМ» филиал№9, Москва

ОБ АВТОРАХ

Арпентьева (Минигалиева) Мариям Равильевна – кандидат психологических наук, доцент (социальная психология), старший научный сотрудник, кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, специалист в области социальной психологии, консультативной психологии и психотерапии, психологии понимания. E-mail: mariam_rav@mail.ru

Артамонов Михаил Александрович – образование высшее. В 2010г. закончил ИСО КГУ имени К.Э. Циолковского, затем здесь же магистратуру. Место работы: Министерство образования и науки Калужской области. Интересы в науке: русская религиозная философия. Аспирант КГУ им.К.Э. Циолковского.

Ахмерова Инесса Юрьевна – кандидат медицинских наук, главный специалист, детский психиатр Министерства здравоохранения Республики Башкортостан. Место работы: Республиканская клиническая психиатрическая больница № 1 Министерства здравоохранения Республики Башкортостан, заместитель главного врача по лечебной работе. Научные интересы: детская психиатрия, психотерапия, социальная гигиена и организация здравоохранения. E-mail: UFA.RKPB1@doctorrb.ru

Белова Елена Витальевна – старший преподаватель Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (Калужский филиал), г. Калуга. Область научных интересов: теория дискурса, теория речевой коммуникации. E-mail: helene-82@mail.ru

Васильев Лев Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, г. Калуга. Область научных интересов: речевое воздействие, теория речевой коммуникации, переводоведение. E-mail: argumentation@mail.ru

Гинсар Эдуард Петрович – преподаватель военной кафедры №4 «Связи» КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана. Соискатель ученой степени кандидата педагогических наук. Проводит научные исследования в области совершенствования методики преподавания на военной кафедре связи. E-mail: ginsareduard66@mail.ru

Гладышев Юрий Александрович – кандидат физико-математических наук, профессор кафедры общей физики Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Отличник народного образования. Основные научной деятельности: метод обобщенных степеней Берса и его приложение в математической физике, формализм Бельтрами-Берса и его приложение в математической физике. E-mail: tmi0207@yandex.ru

Золотарева Татьяна Филипповна – кандидат философских наук, профессор кафедры истории и теории социальной работы Российского государственного социального университета, г. Москва. Специалист в области теории и истории социально-политической и воспитательной работы с населением, молодежью, а также области подготовки и переподготовки социальных кадров. Автор более 50 методических, учебных, научных трудов по теории и истории социальной работы. E-mail: tzolotzreva@tochka.ru

Казанжи Мария Иосифовна – Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Одесса, Украина, профессор кафедры общей и дифференциальной психологии, доктор психологических наук, доцент. Основные направления научных исследований: психология фасилитивности, методология научно-психологического познания. E-mail: kazanzhy.mariya@gmail.com

Калманович Вероника Валерьевна – старший преподаватель кафедры высшей математики Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Область научных интересов – математическое моделирование физических явлений, методика преподавания теории вероятностей и математической статистики в школе и в вузе.

E-mail: veronique@ukr.net

Кирдяшкин Сергей Анатольевич – преподаватель военной кафедры №4 «Связи» КФ МГТУ имени Н.Э. Баумана. Основная область научных интересов – военная педагогика, совершенствование тактико-специальной подготовки студентов военной кафедры.

E-mail: Kirdyshkin @ mail.ru.

Козлова Евгения Владимировна – аспирантка 2-го года обучения Московского Государственного Института Культуры, кафедры Музыкального образования. Направление подготовки: 44.06.01. – «Образование и педагогические науки», профиль: «Теория и методика обучения и воспитания (музыка)». E-mail: evgeniyakozlova.88@mail.ru

Королев Владимир Борисович – Первый проректор Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, доцент кафедры юриспруденции, кандидат исторических наук. E-mail: Korolev_VB@tksu.ru.

Косушкин Виктор Григорьевич - заведующий кафедрой инженерных и технологических дисциплин Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского доктор технических наук, профессор. Область научных интересов: управление сложными системами с помощью низкоэнергетичных воздействий, управление инновационными процессами. E-mail: vic_kos@mail.ru

Котов Александр Алексеевич – старший преподаватель военной кафедры №4 «Связи» КФ МГТУ имени Н.Э. Баумана, кандидат военных наук, доцент. Основная область научных интересов – преподавание военных дисциплин.

Кривов Сергей Иванович директор физико-технологического института Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. E-mail: KrivovSI@tksu.ru.

Лыткин Владимир Владимирович – заведующий кафедрой Религиоведения, социально-культурной антропологии и туризма Института социальных отношений Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. В 2013г. защитил докторскую диссертацию на философском факультете Белгородского государственного университета на тему «Философско – антропологический проект К.Э. Циолковского». Член Комиссии по разработке научного наследия К.Э. Циолковского при Президиуме РАН, Преподаватель Международного космического университета (Страсбург, Франция), член Американского Астронавтического Общества (США). E-mail: vlad-lytkin@yandex.ru

Магомедов Рабадан Арсланбекович – доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной антропологии и сервиса Института социальных отношений Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Автор 2 монографий и более 50 научных статей, практикующий врач высшей квалификационной категории. Сфера научных интересов абдоминальная эндоскопическая хирургия, физиология и патология человека, онкология и история медицины. E-mail: doktor1515@mail.ru

Мачехина Екатерина Александровна – преподаватель кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Направления научных исследований – психология морального мышления, условия и механизмы принятия морального решения. E-mail: katarina-psih@mail.ru

Прокопьева Аниса Минулловна – врач-психиатр организационно-методического отдела Республиканской клинической психиатрической больницы № 1 Министерства здравоохранения Республики Башкортостан. Научные интересы: психиатрия, реабилитация. E-mail: rpbmzrb@mail.ru

Решетникова Антонина Ивановна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Института Истории и права КГУ имени К.Э. Циолковского. E-mail: antonina_resh@mail.ru

Степович Михаил Адольфович – профессор кафедры высшей математики Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, доктор физико-математических наук, профессор. Область научных интересов – математическое моделирование и экспериментальное изучение физических явлений, связанных со взаимодействием заряженных частиц и электромагнитного излучения с конденсированным веществом. Премия им. К.Э. Циолковского правительства Калужской области за научную работу (2004 г.), премия им. А.Я. Хинчина правительства Калужской области за научную работу (2007 г.). E-mail: m.stepovich@rambler.ru

Тулбаева Наталья Рифовна – заместитель главного врача по организационно-методической работе Республиканской клинической психиатрической больницы № 1 Министерства здравоохранения Республики Башкортостан. Научные интересы: психиатрия, психотерапия, реабилитационная практика. E-mail: rpbmzrb@mail.ru

Цуканов Евгений Александрович – старший методист военной кафедры №4 «Связи» КФ МГТУ имени Н.Э. Баумана; кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Основная область научных интересов – системный анализ, совершенствование систем управления, научно-методическая деятельность. E-mail: tsukanoy-1956@mail.ru

SUMMARY**Gladyshev Y.A., Kalmanovich V.V., Stepovich M.A.****The application of Bers' theory methods to solution of the problem of transport processes in a multilayer medium.**

The article considers the nonstationary heat conduction problem in a multilayer medium. The Sturm-Liouville problem is solved on the basis of the given matrix solution of the Cauchy problem. The special feature of the research is the using of Bers' theory that makes it possible to consider the problem with axial and central symmetry in a unified manner.

Keywords: multilayer medium, transport processes, Cauchy problem, generalized power.

Magomedov R.A.**Peculiarities of puncture track depending on topography of liver focus formations**

The choice problem of thin suture needle access to the liver focus formations locating in the mouth of the liver veins is that, having the access by the shortest distance at longitudinal liver scanning, the track of puncture needle occurs at a small sharp angle to the liver veins, perpendicular to the cross-section of lower caval vein, when there is a danger of coincidence of puncture needle track with a longitudinal axis of one of liver veins.

Keywords: precision puncture searching's, puncture track, topography of liver focus formations, liver formations.

Arpentieva M.R.**Social work: human and social revolution in megalopolises of Russia**

The article reveals the main trends and phenomena of the formation and development of social work as a professional sphere of social assistance to the population of Russian megalopolises. There are singled out principles, levels and aspects of the social work development at different stages. The revolutionary character of the Institute of social work and its effects on social functioning is shown. There are discussed issues of professional and non-professional assistance, charity and public institutions of social service.

Keywords: megalopolis, social work, social worker, charity, social service.

Artamonov M.A.**Philosophical-anthropological ideals of V.S. Solovyov**

This article analyzes the philosophical – anthropological ideals of V.S. Solovyov. One of the most controversial figures in Russian national discourse of the XIX century was V.S. Soloviev. The personality of the philosopher had a great influence on his contemporaries; philosophical heritage was and is the sphere of interests of a large number of researchers, among them there are classics of Russian philosophical thought N.A. Berdyaev, A.F. Losev, S.N. Bulgakov. The thinker considered the problems of the nation through the prism of humanity movement towards unity on the basis of Christianity. Creative heritage of V.S. Solovyov must be viewed as a moral foundation on the way to unity in the society.

Keywords: Philosophical anthropology, ideal, person, personality, unity, kindness value, V.S. Solovyov.

Belova E.V., Vasiliev L.G.**Everyday conflict from the linguistic point of view**

The article deals with the concept of communicative conflict. Particular attention is paid to everyday conflict. The main structure and characteristics of this phenomenon are described. Basic tactics and strategies that are typical to domestic conflict discourse are shown.

Keywords: everyday conflict, conflict discourse, conflict situation, communication strategies and tactics

Zolotareva T.F.**Social assistance to families of alcoholics and drug addicts**

There are considered issues of social adaptation breaches of alcohol dependent patients and their families in connection with main psychopathological and symptomatically complex alcohol dependence. There are considered approaches to correction of such breaches in the frames of complex medical rehabilitation process for the alcohol dependent patients and their families.

Keywords: alcoholism, adaptation, traumatic experiences, value orientation.

Kosushkin V.G., Korolyov V.B., Krivov S.I.

Strategic planning as effectiveness heightening means of a regional higher educational establishment

The ways to improve the efficiency of universities, such as updating of facilities, improving the quality of methodological and information support of the educational process, improvement of university management were considered. The situation is examined; main problems and challenges of modern Russian education system are considered.

In the example of the Kaluga State University, the ways of work efficiency heightening have been examined, such as an effective contract with the lecturer, the organization of applied bachelor degree course, the implementation of applied qualifications programs, provision of institution activity transparency, independent state certification, education loans, the competition of high schools in the allocation of state order.

Key words: University, efficiency, strategic planning

Lytkin V.V.

The SETI Problem and "Space Anthropology" of Konstantin E. Tsiolkovsky

This article explores the views of the founder of modern theoretical astronautics and missile building K.E. Tsiolkovsky on the problem of human evolution and the possible role of extraterrestrial civilizations in it. The scientist came to the conclusion about inevitable transition of humanity evolution to cosmic evolution. Representatives of Russian cosmism consider the anthropological evolution of mankind as their ascent through the way to the moral, spiritual, intellectual and physical perfection. There is considered the aspect of adequacy of these views of K.E. Tsiolkovsky to the views of contemporary scientists and philosophers. There is the conclusion of the progressive nature of K.E. Tsiolkovsky's "Cosmic philosophy" and its predictive focus.

Keywords: humanity, civilization, evolution, evolution of mankind, cosmic evolution, Konstantin Tsiolkovsky, space philosophy, Russian cosmism, SETI.

Reshetnikova A.I.

Criminological description of prisoners with tuberculosis, staying at medical penitentiaries

The article gives a brief description of prisoners' personality with tuberculosis serving their sentences in prison.

Keywords: prisoners' personality, with tuberculosis, prison.

Ahmerova I.U., Tulbaeva N.R., Prokopieva A.M.

Modern approaches to comprehensive care for children with autistic spectrum disorders

The article provides information on the provision of specialized care for children with mental disorders on the autism spectrum in the Republic of Bashkortostan. Autism is an intensifying developmental disorder that begins within the first three years after birth. Most autistic children look like other kids, but do puzzling and disturbing things and so markedly differ by behavior from typical children. In less severe cases of developmental disorder spectrum, children usually have developed speech and might even be intellectually gifted, but they have one or more "autistic" social and behavioral problems. People used to think that autism was an irreversible disease. However nowadays there is a range procedures and approaches to its treatment.

Keywords: autism spectrum psychic disorders, infantile autism, help.

Bakurova O.N.

Sensitivity to the issue: psychological approaches to the definition and study

The article reveals the essence of the phenomenon of "sensitivity to the problem", explains the importance of its study in connection with the modernization of higher professional education and the need for criteria-based evaluation of competences that determine the readiness of students to professional activity. The

article describes the terms of existence, criteria and levels of development of sensitivity to the problem. There is presented the experience of diagnostic technique development of the considered phenomenon, stimulating material for which is academic tasks with professional content.

Key words: competence, sensitivity to the problem, training tasks with professional content (case-professional tasks), psychology students, the criteria of sensitivity to the problem, levels of sensitivity to the problem, diagnosis methods of sensitivity to the problem.

Ginsar E.P., Kirdyashkin S.A., Kotov A.A., Tsukanov E.A.

Analysis of comprehensive scientific approach to the study of educational process efficiency with students of civil university military departments

The article analyzes the comprehensive scientific approach to the study of educational process efficiency with students of military departments at civilian higher educational institutions that train professionals - officers, sergeants and privates in reserve constituting mobilization reserve of troop types and branches of Russian Federation Armed Forces. There is given the concept of logical thinking, fuzzy logic as a simple and powerful tool of modern programming.

Keywords: terms of efficiency, the learning process, special training, military department, communications, education, circumstances, rules.

M.I. Kazanzhy

A psychological portrait of the future teacher-facilitator

The article represents the results of complex empirical study of the personal facilitative potential. There are ascertained the most characteristic interrelations between parameters of the facilitative ability and indicators of the whole range of personality psychological features. The basic psychological characteristics of persons with the evident facilitative ability are described. The importance of sense-valuable sphere in performing the facilitative actions is demonstrated.

Keywords: facilitation, inhibition, facilitative potential, a psychological portrait of an individual.

Kiryukhina N.V.

Some methods of physics concepts formation among university students

The features of physical concepts formation among university students in the study of General Physics course are considered in the article. We propose an approach that integrates the methods of critical thinking development technology with the technology of physical concepts formation offered by A. V. Usova, based on generalized plans.

Keywords: the concepts formation in the learning process, the technology of physical concepts formation, the critical thinking technology, teaching techniques.

Kozlova E.V.

Attaching of children to traditions of the Russian folk song

The article is devoted to artistic-creative development of children by means of the Russian folk song. The special role in the creative development of the man is played exactly by musical art.

Nowadays main and important directions in the sphere of educational politics are being reviewed, that is straight connected with changes in socio-economic and cultural life of Russia. Primary tasks of modern education are: preservation, distribution and development of national culture.

The article also describes the revival of folk traditions of mass musically-aesthetic education, organizations of child's leisure by means of the Russian folk song. The productivity of artistic-creative process in a great deal stipulates mastering of the Russian folk song in conditions of additional education system.

Key words: musical folklore, tradition, artistic creativity, Russian folk song, artistically - creative abilities, inclinations, child's perception and imagination, improvisation.

Machekhina E.A.

Moral competence of teenager: experience of research procedures development

The paper considers the conception and basic elements of person's moral competence. It is noted that moral competence is understood as possibility of complete image's vision of moral choice situations and subjects. There is described research procedure of reconstruction of moral choice's situations and its indicators - completeness and moral relevance. Indicators of completeness and content relevance of teenagers in different types of dilemmas are described and analyzed.

Keywords: moral competence, moral choice, the completeness of reconstruction, content.

Molotkova S.V.

The experience of studying codependent relatives in the family with chemical addiction

A codependent person from a destructive family with the problem of alcoholism and drug addiction moves in the direction of compulsive self-destruction and needs in assistance from somebody's part. Despite the beliefs of some of our patients that their family is in order, except the problem of alcoholism or drug addiction of a close family member, the psychological status of the most part indicates mental tension and dissatisfaction, and social status is characterized by a material instability and alienation of the environment. And also for co-dependents "salvation" of the addict is the constant meaning of life. Despite the wide range of researches on this problem, nowadays there remain actual all mechanisms underlying in the codependent behavior and investigation of the co-dependent person in the family with chemical addiction.

Keywords: codependence, addiction, family, mental help.